

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ISSN 0131-2812

4/2007

Вооруженные силы Японии

●
Космическая программа Китая

●
Транскорейская
железнодорожная магистраль

●
Академик Тихвинский
о восприятии образа России в Китае

●
Проблемы воспитания детей
в Китае

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

4 / 2007

Июль - Август

Научный и общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском и четыре раза в год на английском языках

Выпускается под руководством Отделения общественных наук РАН

Издается с марта 1972 года

ПОЛИТИКА

- Ким Ен Ун, С. Суслина, В. Пак.* Республика Корея — в 2006 году..... 6
- А. Шлындов.* Вооруженные силы Японии: современное состояние и перспективы развития..... 21
- Юй Сяотун.* Стратегические подходы США к АТР и их влияние на китайско-американские отношения..... 35

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

- С. Просвирнов.* Миграционные проблемы Амурской области: реальность, мифы и иллюзии..... 43
- С. Кошкарева.* Опыт концессионной деятельности иностранцев в районе Охотска (1920-е гг.)..... 48

ЭКОНОМИКА

- П. Каменнов.* Космическая программа Китая..... 53
- Ян Ли.* Зоны высоких технологий в Китае: поиски проблемы..... 63
- А. Бардаль.* Транскорейская железнодорожная магистраль..... 70

ИСТОРИЯ

- С. Тихвинский.* Восприятие образа России в Китае..... 86

© Российская академия наук, 2007 г.

© Редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" (составитель), 2007 г.

1-4 экз.

Юй Цзе. Место Кяхтинского договора 1728 г. в становлении российского китаеведения	95
---	----

ДОКУМЕНТЫ, АРХИВЫ

Р. Мировицкая, А. Ледовский. Советский Союз и китайская провинция Синьцзян в середине 1930-х гг.	105
---	-----

РУССКИЕ В КИТАЕ

Е. Таскина. Русские ученые и исследование растительного мира Маньчжурии	115
И. Капран. Питание как жизненное условие повседневности русского населения Харбина (конец XIX — 50-е гг. XX в.)	121

ОБЩЕСТВО

Т. Алагуева, К. Васильева, А. Островский. Образ россиян в глазах китайцев и образ китайцев в глазах россиян на сопредельной территории	126
В. Лапердина. Экологическая статистика. Опыт Китая	135
О. Манухина. Трансформация взглядов на рождение и воспитание детей в Китае в период политики реформы и открытости	140

ОБРАЗОВАНИЕ

Е. Смолькова. Реформа образовательного рынка КНР после вступления в ВТО: былое Китая и думы о России	150
--	-----

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Цзян Минли. Будем всегда вместе	157
---------------------------------------	-----

ДИСКУССИИ

Э. Пивоварова. По поводу “вихря” вокруг Лю Гогуана	162
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Н. Задерей. Исследования индийских китаеведов	167
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

А. Карнеев. С.Л. Тихвинский. Избранные произведения. В 5 книгах	169
Я. Бергер. Политическая система и право КНР в процессе реформ	173
А. Виноградов. Лузянин С.Г. Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на “Большой Восток”	179
Н. Задерей. Вопросы безопасности в Азии: обзор за 2006 год	184

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Рустаму Мамедовичу Асланову — 70 лет	188
--	-----

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Редакционная коллегия: В.Я. Портяков (главный редактор), Р.М. Асланов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, К.В. Внуков, Ю.М. Гарушянц, Л.М. Гудошников, А.С. Давыдов (зам. главного редактора), А.З. Жебин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов, П.А. Минакир, В.В. Михеев, А.В. Островский, В.Н. Павлятенко, Л.С. Переломов, С.С. Разов, И.А. Рогачев, Д.А. Смирнов, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь).

Статьи этого номера

Ким Ен Ун, С. Суслина, В. Пак. Республика Корея — в 2006 году

В статье проанализированы основные события и проблемы внутренней и внешней политики Республики Корея в 2006 г. Отмечается продолжающийся рост экономики, особенно внешней торговли, благодаря чему Южная Корея является единственной страной ОЭСР, которая на протяжении последних 16 лет имеет профицит бюджета. Во внешней политике, помимо стратегических задач, отмечены достижения и противоречия в отношениях РК с США, Японией, КНР, а также ориентиры и успехи в развитии российско-южнокорейских отношений.

А. Шлындов. Вооруженные силы Японии: современное состояние и перспективы развития

В статье анализируется современное состояние вооруженных сил и военная доктрина Японии, предпринимается попытка определить перспективы их развития на ближайшую и среднесрочную перспективы, дается характеристика Сил самообороны Японии, рассматриваются проблемы их модернизации, а также реорганизации системы управления обороной страны в целом.

Юй Сяотун. Стратегические подходы США к АТР и их влияние на китайско-американские отношения

В статье аспирантки из Китая предпринята попытка рассмотреть причины активизации политики США в АТР, факторы, способствующие реализации этой политики, и ее влияние на китайско-американские отношения.

С. Просвирнов. Миграционные проблемы Амурской области: реальность, мифы и иллюзии

В статье рассматриваются причины снижения численности населения Амурской области и возможные пути преодоления этой негативной тенденции, в том числе, переселение из западных районов России и стран СНГ, привлечение иностранной рабочей силы и пр. К сожалению, считает автор, в обозримом будущем увеличения числа постоянных жителей региона не произойдет, так как отсутствуют внятная программа миграции и перспективы стабильного экономического развития и повышения жизненного уровня населения Амурской области.

С. Кошкарева. Опыт концессионной деятельности иностранцев в районе Охотска (1920-е гг.)

Концессионная деятельность на Северо-Востоке СССР в 1920-е гг. стала важнейшим направлением экономического сотрудничества Советов с иностранными предпринимателями. Европейские и японские фирмы проявляли особый интерес к разведке и добыче золота в районе Охотского уезда Камчатской губернии. На основе архивных документов автор анализирует результаты практической деятельности концессионеров-золотопромышленников. В статье доказываем, что охотские концессионные предприятия по разведке и добыче золота, организованные в 1920-е гг., были, как правило, нерентабельными.

Ян Ли. Зоны высоких технологий в Китае: поиск, проблемы

В статье анализируется одно из важных новшеств, привнесенных в китайскую экономику в процессе ее реформирования — зоны освоения высокотехнологичного производства, которые стали весьма важным инструментом научно-технической инновации. Отдавая дань впечатляющим успехам ЗОВТП, автор уделяет значительное внимание тем недостаткам и проблемам, которые выявились за два десятилетия строительства и развития этих зон.

П. Каменнов. Космическая программа Китая

В статье рассмотрены основные положения и пути реализации политики КНР в области освоения и использования космического пространства в интересах экономики, образования и оборонного строительства как составной части национальной стратегии, направленной на достижение Китаем к 2020 г. статуса ведущей державы инновационного типа. Показано значение научно-технического сотрудничества с Советским Союзом и Россией для становления и развития космической отрасли КНР; отмечено приоритетное внимание к ней со стороны государства, стабильный и долговременный характер ее развития в условиях глобализации.

А. Бардаль. Транскорейская железнодорожная магистраль

В статье исследуются предпосылки, условия и процессы построения взаимоотношений стран АТР при создании нового сухопутного маршрута Азия-Европа. Анализируются возможные варианты воссоздания Транскорейской железной дороги и ее соединения с Транссибирской магистралью, а также потенциальные выгоды и возможные потери России при реализации различных вариантов маршрута.

С. Тихвинский. Восприятие образа России в Китае. (Введение к историческому обзору)

Публикуемая статья является введением к монографии, над которой академик С.Л. Тихвинский работает в данное время. В монографии будут рассмотрены различные вопросы взаимоотношений России и Китая на протяжении всей их 400-летней истории.

Юй Цзе. Место Кяхтинского договора 1728 г. в становлении российского китаеведения

Зарождение и развитие российского китаеведения связано с Российской духовной миссией в Китае (РДМ), основанной в 1715 г. Отправным моментом в истории РДМ и российского китаеведения стало подписание Кяхтинского договора, юридически закрепившего статус миссии и открытие школы русских учеников при ней. В статье на русских архивных документах и цинских источниках, а также на основе опубликованных исследований подробно рассматривается эволюция выработки основных положений договора о РДМ и учениках, позиция российского посланника С.Л. Владиславича-Рагузинского в переговорном процессе; реализация положений договора об условиях создания и функционирования школы при Миссии в XVII в.

Т. Алагуева, К. Васильева, А. Островский. Образ россиян в глазах китайцев и образ китайцев в глазах россиян на сопредельной территории

В статье анализируются результаты социологического опроса, проведенного в 2006 г. Институтом Дальнего Востока РАН совместно с филиалом, созданным на базе Читинского государственного университета. Опрос проводился сре-

ди российской молодежи в Чите и российских и китайских граждан в Забайкальске. Целью данного социологического опроса было восприятие образа россиян глазами простых китайцев, которые регулярно выезжают на заработки в Россию. Параллельно проводился опрос среди россиян, которые проживают в данной местности и также регулярно выезжают в Китай. Его целью стало создание образа китайцев в представлении россиян. Данные опроса позволили не только провести сравнение точек зрения опрошенных, проживающих на сопредельных территориях с практически одинаковыми природными условиями, но и сделать сопоставительный анализ их социального положения и уровней доходов.

В. Лапердина. Экологическая статистика. Опыт Китая

В статье рассматривается опыт Китая в области создания экологической статистики, анализируются данные о загрязнении и деградации окружающей среды, а также их стоимостная оценка, проведенная учеными Китая в 2004–2006 гг. в рамках проекта по расчету “зеленого” ВВП. В работе представлены данные о системе экологического и экономического учета ООН и ее составляющих, а также опыт стран, проводивших экологические расчеты.

О. Манухина. Трансформация взглядов на рождение и воспитание детей в Китае в период политики реформ и открытости

Статья посвящена отношениям родителей и детей в пореформенном Китае. Делая исторический экскурс, автор анализирует характер репродуктивного поведения современной китайской молодежи, положение ребенка в семье, особенности его социализации. Особое внимание уделено таким новым тенденциям в сфере детско-родительских отношений, как добровольная бездетность и проблема “маленьких императоров”. На основе фактического материала показаны характер и глубина происходящих в настоящее время изменений во взглядах на рождение и воспитание детей в КНР.

Е. Смолькова. Реформа образовательного рынка КНР после вступления в ВТО: былые Китая и думы о России

Необходимость регулирования коммерческих образовательных услуг соглашениями ВТО обусловлена сегодня естественным развитием современного общества и мировой экономики. В статье рассмотрены основные изменения в национальной политике в сфере высшего профессионального образования в России и Китае в контексте вступления в ВТО. Целью подобных изменений является создание качественно нового уровня взаимодействия с другими странами: с одной стороны, по обеспечению свободной регуляции импорта и экспорта образовательных услуг, а с другой — по защите сфер отечественного рынка, наиболее чувствительных к соглашениям ГАТС (дистанционное образование, академические обмены, приход иностранных вузов).

Е. Таскина. Русские ученые и исследование растительного мира Маньчжурии

Автор рассказывает о русских ученых, внесших большой вклад в изучение и систематизацию растительного мира Маньчжурии. Благодаря их исследованиям и селекционной работе в крае впервые появились новые сельскохозяйственные культуры: сахарная свекла, помидоры, хрен, укроп, репчатый лук, лен. Они же первыми наладили ягодное садоводство, плодоводство, пчеловодство и виноделие.

Республика Корея — в 2006 году

© 2007

Ким Ен Ун, С. Суслина, В. Пак

Внутриполитическая жизнь. Отличительной чертой политической жизни Республики Корея в 2006 г. стало падение влияния и авторитета и правящей партии, и президента. Примечательно, что к концу года рейтинг правящей партии Еллин Ури и президента Но Му Хена по всем опросам общественного мнения составлял всего 10%, тогда как главную оппозиционную партию устойчиво поддерживали 40% населения¹.

И президент, и правящая партия предпринимали многочисленные усилия для повышения уровня доверия и поддержки, выступив с целым рядом инициатив, которые в любой другой ситуации должны были бы с высокой степенью вероятности дать позитивный результат. В частности, президент Но Му Хен выступил, казалось бы, с беспроигрышным лозунгом о необходимости ликвидации поляризации общества, поскольку в стране насчитывается уже более десятка долларовых миллиардеров, а разрыв в темпах роста доходов между 20% богатых и 20% низкообеспеченных неуклонно растет². Но этот призыв в стране не вызвал сочувствия и поддержки малоимущих слоев населения Южной Кореи, где условия жизни все большего числа представителей мелкого бизнеса и неквалифицированной рабочей силы заметно ухудшились.

Осенью 2006 г. президент Но Му Хен предпринял очередную попытку ослабить противостояние политических партий и выступил с предложением создать под своим руководством политический консультативный совет из руководителей правящей партии Еллин Ури и главной оппозиционной партии Ханнара³. Эта идея была отвергнута оппозицией, как и выдвинутая им в 2005 г. идея формирования коалиционного правительства с участием оппозиционных представителей.

Президент потерпел ряд чувствительных неудач в кадровой политике. В марте 2006 г. был вынужден подать в отставку один из его наиболее близких соратников премьер-министр Ли Хэ Чан, поводом к которой послужило то, что премьер-министр вместо участия в государственных мероприятиях в связи с го-

Ким Ен Ун, кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник ИДВ РАН.

Суслина Светлана Серафимовна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ИДВ РАН.

Пак Виктория Георгиевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН.

довщиной начала антияпонского восстания 1 марта 1919 г., а также решения вопроса о работе железнодорожного транспорта (именно в этот день началась забастовка железнодорожников) поехал в Пусан играть в гольф и участвовать в других развлечениях за счет местных бизнесменов.

Учитывая возрастание роли женщин в общественной и экономической жизни РК¹, президент назначил премьер-министром депутата парламента от правящей партии Хан Мен Сук, бывшую активистку правозащитного и экологического движения. В парламенте Хан Мен Сук уделяла большое внимание вопросу о зарубежных корейцах и защите их прав, в том числе и в самой Корее. Хотя ее кандидатура получила одобрение парламента, и Хан Мен Сук стала первой женщиной — премьером Республики Корея, это не привело к увеличению поддержки политики президента со стороны женской части ее населения.

В августе 2006 г., через 12 дней после назначения, вице-премьер, министр образования и людских резервов Ким Бен Чжун был вынужден подать в отставку после обвинений в плагиате. Оказалось, что в свое время он включил в докторскую диссертацию работы своих студентов, без упоминания источников, откуда были переписаны целые страницы².

2006 г. сопровождался также большим количеством коррупционных скандалов и экономических нарушений со стороны владельцев крупных фирм. В частности, в аферу с игровой системой “Морская история”⁶, нанесшую огромный урон малоимущим слоям населения, оказались втянуты чиновники министерств культуры, финансов, секретариата президента, депутаты парламента⁷. Был арестован и отдан под суд второй в стране по размерам состояния бизнесмен, владелец “Хенде моторз” Чон Мон Гу. Не помогло даже то, что он принял решение пожертвовать на социальные нужды 1 млрд долл. личных средств.

В августе 2006 г. президент выдвинул кандидатом на пост председателя Конституционного суда свою давнюю знакомую Чон Хе Сук, имевшую мало опыта в сфере конституционного законодательства. Из-за резко отрицательного отношения к такой кандидатуре депутатов оппозиции (а председатель Конституционного суда должен получить одобрение парламента) ему пришлось в ноябре отозвать свое представление, назвав другого кандидата.

Ослабление поддержки правящей партии со стороны избирателей наиболее наглядно, как и в 2005 г., проявилось в результатах общенациональных выборов в органы местной власти, состоявшихся 31 мая, а также в ходе двух дополнительных выборов в парламент. В очередной раз на дополнительных выборах в парламент 27 июля (избирались 4 депутата) и 25 октября 2006 г. (избирались два депутата парламента) правящая партия не смогла получить ни одного места. При этом основная оппозиционная партия Ханнара завоевала четыре депутатских мандата, а Демократическая партия — два⁸.

Интересно, что на дополнительных выборах в парламент по округу Сонбук-ыл г. Сеула неожиданно победил представитель Демократической партии Чо Сун Хен — инициатор импичмента против президента Но Му Хена, объявленного парламентом в марте 2004 г., что было воспринято общественностью как неприкрытый вызов нынешнему президенту⁹.

Катастрофичными оказались и результаты выборов в местные органы власти 31 мая 2006 г. Из 16-ти мест губернаторов провинций и крупных городов, фактически имеющих статус провинций, правящая партия завоевала всего один губернаторский пост, тогда как главная оппозиционная партия — 12. Особенно впечатляющим было поражение правящей партии и победа партии Ханнара в провинции Канвондо, где все посты мэров небольших городов и руководителей уездов, а также губернатора заняли выдвиженцы Ханнара. В столичном регионе

посты мэра Сеула, губернатора провинции Кенги, мэра г. Инчона, глав районных администраций всех районов Сеула, а также 99% депутатов Сеульского, Инчонского городских советов, законодательного собрания, муниципальных собраний городов, уездов и волостей провинции Кенги также заняли выдвиженцы Ханнара. Из 230 постов руководителей небольших городов, местных муниципалитетов лишь 19 мест досталось представителям правящей партии, а главной оппозиционной партии — 155 мест¹⁰. За исключением провинций Чолла-намдо и Чолла-букдо фактически вся административная и законодательная власть на местах стала принадлежать оппозиционной партии Ханнара.

Выборы в местные органы власти ознаменовались также тем, что молодежь, в том числе и студенты, всего два года назад составлявшие главную опору правящей партии, в 2006 г. в большинстве своем поддержали главную оппозиционную партию¹¹. Не помогло даже снижение на один год возраста обретения избирательного права. В 2006 г. право голоса получили молодые люди, достигшие 19 лет (ранее им можно было пользоваться только по достижении 20 лет)¹².

Закономерным результатом итогов выборов стала отставка лидера правящей партии Чон Дон Ена, которого сменил на этом посту многолетний борец против военных режимов, бывший министр здравоохранения Ким Гын Тхе. Однако он ничего не смог сделать для восстановления авторитета партии, которая и при новом лидере продолжала проигрывать все выборы.

Объяснение этому достаточно простое. Правящая партия, поддерживающая президента страны, стала заложником его растущей непопулярности, и почти все ее неудачи объясняются падением его авторитета. Многие объективно хорошие идеи, выдвинутые президентом, либо остались нереализованными, либо превратились в свою противоположность.

Так, осталась на бумаге выдвинутая в 2003 г. задача превращения страны в “экономический и финансовый хаб” (узел) Северо-Восточной Азии. Все заметнее становится то, что на эту роль выдвигается Китай. Высказанная в 2005 г. идея о роли Республики Корея как “держателя баланса” международных отношений в Северо-Восточной Азии практически была забыта в год ее провозглашения.

Поставленная президентом в том же году задача добиться снижения цен на жилье обернулась их существенным повышением в Сеуле. Пострадали рядовые граждане, которым с каждым годом приходится платить все более высокий налог на недвижимость.

При прямой поддержке президента для лучшей адаптации южнокорейской молодежи к процессам глобализации были созданы 29 специальных средних школ высшей ступени, специализирующихся по иностранному языку и рассчитанных на 21687 учащихся. Результаты 2006 г. показали, что только 17% их выпускников поступили в вузы или нашли работу, связанную с иностранными языками. Таким образом, от разрекламированных школ пришлось отказаться, чтобы не допускать дальнейшего крайне неэффективного использования бюджетных средств¹³.

Правительство каждый год сообщает о росте ВВП страны, в том числе — на душу населения, о двузначных показателях прироста экспорта и внешней торговли. РК — единственная из стран Организации экономического сотрудничества и развития на протяжении 1990—2006 гг. имела профицит бюджета. А мелкому и среднему бизнесу все труднее выживать, растет кредитная задолженность граждан, которая за 2006 г. увеличилась на 14,1% и составила 290,7 трлн вон (312 млрд долл. США)¹⁴ или 37,2% ВВП.

Все это приводит к невиданному ранее явлению, когда одна треть работающих мужчин и две трети работающих женщин Южной Кореи хотели бы посвятить себя домашнему хозяйству, если в семье будет достаток¹⁵.

РК крайне мало тратит на социальные нужды — менее 6% ВВП, тогда как в США эти расходы составляли в 2003 г. 16,2%, в Японии — 17,7%, в Германии — 27,6%, а в Швеции — 31,3% ВВП¹⁶.

Растет потребление алкогольных напитков, увеличилось число самоубийств. Если в 1982 г. при режиме военной диктатуры и несравненно более низком уровне жизни в Южной Корее на 100 тыс. жителей приходилось 6,8 самоубийств, то в 2005 г. уже 24,7, и по этому показателю страна заняла первое место среди 30 стран ОЭСР¹⁷. Особенно катастрофическое положение с суицидом среди молодежи. Опрос, проведенный среди студентов, показал, что более половины думали о самоубийстве, причем 12% думают об этом по крайней мере раз в месяц¹⁸. Главная причина такого положения — конфликтах с родителями. В то время, когда половину всех безработных¹⁹ в стране составляют молодые люди, это не может не влиять негативно на их психику.

Объективно президентом выдвигаются хорошие идеи, но сложность их реализации, невозможность или неумение воплотить их в жизнь порождают разочарование среди населения.

Результаты всех выборов свидетельствовали не столько о популярности партии Ханнара, сколько о недовольстве президентом и правящей партией.

При подготовке к местным выборам 20 мая 2006 г. во время выступления на предвыборном мероприятии в универмаге Хенде в сеульском районе Синчон имело место покушение на жизнь политического деятеля — лидера партии Ханнара Пак Гын Хе. С момента образования Республики Корея это первый случай покушения на убийство лидера оппозиционной партии, тем более женщины. Пак Гын Хе была госпитализирована²⁰.

Менее чем через месяц после покушения, 16 июня 2006 г. она ушла в отставку с поста лидера партии в соответствии с ее уставом, гласящим, что кандидаты в президенты от партии за полтора года до даты выборов должны уйти со всех руководящих постов, которые они в ней занимают. А поскольку президентские выборы намечены на 17 декабря 2007 г., своей отставкой Пак Гын Хе заявила о собственных президентских амбициях²¹. По той же причине еще двое популярных кандидатов на пост президента от Ханнара — мэр столицы Ли Мен Бак и губернатор столичной провинции Кенги Сон Хак Гю — отказались повторно баллотироваться на свои посты²².

Страна подошла к году новых президентских выборов с крайне ослабленной правящей партией и низким рейтингом президента, которые делают возможным реализацию лозунга Ханнара в период предвыборной кампании в мае 2006 г.: «Сейчас меняем мэра — ставленника партии Еллин Ури, в следующем году — власть в стране». Многое, однако, зависит от того, насколько партия Ханнара сумеет убедить избирателей в том, что она полностью очистилась от коррупционеров в своих рядах, а также — от сплоченности нынешней оппозиции, согласованности действий ее основных представителей, а также способности ныне правящей или новой партии, образование которой представляется вероятным, выдвинуть программу, привлекательную для избирателей. В Корее соотношение сил может измениться буквально накануне выборов, как это уже происходило в 1997 и 2002 гг.

Межкорейские отношения. Отношения между двумя корейскими государствами в 2006 г. носили весьма драматический характер. Они представляли как бы обратное отражение этих отношений годом ранее. Если в 2005 г. полным

замораживанием политических контактов характеризовалась первая половина года, то в 2006 г. правительственные и гуманитарные контакты были приостановлены во второй его половине. Причиной явились испытания Северной Кореей ракетного (июль) и ядерного (октябрь) оружия. Кроме того, мешали застарелые болезни шпиономании в Южной Корее, в частности, раскрытие шпионской сети "Ильсимхве", созданной этническим корейцем — гражданином США²³, обвинения в просеверокорейской ориентации профсоюза учителей. В РК сохранялся анахроничный институт губернаторов пяти провинций Северной Кореи с финансированием их деятельности из госбюджета и регулярными встречами с ними министра объединения²⁴. Не добавляли оптимизма и постоянные нападки СМИ КНДР в отношении главной оппозиционной партии РК Ханнара, в том числе, персональные выпады против лидера партии Пак Кын Хе, что многими было воспринято как недопустимое вмешательство во внутренние дела РК. В периоды охлаждения отношений пресса КНДР регулярно находила поводы для критики южнокорейского "правящего режима" как "фашистского" и "марионетки американского империализма"²⁵. В вопросе о так называемых "похищенных" произошло событие, которое некоторым образом снизило нарастающие требования родственников пропавших людей. В конце июня 2006 г. была организована встреча так называемого "похищенного" Ким Ен Нама с матерью. Его имя более года мелькало в печати Японии и Южной Кореи как мужа японки Мегуми Екота, которая подростком была похищена и вывезена в Северную Корею. Ким Ен Нам объяснил, что он оказался в Северной Корее не добровольно, но и не в результате похищения: в далеком 1978 г., поссорившись с друзьями, он вышел в море на лодке, которую затем вынесло в международные воды. Проходивший мимо северо-корейский грузовой корабль подобрал терпящего бедствие мальчика. Дальше возникла проблема, т.к. судно не могло зайти ни в один порт Южной Кореи. Подростка в случае возвращения могли ожидать большие неприятности (в то время в Южной Корее правил военный режим). Так Ким Ен Нам остался в Северной Корее, получил высшее образование и в настоящее время работает в аппарате ЦК Трудовой партии Кореи. Пресс-конференция, которую он устроил для южнокорейских журналистов, не дала им никаких сенсационных материалов, т.к. человек гордился своими достижениями и не выказывал намерения возвращаться в Южную Корею²⁶.

Правительство РК после ракетных испытаний заявило о прекращении поставок продовольствия и удобрений, а также сырья для производства товаров ширпотреба. КНДР отменила намеченные встречи разделенных семей, приостановила строительство центра для таких встреч, проведение пробного прогона поездов между двумя частями страны, целый ряд культурных мероприятий.

Вместе с тем, гуманитарная помощь по линии общественных организаций не была запрещена, продолжалось осуществление двусторонних экономических проектов в Кэсоне и в горах Кымгансан. В 2006 г. увеличилось число граждан РК, посетивших КНДР (101 708 чел., тогда как в 2005 г. — 88341 чел. без учета туристов, посещавших горы Кымгансан)²⁷.

Оборот межкорейской торговли достиг в 2006 году 1,35 млрд долл. США, увеличившись по сравнению с 2005 г. на 27,8%²⁸.

Большие успехи были достигнуты в реализации проекта создания Кэсонской промышленной зоны. Численность северокорейцев, работающих на 21-м южнокорейском предприятии в Кэсоне, превысила к концу 2006 г. 11 тыс. чел.²⁹. При этом Кэсонский комплекс вышел к декабрю 2006 г. на ежемесячный объем производства продукции в размере 10 млн долл.

Впечатляющие успехи в 2006 г. были достигнуты в морских перевозках между двумя странами. В стоимостном выражении они составили 15,7 млн долл., что в 2,4 раза выше уровня 2005 г. При этом из КНДР было перевезено грузов на 30 тыс. тонн больше, чем из РК³⁰.

Несмотря на истерию, поднятую некоторыми кругами в РК вокруг северокорейского ядерного испытания (9 октября), Южная Корея искала возможности поддержания контактов с Северной Кореей и 20 октября 2006 г. один из советников президента РК Ан Хы Чжон тайно встречался с представителем КНДР Ри Хо Намом в одном из городов Китая³¹.

Реакция официального Сеула на северокорейские ядерные испытания оказалась весьма сдержанной. Президент РК Но Му Хен 2 ноября 2006 г. заявил, что «главным приоритетом своей политики правительство считает мир на Корейском полуострове. Поэтому мы должны будем поддерживать дружественные отношения с Северной Кореей ради сохранения нашей свободы и стабильности»³². Это заявление дает надежду и укрепляет уверенность в поступательном развитии межкорейского сотрудничества, какие бы испытания ни случились в будущем.

Внешняя политика. 2006 г. можно в целом охарактеризовать как достаточно успешный для внешней политики РК, несмотря на ряд серьезных вызовов, с которыми она столкнулась на международной арене.

В первую очередь к ним следует отнести события, связанные с ракетными пусками и ядерными испытаниями КНДР, которые резко обострили обстановку на Корейском полуострове и привели к принятию двух резолюций Совета Безопасности ООН с осуждением действий Северной Кореи. Резолюция № 1718 содержит ссылку на главу 7 Устава ООН, где говорится о действиях, предпринимаемых в условиях угрозы миру и безопасности и предусматривающих определенные санкции.

Эта резолюция была принята единогласно всеми членами Совета Безопасности, включая всех постоянных членов СБ ООН, в т.ч. КНР и Россию. При этом представители именно этих двух стран сыграли важную роль в смягчении формулировок документа, в первоначальном виде представленного японской и американской делегациями и явно носившего конфронтационный и репрессивный характер. В итоге одобрение получил документ, который давал возможность решить проблему с помощью дипломатических и политических мер.

Ракетные и ядерные испытания КНДР и международная реакция на них привели к беспрецедентному давлению на правительство РК как правых сил внутри страны, так и администрации США, настаивавших на максимально жесткой реакции на действия Северной Кореи, на отказе от проводимой администрацией Но Му Хена политики «мира и соцветания» в отношении КНДР. Причем ситуация дошла до того, что советник президента Сон Мин Сун говорил не только о существующих разногласиях между РК и США в вопросах политики в отношении Северной Кореи, но и о праве Южной Кореи проводить самостоятельную линию в этом вопросе без оглядки на США.

Правительство РК отказалось досматривать северокорейские грузовые суда в международных водах, не стало вводить жесткие экономические санкции, как это сделала Япония. Были лишь прекращены бесплатные поставки риса и удобрений (причем это произошло уже после того, куак основная часть поставок была осуществлена).

В 2006 г. РК значительно расширила географию политических и дипломатических контактов. Руководители РК встречались с представителями ведущих стран мира, а также осуществили визиты в Юго-Восточную Азию, Европу, Латинскую Америку, Африку и Океанию. Были открыты новые направления сотрудни-

чества. В целях диверсификации источников энергоносителей Южная Корея начала принимать участие в разведке нефти на территории России, заключила соглашения о сотрудничестве в области энергоресурсов с африканскими странами (Нигерия, Алжир, Египет), Канадой, Азербайджаном и подготовила условия для заключения в последующем таких же соглашений со странами Персидского залива.

Отношения с Россией характеризовались продолжением контактов между высшими руководителям. Состоялась встреча В.В. Путина и Но Му Хена (Ханой, ноябрь). Характеризуя отношения между двумя странами, Президент России В.В. Путин подчеркнул: "Сотрудничество между Россией и Южной Кореей на международной арене в разрешении кризисных ситуаций является для нас крайне важным"³³.

Во время визита Председателя Правительства России М. Е. Фрадкова в Сеул в октябре 2006 г. были подписаны меморандум о взаимопонимании между Корейским агентством по содействию торговле и инвестициям (КОТРА) и Федеральным агентством по особым экономическим зонам, соглашения об охране интеллектуальной собственности при сотрудничестве в космической сфере³⁴.

Здесь уже есть первые результаты. В июле 2006 г. при помощи российской ракеты "Рокот" с космодрома в Плесецке был запущен южнокорейский многофункциональный спутник "Ариран-2" весом 800 кг³⁵. В 2006 г. в Корею был завершён отбор кандидатов на полет на МКС на корабле "Союз" из числа граждан РК. Всего заявку на участие подали 36 тыс. чел., из которых отобрали двоих, причем по предложению южнокорейской стороны одним из кандидатов должна была быть женщина. Отобранные кандидаты являются научными работниками и в конце 2006 г. побывали в Звездном городке, где им с весны 2007 г. предстоит подготовка к полету на МКС в 2008 г.

Развивалось сотрудничество двух стран в области энергетики. Российские и южнокорейские компании вели разведку нефти в западной части Камчатской области. Руководители газовых концернов двух стран А. Миллер и Ли Су Хо в декабре 2006 г. в Москве обсудили вопросы, связанные с организацией поставок трубопроводного газа из России в РК, основные аспекты взаимодействия компаний в рамках проектов по совместной разведке, добыче и маркетингу газа в третьих странах, а также внедрению новых технологий производства синтетического топлива из природного газа. В октябре 2006 г. была осуществлена первая поставка газа на регазификационный терминал в городе Птэнтхэк провинции Кёнгидо в объеме 145 тыс. куб. м³⁶.

Новые направления сотрудничества стали реализовываться и в военнотехнической сфере. Регулярно осуществляются переговоры между высокопоставленными представителями военных ведомств двух стран. В 2006 г. завершена поставка в РК военных судов-амфибий на воздушной подушке "Мурена-Э", построенных на Хабаровском судостроительном заводе³⁷.

Отношения с США складывались непросто из-за отмеченных разногласий по поводу реакции на действия КНДР. Вместе с тем, торговля расширялась, начались переговоры по подписанию соглашения о свободной торговле между двумя странами, причем переговорщики были поставлены в жесткие временные рамки, главным образом из-за требований США по открытию рынка для американской говядины, автомобилей и цитрусовых. Переговоры шли трудно, но обе стороны были движимы желанием достичь успеха, и это позволяло им идти на компромиссы и создавать базу для подписания соглашения в обозначенные сроки³⁸.

В 2006 г. РК завершила переговоры с США о передаче командования Вооруженными силами РК в военное время самим корейцам. Достигнуто соглашение о том, что фактическая передача будет осуществляться с 2009 по 2012 гг.

Первоначально власти РК настаивали на том, чтобы это произошло в 2012 г., а власти США — в 2009 г. В 2006 г., в соответствии с графиком сокращения численности американских войска в РК на 2005—2007 гг., их стало меньше 2 тыс. чел. Командование войск США стало готовить к передаче Южной Корее территории бывших американских баз, прежде всего тех, которые расположены вдоль 38-й параллели, разделяющей КНДР и РК.

Как и в 2005 г., непросто складывались отношения РК с Японией. Причины те же: нежелание Японии отказаться от попыток обелить свои захватнические действия в отношении Кореи в первой половине XX в., продолжающееся переписывание школьных и вузовских учебников истории, оправдывающих захватнические действия Японии в Азии до и в ходе Второй мировой войны, демонстративное посещение главой правительства храма Ясукуни, где похоронены главные военные преступники Японии периода Второй мировой войны, казненные по приговору Токийского международного военного трибунала. Япония не отказалась от территориальных претензий к Южной Корее, в частности на остров Токдо, и попыток присвоить себе часть исключительной экономической зоны РК в море между Японией и Корейским полуостровом. Дело даже дошло до посылки в район острова Токдо отряда боевых кораблей РК для предотвращения попыток судов Сил самообороны Японии провести гидрографическое описание морского дна между островами Токдо и Уллындо, то есть во внутренних водах РК. Кстати, Япония намеревалась провести эти исследования, чтобы подать заявку в Международную гидрографическую организацию о присвоении впадины между островами Уллындо и Токдо названия «Цусимская впадина»³⁹.

В 2006 г. не удалось возобновить прерванные в 2005 г. переговоры о заключении соглашения о свободной торговле между двумя странами.

Только после избрания нового премьер-министра Японии Синтаро Абэ стало возможным организовать встречу высших руководителей двух стран, осуществить визит министра иностранных дел РК в Японию. В то же время явно демонстрируемое новым руководством Японии нежелание дать объективную оценку действиям страны в первой половине прошлого века, сохраняющаяся территориальная проблема, слишком жесткая позиция в отношении Северной Кореи мешают полной нормализации отношений между двумя странами.

Китай продолжал оставаться главным торговым партнером РК. Продолжались контакты между высшими руководителями двух стран. Несколько омрачили отношения споры по поводу государства Когуре в рамках китайского проекта изучения истории Северо-Восточного Китая. Но линия на стратегическое партнерство, проводимая Но Му Хеном и Ху Циньтао, позволит разрешить недоразумения и плодотворно сотрудничать как в вопросах безопасности в Северо-Восточной Азии, на Корейском полуострове, так и по непростым вопросам двусторонних отношений. Продолжалась работа в целях начала переговоров о заключении соглашения о свободной торговле между РК и КНР.

Свидетельством высокого международного авторитета Республики Корея явилось избрание в октябре 2006 г. министра иностранных дел РК Пан Ги Муна Генеральным секретарем ООН. Наличие генсека-южнокорейца, даже без его усилий или действий в пользу РК, открывает большие возможности для РК в проведении независимой политики, в том числе и на Корейском полуострове. И в этом смысле возможная смена режима после президентских выборов 2007 г. не может изменить эту тенденцию.

Экономика. 2006 г. стал для Южной Кореи еще одним этапом упорной борьбы за сохранение динамизма в ее экономическом развитии. В 2006 г. объем ВВП страны достиг 850 млрд долл. в текущих рыночных ценах и более 930 млрд

долл. по паритету покупательной способности валют (ППС) (табл. 1). Несколько повысился и уровень ВВП на душу населения, составивший 18 тыс. долл. против 16 тыс. долл. в 2005 г. Однако налицо признаки плавного снижения темпов роста экономики. Так, если в 2000—2005 гг. среднегодовые темпы прироста достигали 5,5%, то в 2006 г. они намного не дотянули до 5%, а в 2007 г., по прогнозам МВФ, экономический рост еще более замедлится, дойдя лишь до отметки 4,25%.

Таблица 1.

ВВП Южной Кореи с 1996—2006 гг.^а

Год	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Рост ВВП (в% к предыд. году)	8,5	3,8	7,0	3,1	4,7	4,0	4,7
ВВП (в млрд долл.)	511,8	482,0	546,9	605,2	645,3	787,5	850

Республика Корея продолжает удерживать заметные позиции в мировой экономике, заняв в ней с конца 1990-х гг. 11-е место. По объему внешнеторгового оборота она находится на 12-м месте в мире.

По величине валютных резервов Южная Корея входит в первую пятерку стран мира (230 млрд долл.). РК полностью погасила свой долг МВФ в размере 13,5 млрд долл., выделенных ей в качестве кредитов для проведения реформ реструктуризации после финансово-экономического кризиса 1997 г.

В целом можно сказать, что несмотря на высокие цены на нефть, сильную национальную валюту и повышение цен на сырье, экономика РК растет стабильными темпами.

Важным фактором быстрого экономического развития страны традиционно является высокая норма накопления в ВВП — около 30%. При этом определяющую роль играют внутренние сбережения, норма которых достигает 33%.

Внесшая большой вклад в радикальное изменение экономики РК, ориентированная на внешние связи, стратегия экономического развития, в которой главным двигателем роста является экспорт, сохраняется и на современной стадии постиндустриального развития страны.

Правительство не смогло удержать прежний уровень инфляции, который в 2005 г. составлял 2,7% (прогноз на 2006 г. — 3%), и в 2006 г. она достигла 5%. Курс воны к доллару составил 929:1.

Структура ВВП страны по сути осталась неизменной. В 2006 г. доля сельского хозяйства в ВВП составляла 4%, промышленности — 30%, сферы услуг — 66%.

Хотя страна обладает ограниченным фондом пахотнопригодных земель (19% от всей земельной площади), объем сельхозпроизводства, благодаря высокой урожайности зерновых, за последние 15 лет увеличился вдвое. Сейчас темпы прироста несколько замедлились, но приоритетная задача самообеспечения рисом была достигнута (производство риса — 4,8 млн тонн).

Несмотря на отсутствие сколько-нибудь значительных запасов углеводородов, в РК создана развитая энергетическая база, 30% производства электроэнергии дают АЭС.

Обрабатывающая промышленность по-прежнему занимает ведущие позиции в южнокорейской экономике. РК давно стала первым мировым производителем судов, занимает третье место в мире по производству полупроводников

и четвертое — по производству цифровой электронной аппаратуры. По объему производства текстиля, стали и нефтехимической продукции страна занимает пятое место, а по количеству производимых автомобилей шестое место в мире⁴¹.

Судостроительная отрасль, на долю которой приходится в среднем 40% всех заказов, сделанных в мире на строительство судов, является лидером южнокорейской промышленности на протяжении последних трех лет. При этом наибольшим спросом на мировом рынке пользуются танкеры для перевозки нефти и газа, а также плавучие нефте- и газодобывающие платформы. На три компании: Hyundai Heavy Industries (HHI), Daewoo Shipbuilding and Marine Engineering (DSME), Samsung Heavy Industries (SHI) приходится примерно 70% общего производства судов в РК. В тоже время им ощутимо наступают “на пятки” кораблестроители КНР.

Южнокорейское производство полупроводников, занимая почти 11% мирового рынка, идет в авангарде этой отрасли, особенно в отношении флэш-памяти и интегральных систем (SOC).

По уровню глобальной конкурентоспособности, по данным Всемирного экономического форума (ВЭФ), Республика Корея в 2006 г. заняла 24-е место в мире⁴². Высокие оценки были даны по таким показателям, как инфраструктура, макроэкономика, эффективность рынка, технологическое развитие, инновационный потенциал. Образование и распространенность Интернет-сетей также находятся на достаточно высоком уровне.

Что касается прогнозов, то правительство представило долгосрочную концепцию развития страны (“Концепция 2030”), призванную к 2030 г. превратить ее в одну из передовых стран мира. С этой целью будут разработаны конкретные меры, направленные на решение социальных проблем, включая проблему снижения темпов рождаемости, старения общества, социальной поляризации и низких темпов экономического развития. Согласно этому прогнозу, планируется завершить перестройку основных социальных и экономических институтов к 2010 г. и благодаря устойчивому росту и созданию системы социальной безопасности в 2020-х гг. вывести РК в число передовых стран мира в области политики, экономики, общественной жизни, культуры и т.д. Предполагается довести ВВП до 2 трлн 406 млрд долл., а ВВП на душу населения в год — до 49 тыс. долл.⁴³

По экспертной оценке реализация этой программы потребует крупных финансовых затрат. В самом докладе они оцениваются в 1,15 трлн долл. Это означает, что в период с 2006—2010 гг. ежегодные расходы на повышение благосостояния граждан должны составить минимум 0,1% от размера южнокорейского ВВП, а с 2011—2030 гг. — 2,1%. Для решения этой задачи правительство намерено пополнять бюджет без повышения налогов с 2007—2010 гг. за счет реструктуризации государственных расходов и сокращения налоговых льгот.

Правительство РК также прилагает усилия по активизации привлечения прямых иностранных инвестиций (ПИИ) для реализации основных задач указанной программы.

По объему притока ПИИ Республика Корея в 2005 г. находилась на 21-м месте, а общий объем привлеченных инвестиций к ВВП составил 8%. Средний общемировой показатель отношения ПИИ к ВВП составляет 21,7%.

Общий объем накопленных ПИИ в 2005 г. составил 115,4 млрд долл., что в 4 раза выше, чем в 1997 г.

Таблица 2

Накопленные ПИИ в РК.44

	Страна	Количество проектов (1962—2005)	Накопленные ПИИ, тыс. долл. (1962—2005)
1	США	7 045	34 935 700
2	Япония	8 888	17 398 668
3	Нидерланды	783	12 966 746
4	Малайзия	648	6 872 601
5	Германия	1122	6 767 824
6	Великобритания	731	5 781 378
7	Франция	589	3 536 122
8	Сингапур	620	3 495 109
9	Канада	389	3 407 544
10	Гонконг	807	2 720 619
13	Китай	4 891	1 755 238
50	Россия	252	18 403
	Другие	7 159	15 791 292
	Всего	33 924	115 447 244

Основной поток ПИИ был направлен в финансовую сферу и сферу страхования, электронику, оптовую и розничную торговлю, телекоммуникации и автомобилестроительную отрасли. Ведущими инвесторами в экономику Республики Корея стали США, Нидерланды, Япония и Великобритания.

Для увеличения объема привлекаемых ПИИ правительство разработало программу, в которой планируется фундаментально улучшить условия для притока ПИИ. Этой цели планируется достичь путем создания свободных экономических зон (СЭЗ) с ведущими экономически развитыми странами. Кроме того, планируется разработать долгосрочную программу по улучшению бизнес-среды для иностранных инвесторов. Ее основная цель — увеличение объема прямых иностранных инвестиций на 10% ежегодно до 20—25 млрд долл. к 2015 г. Средства производства также будут улучшены благодаря иностранным инвестициям. Объем ПИИ к ВВП планируется увеличить с 13.9% до 15% к 2015 г.

Внешнеэкономические связи.

Во внешнеэкономической сфере РК в 2006 г. достигла весьма существенных результатов. Её экспорт впервые превысил уровень 300 млрд долл. США. В 2003—2006 гг. ежегодные темпы роста экспорта выражались в двузначных числах, а его объем фактически удвоился, достигнув в 2006 г. 325 млрд долл. США⁴⁵.

Форсированный рост экспорта наблюдался на фоне укрепления местной валюты⁴⁶ и высоких мировых цен на сырье и энергоносители. В течение следующих 5-ти лет объем экспорта, как предполагают эксперты, увеличится до 500 млрд долл. США, что позволит РК переместиться с нынешнего 11-го на 8-е место в рейтинге крупнейших мировых экспортеров вслед за Германией, США, КНР, Японией, Францией, Великобританией и Канадой⁴⁷. В этом плане РК предпринимает активные меры по дальнейшему совершенствованию своей либеральной модели экономического развития, что проявляется в политике последовательного участия в мирохозяйственных связях и процессах глобализации и регионализации.

В 2006 г. начались переговоры о заключении соглашения о свободной торговле между РК и США. В 2006 г. товарооборот между РК и США составлял 74 млрд долл. Высказывается предположение, что подписание соглашения может довести его в самое ближайшее время до 100 млрд долл. и по оценкам оно может дать дополнительный прирост ВВП РК на 2,3%, а ВВП США — на 0,14%.

Экономические отношения РФ и РК.

Прошедший год ознаменовался важными экономическими достижениями в хозяйствах двух стран. По расчетам специалистов МВФ, ВВП РФ приближается в стоимостном выражении к 975 млрд долл. США. В результате по данному показателю РФ становится десятой крупнейшей мировой экономической державой. Другими словами это означает, что экономики РФ и РК находятся “в одной весовой категории”. Более того, в последние годы в экономиках обеих стран проявились схожие благоприятные тенденции — темпы роста экспорта и в целом внешнеторгового товарооборота в РФ и РК в 2—3 раза превышали среднемировые показатели. Стоимостной объем вывоза товаров из РФ в конце 2006 г. также впервые превысил рубеж в 300 млрд долл. США.

В последние 5 лет, отражая общие тенденции роста внешнеторгового товарооборота двух стран, объем их взаимной торговли утроился, составив в 2006 г. 9,7 млрд долл. Но даже при этом на российско-южнокорейскую торговлю приходилось всего лишь 2% внешнеторгового товарооборота РФ и чуть более 1,5% от внешней торговли РК. В списке основных мировых торговых партнеров РФ в 2006 г. занимала 12-е место в числе импортеров и 16-е место — среди экспортеров, пропустив вперед Оман и Иран⁴⁸. В российско-южнокорейском товарообороте отмечается новое явление — нарастающий дисбаланс в пользу РК. Если в 2000—2002 гг. российский экспорт устойчиво преобладал над импортом, то в 2003—2004 гг., несмотря на сохранявшиеся тенденции роста индекса цен на основные товары российского экспорта, взаимная торговля становится сбалансированной, а в 2005—2006 гг. уже наблюдается дефицит. По данным официальной таможенной статистики двух стран в 2005—2006 гг. он в совокупности превысил 2 млрд долл. США.

Динамичное расширение экспорта РК на российский рынок в последние годы базируется на таких высокотехнологичных товарах, как автомобили (28% всего ввоза в 2006 г.), промышленное оборудование (16%), суда, включая плавучие буровые установки для нефтегазовой промышленности (7,5%), автомобильные компоненты и запчасти (6%). В российском же экспорте в РК в последние годы наблюдалась прямо противоположная картина. В 2006 г. доля минеральных продуктов, топливно-энергетических товаров и металлов достигла 82,68% российского экспорта в РК. При этом более половины стоимостного объема российского экспорта в 2006 г. приходилось практически на пять наименований: необработанный алюминий и алюминиевые сплавы (20%), сырая нефть (16%), светлые нефтепродукты (9%), необработанный никель (7%) и битуминозный уголь (6,7%).

Если учитывать, что в настоящее время РК более чем на 80% зависит от поставок сырой нефти с Ближнего Востока, а на долю РФ приходится лишь 1% всего южнокорейского импорта этого продукта, то можно прогнозировать диверсификацию, которая создаст дополнительные возможности для роста объемов поставок российских энергоносителей. В ближайшие годы поставки сжиженного природного газа (СПГ) из РФ могут осуществляться только танкерами с месторождения “Сахалин-2”, где РК законтрактовала 16% от запланированного производства, или 1,5 млн т СПГ в год⁴⁹. Соответственно, серьезного увеличения масштабов российского экспорта в РК можно добиться только за счет расшире-

ния номенклатуры вывозимых товаров. И это проблема не столько российско-южнокорейской торговли, сколько российской внешнеторговой стратегии в целом.

Что касается других форм экономического сотрудничества, то на конец 2006 г. накопленные прямые инвестиции РК в экономику России достигли 372 млн долл. США (см. табл. 7), причем более четверти из них приходится только на прошедший год, когда наблюдался их трехкратный рост (с 34,2 млн долл. США в 2005 г. до 102,5 млн долл. США в 2006 г.). Но даже в самый благоприятный 2006 г., по оптимистичным оценкам, доля южнокорейского капитала в общем объеме прямых иностранных инвестиций в РФ не превысила 0,75%⁵⁰. Что касается российских инвестиций в РК, то их совокупный объем на конец 2005 г. составлял символические 18 млн долл. США.

Таблица 3

Прямые инвестиции РК в РФ по секторам экономики (тыс. долл. США)⁵¹.

Сфера инвестирования	2006 г.	Накопленные инвестиции	
	Сумма	Сумма	Доля
Сельское хозяйство и рыболовство	5 442	24 680	6,60%
Добывающая промышленность	—	29 065	7,80%
Производство	30 615	116 707	31,40%
Строительство	3 755	8 359	2,20%
Оптовая и розничная торговля	57 163	74 310	19,90%
Транспорт и логистика	3 410	3 910	1,10%
Телекоммуникации	—	28 088	7,60%
Ресторанный и гостиничный бизнес	1 335	48 543	13,10%
Сфера услуг	120	4 657	1,40%
Недвижимость	695	33 245	8,90%
Всего:	102 535	371 564	100%

Россия придает большое значение осуществлению проекта соединения Транссиба с Транскорейской железной дорогой, что, по нашему мнению, создало бы условия для формирования естественного транспортного моста между Западной Европой и Восточной Азией и привлечения дополнительного грузопотока.

В рамках последующей практической проработки проекта на трехсторонних переговорах руководителей ОАО «Российские железные дороги» и железнодорожных администраций КНДР и РК (17 марта 2006 г., г. Владивосток) принято решение о создании рабочей группы по реконструкции ТКЖД на участке Хасан-Раджин с выходом на Транссиб (председателем российской части рабочей группы назначен вице-президент ОАО «РЖД» В.Н. Сазонов).

В плане научного сотрудничества продолжается работа по созданию совместного центра по обмену научно-технической информацией. Его головными организациями определены Центр исследований и статистики науки (ЦИСН) и Корейский институт научно-технической информации (KISTI).

В 2006 г. началась практическая работа по реализации Меморандума о взаимопонимании между Государственным оптическим институтом им. С.И. Вавилова (ГОИ) и Корейским институтом электротехнических исследований относительно создания в РК совместного научно-исследовательского оптического центра (SOI-KOREA). Указанный центр будет заниматься не только разра-

боткой исследовательских проектов, в том числе оптических систем, лазеров и медицинского оборудования, но и их внедрением в производство по схеме “научные разработки — коммерциализация — распределение общей прибыли”.

1. http://www.koreaherald.co.kr/SITE/data/html_dir/2006/12/20/100612200012.asp
2. 20% богатых имеют доходы в 7,64 раза больше, чем бедняки. При этом доходы богатых растут на 20% быстрее. — http://www.koreaherald.co.kr/SITE/data/html_dir/2007/02/07/200702070045.asp
3. <http://english.yna.co.kr/Engnew/20061126/410100000020061126162708E1.html>
4. На начало 2006 г. женщины составляли 42,1% всего занятого населения, тогда как на начало 2005 г. — 40,9, а на начало 2004 г. — 40,8%. При этом женщины составляли более трех четвертей занятых в системе общественного питания и сферы обслуживания, более двух третей в медицине и в социальном обеспечении. Данные по 167 финансовым учреждениям, включая банки и страховые компании, показывают, что созданные в 2006 г. 20 тыс. рабочих мест почти на 60% заняли женщины. С недавних пор исключительно мужские должности, такие как прокуроры и судьи, все больше занимают женщины. Так, в 2006 г. из вновь назначенных прокуроров и судей 54% составили женщины. Еще более примечательная тенденция наблюдается в сфере высокооплачиваемых профессий (законодатели, высокопоставленные госслужащие, адвокаты, врачи и профессора вузов). В 2006 г. из 220 тыс. вакансий 154 тыс., или 69,4% заняли женщины. См.: The Korea Herald: 2007. 24 апр.
5. http://rki.kbs.co.kr/russian/news/news_detail.htm?No=12286
6. По некоторым данным, 19 млрд долл. потеряли учащиеся, домохозяйки, малоимущие, пытаясь игрой в “Морскую историю” поправить свои финансовые дела.
7. В Корее действует правило, по которому максимальный выигрыш на игровом автомате не может превышать 20 тыс. вон (примерно 21 долл.). Игровая система “Морская история” предусматривала максимальный выигрыш в размере 3 млн вон (примерно 3150 долл.), причем выигрыш выдавался в виде подарочного сертификата, который в нарушение закона обменивался на наличные с взиманием 10% комиссии.
8. http://rki.kbs.co.kr/russian/news/news_issue_detail.htm?No=8389
9. Проведенные опросы жителей избирательного округа показали, что 63% респондентов не имели претензий к нему за то, что он в свое время добился вынесения импичмента президенту Но Му Хену. Не все они голосовали за кандидата Чо, но среди них преобладали люди, которые в 2004 г. осуждали вынесение импичмента президенту. — <http://www.chosunilbo.com/politics/news/200607/200607250050.html>
10. The Korea Herald. 2006ю 2 июня.
11. <http://www.chosunilbo.com/politics/news/200606/20060610719.html>
12. http://rki.kbs.co.kr/russian/news/news_issue_detail.htm?No=7249
13. http://www.koreaherald.co.kr/site/data/html_dir/2007/04/25/200704250020.asp?kpage=1&kppage=0&scode=FA&art_id%22
14. http://www.koreaherald.co.kr/SITE/data/html_dir/2007/04/09/200704090020.asp
15. <http://vestnik.tripod.com/novosti07/041702.html>
16. <http://english.yna.co.kr/Engnews/20060814/460100000020060814144950E1.html>
17. <http://english.yna.co.kr/Engnews/20070422/610000000020070422084730E2.html>
18. http://www.koreaherald.co.kr/site/data/html_dir/2007/04/25/200704250017.asp
19. http://new.ydi.or.kr/ht_main/viewbody.html?uid=415&ht_div=topissue
20. <http://www.chosunilbo.com/politics/news/200605/200605210206.html>
21. http://www.koreaherald.co.kr/SITE/data/html_dir/2006/06/16/200606160035.asp
22. Необходимо отметить, что в РК любой депутат, правительственный чиновник, военнослужащий, любой представитель органов власти, намеревающийся бороться за пост президента, обязан уволиться с места службы. Точно также любой служащий из любого органа власти, а также военнослужащий, зарегистрированный в качестве кандидата в депутаты любого уровня, руководителя местного или провинциального органа

власти, должен подать в отставку, причем возврата на прежнюю должность, службу не бывает. Например, если командир роты капитан Х зарегистрировался в качестве кандидата в депутаты Сеульского городского совета, на этом его военная карьера полностью прекращается, независимо от того, победил он на выборах или нет. В любом случае он уже не может вернуться на военную службу.

23. http://rki.kbs.co.kr/russian/news/news_detail.htm?No=13099
24. http://unikorea.korea.kr/unikorea/jsp/unikorea1_branch.jsp?_action=news_view&_property=ph_sec_1&_id=155168451&currPage=&_category
25. <http://www.uriminzokkiri.com/>
26. http://www.koreaherald.co.kr/SITE/data/html_dir/2006/06/30/200606300053.asp
27. <http://www.unikorea.go.kr/english/EPA/EPA0201R.jsp>
28. <http://www.unikorea.go.kr/english/EPA/EPA0501R.jsp>
29. <http://english.yna.co.kr/Engnews/20070216/630000000020070216161909E7.html>
30. http://rki.kbs.co.kr/russian/news/news_detail.htm?No=13548
31. http://www.koreaherald.co.kr/SITE/data/html_dir/2007/04/17/200704170003.asp
32. Чосон илбо. 2006. 3 нояб.
33. http://rki.kbs.co.kr/russian/news/news_detail.htm?No=12700
34. http://rki.kbs.co.kr/russian/news/news_detail.htm?No=12877
35. http://rki.kbs.co.kr/russian/news/news_issue_detail.htm?No=7699
36. http://rki.kbs.co.kr/russian/news/news_detail.htm?No=13331e
37. http://rki.kbs.co.kr/russian/news/news_detail.htm?No=12700
38. Утром 2 апреля 2007 г. переговоры успешно закончились в Сеуле. Оценка соглашения о свободной торговле между РК и США будет дана в материалах, посвященных 2007 г. РК намерена в 2007 г. начать конкретные переговоры с Евросоюзом и КНР о подписании соглашения о свободной торговле.
39. Золотов Е. У. К вопросу о ситуации вокруг острова Токдо // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 5. С. 45
40. Republic of Korea Economic Bulletin/ Ministry of Finance and Economy Republic of Korea. 2006. Vol. 28, № 9; 2007. Vol. 29, № 3; The Bank of Korea: Monthly Bulletin. 2006. № 7. P. 162.
41. Источник: Министерство финансов и экономики РК; сайт kbsradio.
42. Сайт kbsradio 28.09.06.
43. Там же.
44. <http://www.minwon.mocie.go.kr>
45. Данные Федеральной службы государственной статистики РФ и Таможенной службы РК. В 2006 г. курс южнокорейской воны по отношению к доллару США укрепился на 9%.
47. Korea in \$300 Billion Export Club // The Korea Times. 2006. 30 November.
48. Рассчитано по: www.global.kita.net
49. За газопровод в Китай заплатит Корея // Коммерсант. 2006. 18 окт.
50. Рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики РФ и Таможенной службы РК.
51. Информация торгового представительства РФ в РК.

Вооруженные силы Японии: современное состояние и перспективы развития

© 2007

А. Шлындов

Данная статья представляет собой попытку комплексного анализа современного состояния и перспектив развития вооруженных сил (Сил самообороны) Японии и некоторых других элементов ее военной организации. В ней ставится задача рассмотреть базовые документы, составляющие японскую военную доктрину как концентрированное выражение ее концепции национальной безопасности, роль и место военных средств в достижении главных целей государственной политики, предназначение Сил самообороны Японии, содержание основных этапов их модернизации в соответствии со среднесрочными и долгосрочными программами (1996—2015 гг.) военного строительства, вопросы государственного оборонного финансирования, структуру военного бюджета, систему материально-технического обеспечения вооруженных сил, закупок вооружения и военной техники (ВВТ), военно-научную и технологическую базу военного ведомства и отраслей промышленности, выполняющих его заказы, основные черты военного производства страны в условиях ограничений, налагаемых 9-й статьей Конституции, и существующего запрета на экспорт вооружения и военной техники. В статье содержатся среднесрочные и долгосрочные оценки перспектив наращивания Японией такого военного потенциала, который мог бы стать инструментом укрепления и проецирования на региональном уровне комплексной мощи государства.

Концептуальные и военно-доктринальные основы военного строительства Японии

Превращение Японии в XXI в. в полноценную мировую державу, способную в случае необходимости использовать военную составляющую комплексной мощи, требует решения целого ряда задач, обеспечивающих оперативную реализацию имеющихся у нее экономических, финансовых, научно-технических и технологических возможностей. Это необходимо для того, чтобы с максимальной эффективностью воздействовать на международную обстановку в интересах создания наиболее благоприятных условий для реализации стратегии устойчивого развития и укрепления позиций Японии в мире путем активного участия в формировании, поддержании и функционировании нового международного порядка.

Обеспечение национальной безопасности понимается в Японии как сдерживание и нейтрализация угроз различного характера, направленных против

независимости государства, его территориальной целостности, политической самостоятельности, экономического благополучия, жизни, свободы и имущества граждан. В настоящее время это понятие охватывает широкий круг вопросов, связанных с защитой государства и его населения от внешних и внутренних угроз, в том числе от международного и внутреннего терроризма, с обеспечением сырьевой, энергетической, экологической, военной, продовольственной и других видов безопасности.

Для наиболее полного, многоаспектного и системного решения задач безопасности в качестве основы внешнеполитической стратегии и военной политики Японии в 1980-е гг. была разработана и принята концепция "комплексного обеспечения национальной безопасности", в соответствии с которой реализация национальных целей государства может быть осуществлена в полном объеме только при опоре на его совокупную мощь при оптимальном сочетании военных и невоенных средств. Эта концепция, в которой приоритет отдается использованию политических, экономических и других невоенных средств как наиболее эффективному пути повышения влияния Японии в мире, стала стержнем военной доктрины страны, предопределив ее оборонительный характер[□].

С учетом изменений, происходящих сегодня в мире и в самой Японии, в национальной военной доктрине ставятся следующие задачи на ближайшую, среднесрочную и долгосрочную перспективы:

— укрепление внутривнутриполитической стабильности, преодоление кризисных явлений в экономике и финансах, осуществление реформы в указанных сферах, преодоление отставания Японии от США и некоторых других стран Запада в научно-технической сфере, особенно в области информационных технологий;

— развитие равноправных союзнических отношений с США, укрепление партнерских связей со странами Европы, в том числе по линии налаживания контактов в сфере безопасности как с отдельными государствами, так и в рамках НАТО, расширение всестороннего сотрудничества с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), добрососедское сосуществование и взаимовыгодное сотрудничество с Китаем и Россией.

Отдавая предпочтение в обеспечении безопасности невоенным мерам, Япония, тем не менее, не исключает при определенных условиях применения вооруженных сил, строительство которых осуществляется на основе концепций "самостоятельной обороны", "базовых вооруженных сил" и ориентирования исключительно на оборону.

Принятая еще в начале 1970-х гг. концепция "самостоятельной обороны" нацеливает вооруженные силы страны на достижение такого боевого потенциала, который позволял бы самостоятельно обеспечивать военную безопасность Японии путем сдерживания агрессии с применением сил общего назначения. Что касается сдерживания широкомасштабной агрессии с применением ядерных средств, то здесь Япония полагается на США.

Концепция "базовых вооруженных сил" предусматривает создание компактных, укомплектованных хорошо обученным личным составом и оснащенных

□ В Японии не существует отдельного документа именуемого "военной доктриной," но это не означает отсутствия таковой. Основные положения японской военной доктрины отражены в различных документах и законодательных актах основополагающего характера, в том числе в Конституции страны, законах, официально утвержденных планах, программах и т.д.

современным вооружением и военной техникой (ВВТ) вооруженных сил с оптимальными для решения оборонных задач организационно-штатной структурой и средствами вооруженной борьбы.

В мирное время они должны обеспечивать сдерживание агрессии против Японии с минимально необходимыми для обороны численностью личного состава и количеством ВВТ. В угрожаемый (особый) период такие вооруженные силы должны обеспечивать базу для развертывания крупной армии военного времени.

Концепция “базовых вооруженных сил” основное внимание уделяет качественному совершенствованию японских Сил самообороны, которое предполагает как оптимизацию их общей структуры, так и совершенствование организационно-штатной структуры соединений (частей) на основе поддержания рационального соотношения между боевыми частями и частями (подразделениями) боевого обеспечения; повышению эффективности и боевой устойчивости органов управления; увеличению ударной и огневой мощи воинских формирований посредством их оснащения современными видами ВВТ национальной разработки и производства; совершенствованию профессиональной и морально-психологической подготовки личного состава, а также улучшению системы боевого и тылового обеспечения, оперативного оборудования территории. Важная роль в реализации мероприятий по качественному совершенствованию вооруженных сил страны отводится системе отмобилизования войск и расширению и интенсификации военных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР).

Появившаяся в японских военно-теоретических разработках идея “превентивной обороны”, допуская возможность разгрома сил противника на дальних подступах к Японии, не предполагает нанесения превентивных ударов по его территории. Несмотря на то, что такая идея время от времени высказывается некоторыми военными специалистами и политическими деятелями, она до сих пор не получила концептуального оформления. Более того, для ее реализации японские Силы самообороны на данный момент не имеют необходимых сил и средств. Как известно, в их составе нет бомбардировочной авиации, оперативно-тактических, в том числе крылатых ракет, авианесущих кораблей и другого ударного вооружения и военной техники.

В военной доктрине Японии ни одно из государств прямо не называется потенциальным противником. Тем не менее, она довольно четко вскрывает источники потенциальной военной угрозы для Японии, а также выделяет страны, которые могут представлять для нее такую угрозу.

В качестве таких источников потенциальной военной угрозы называются сохраняющаяся напряженная обстановка на Корейском полуострове и в Тайваньском проливе, а к числу стран, способных использовать военно-силовые методы против Японии, отнесены Китай, Россия и КНДР. Следует отметить, что на современном этапе в иерархии стран, представляющих потенциальную угрозу для Японии, Китай стал реально занимать первое место, которое не было покорено даже после проведенного КНДР испытания ядерного устройства. Особое беспокойство политического и военного руководства Японии вызывает беспрецедентно высокий, по его мнению, рост военных расходов Китая, которые согласно официальным существенно заниженным статистическим данным уже более десяти лет подряд ежегодно увеличиваются на 10 и более процентов (в 2007 г. планируется увеличить оборонные расходы на 17%)¹. Токио настораживает также то, что столь масштабное усиление военной мощи Китая закрепляется соответствующей законодательной базой. Так, в одном из ежегодников УНО “Оборона

Японии-1998" подчеркивалось: "Китай в феврале 1992 г. ужесточил свой Закон о территориальных водах, зафиксировав в нем положение о том, что принадлежащие Японии острова Сэнкаку, а также Спратли и Парасельские острова, на которые претендуют некоторые государства АСЕАН, являются территорией КНР"².

По поводу развития военного потенциала в перспективной долгосрочной программе строительства Сил самообороны на 1996—2015 г. записано: "Япония в соответствии с Конституцией по своей собственной инициативе ограничивает темпы и масштабы своего оборонного строительства, строго следуя основным принципам политики, ориентированной исключительно на оборону; она не станет военной державой, которая могла бы представлять угрозу другим государствам, осуществляет гражданский контроль за вооруженными силами, остается приверженной трем неядерным принципам и неукоснительно реализует японо-американские мероприятия по безопасности"³. В этом заключается основное кредо современной военной политики Токио, имеющей четко выраженную оборонительную направленность.

Характеристика Сил самообороны Японии.

Основу военной организации Японии составляют ее вооруженные силы — Силы самообороны (ССО). Они имеют трехвидовую структуру в соответствии со сферами применения: сухопутные войска (Сухопутные силы самообороны), военно-морские (Морские силы самообороны) и военно-воздушные силы (Воздушные силы самообороны).

Общая численность личного состава Сил самообороны Японии составляет 240 400 человек. В резервных формированиях числится 41 800 человек.

Самым многочисленным видом вооруженных сил являются Сухопутные силы самообороны (СССО), насчитывающие 148 300 человек. При этом в резерве повышенной готовности СССО (боеготовый резерв) числится 6200 человек, в резерве общей готовности — 33 800 человек⁴. Сухопутные войска, по мнению японского военного командования, должны обладать способностью самостоятельно или совместно с другими видами вооруженных сил решать следующие задачи: обеспечивать противодесантную оборону Японских островов во взаимодействии с ВВС и ВМС; вести все виды боевых действий против высадившихся сил противника; участвовать в противовоздушном прикрытии центров государственного и военного управления, промышленных районов и районов базирования войск, командных пунктов; осуществлять высадку морских и воздушных десантов; участвовать в поддержании или восстановлении общественного порядка; проводить поисково-спасательные операции; ликвидировать последствия стихийных бедствий и катастроф техногенного и иного характера, а также принимать участие в миротворческих и антитеррористических операциях.

В интересах повышения эффективности антитеррористической и противодиверсионной борьбы, а также для участия в международных миротворческих операциях правительство Японии приняло решение создать в составе Сухопутных сил самообороны силы быстрого реагирования численностью 3200 человек. Официально они были сформированы 28 марта 2007 г. на основе имеющегося в СССО подразделения специальных операций. Штаб сил быстрого реагирования размещился на военной базе Асака в токийском районе Нэрима⁵.

Сухопутные силы самообороны организационно состоят из: штабов полевых армий (региональных командований) с формированиями обеспечения (5);

дивизий, включая одну танковую (9); пехотных бригад (4); артиллерийских бригад (1); артиллерийских подразделений (1); подразделений сил специальных операций (специального назначения) (1); инженерных бригад (5); вертолетных бригад (1); тренировочных (учебных) бригад (3); тренировочных (учебных) полков (1); бригад противовоздушной обороны (ПВО) (2); парашютно-десантных бригад (1); групп ПВО (3)⁶.

Оперативно-территориальным объединением сухопутных войск, имеющим свою зону ответственности, является полевая армия. В мирное время полевые армии представлены штабами и подразделениями обеспечения. Основным тактическим соединением сухопутных войск является дивизия. Оперативное руководство сухопутными войсками осуществляет штаб во главе с командующим, который одновременно является начальником штаба.

На вооружении Сухопутных сил самообороны состоит: основных боевых танков — 980, из них “Тип-74” — 700, “Тип-90” — 280, боевых разведывательно-дозорных машин (БРДМ) “Тип-87” — 100, боевых машин пехоты (БМП) “Тип-89” — 70, бронетранспортеров (БТР) — 730, включая БТР “Тип-60” — 30, “Тип-73” — 340, “Тип-82” — 200, “Тип-96” — 160.

Артиллерийских систем — 1980, в том числе: буксируемых 155 мм гаубиц FN-70 — 470, самоходных гаубиц — 250, из них 155 мм гаубиц “Тип-75” — 140, “Тип-99” — 20, 203 мм гаубиц — М-110Ф2 — 90; реактивных систем залпового огня (РСЗО) — 110, включая 130 мм “Тип-75” — 20, 227 мм MLRS — 90; минометов — 1140, в том числе 81 мм — 670, 107 мм — 90, 120 мм — 380, включая самоходные минометы — 20, противотанковых систем: ПТУР — 690, в том числе “Тип-64” — 60, “Тип-79” — 220, “Тип-87” — 410; противотанковых гранатометов, включая ручные (РПГ) — 2820, 106 мм “Тип-60” на самоходной базе — 100, 84 мм — “Карл Густав” — 2720; пусковых установок 89 мм противотанковых ракет — 910. Самолетов: транспортных — LR-2 (Бич 350) 10, многоцелевых LR-1 (МИ-2) — 10. Вертолетов: противотанковых (огневой поддержки) “Кобра” АН-1S — 90, обеспечения — 53, “Супер Пума” AS-332L — 3, СН-47j, (СН-47D) “Чинук” СН-47JA “Чинук” — 50, многоцелевых: 300, в том числе MD-500 — 120, УН-1 (УН-1Н) “Ирокез” — 150, УН-60JA (УН-60L) “Блэк Хок” — 30.

Противоздушные силы Сухопутных сил самообороны имеют на вооружении: ракет класса “поверхность-воздух” — 640, в том числе самоходных пусковых установок (ПУ) зенитных управляемых ракет (ЗУР) — 150, включая “Тип-81” Тап-SAM — 60; “Тип-93” KinSAM — 90; буксируемых ПУ ЗУР — MIM-23BI-“Хок” — 200; переносных зенитных ракетных комплексов (ПЗРК) — 290, в том числе FIM-92A “Стингер” — 80, “Тип-91” KinSAM — 210; зенитных спаренных автоматических пушек — 10; ракетных систем класса “поверхность-поверхность” — “Тип-88” (береговых) — 100⁷.

Дальнобойных разведывательно-ударных, разведывательно-огневых комплексов, оперативно-тактических и крылатых ракет на вооружении сухопутных войск Японии нет. В перспективе рассматривается возможность принятия на вооружение высокоточных авиационных ракет и артиллерийских снарядов.

Численность личного состава Воздушных сил самообороны (ВССО) составляет до 45 900 человек, подготовленный резерв насчитывает 800 человек⁸. Военно-воздушные силы предназначены для решения самостоятельно или во взаимодействии с другими видами Сил самообороны следующих задач: обеспечения противовоздушного/противоракетного прикрытия основных административных центров, промышленно-экономических районов, группировок войск, командных

пунктов, элементов военной инфраструктуры, оказания непосредственной авиационной поддержки сухопутным войскам; участия в противолодочных операциях МССО, борьбы с корабельными группировками; участия в проведении противодесантных (десантных) операций; высадки воздушных десантов; ведения воздушной разведки и наблюдения; обеспечения раннего предупреждения, включая дальнее радиолокационное обнаружение и управление авиацией; организации транспортных перебросок, ведения радиоэлектронной борьбы (РЭБ).

Организационно ВССО состоят из боевого и учебного авиационного командований, авиакрыльев, эскадрилий и групп ПВО. Высшим оперативным объединением ВССО считается боевое авиационное командование, основным оперативным соединением — авиационное направление, оперативно-тактическим формированием считается авиакрыло, основным тактическим подразделением — эскадрилья. Оперативное руководство ВССО осуществляется штабом во главе с командующим (начальником штаба).

Боевое авиационное командование включает семь боевых авиакрыльев, в которых имеется: эскадрилий истребителей F-4EJ (F-4E) “Фантом”-II — 3 (70 самолетов), F-15 “Игл” — 7 (150 самолетов), “Мицубиси” F-2 — 2 (40 самолетов); эскадрилий разведывательных самолетов — RF-EF-4E “Фантом”-II — 1 (20 самолетов), всего 280 боевых самолетов; эскадрилий самолетов радиоэлектронной борьбы (РЭБ) — 1 (11 самолетов), в том числе “Кавасаки” EC-1 — 1, YS-11E — 10; эскадрилий самолетов радиолокационного дозора — 2 (10 самолетов, в том числе E-2C “Хокай” — 10, E-767 (дальнего радиолокационного обнаружения и управления авиацией (ДРЛОиУ) — AWACS — 4); эскадрилий транспортных самолетов — 3 (30 самолетов, в том числе C-1 — 20 ед., C-130 “Геркулес” — 10, вертолетов — 20 (CH-47 “Чинук”) — 10, KV — 107 (“Боинг-Вертол” 107) — 10; поисково-спасательных самолетов и вертолетов — одно крыло (самолетов U-125A “Пис Криптон” — 20, вертолетов UH-60J Блэк Хок — 30; учебно-тренировочных самолетов — 170, в том числе T-4 “Кавасаки”, F-15 “Игл”, “Мицубиси” F-2B, T-7, YS-11E и др.

В Воздушные силы самообороны организационно включена противовоздушная оборона, состоящая из четырех крыльев. В нее также входят: позиции РЛС (28), группа противовоздушной обороны баз Воздушных сил самообороны (1).

На их вооружении состоят зенитные ракетные системы (ЗРС) и комплексы (ЗРК): ЗРС “Пэтриот”, ЗРК “Тип-81” TanSAM, “Тип-91” KinSAM, переносные зенитные ракетные комплексы (ПЗРК) FIM-92A “Стингер”, автоматические зенитные пушки M-167 “Вулкан”.

ЗРК объединены в шесть групп, состоящих из 24 эскадрилий по 4 батареи из восьми ПУ ЗРК MIM-104 “Пэтриот”. Шестнадцать батарей с начала 2006 г. оснащаются зенитными ракетными системами (ЗРС) ПВО-ПРО PAC-3⁹.

Личный состав Морских сил самообороны (МССО) насчитывает 44 500 человек. Численность резерва составляет 1000 чел.¹⁰ Военно-морские силы, ввиду островного положения Японии, занимают главное место в системе обороны страны. Они призваны самостоятельно или во взаимодействии с другими видами вооруженных сил решать следующие основные задачи: обеспечение благоприятного режима и защита морской деятельности Японии в ближней морской зоне; контроль деятельности иностранных военно-морских сил в океанских районах, прилегающих к японским территориальным водам; охрана морских границ, портов и военно-морских баз государства; противодействие угрозам и защита военными методами национальных интересов Японии в экономически и оперативно

важных районах океанской зоны Азиатско-Тихоокеанского региона; обеспечение свободы судоходства и безопасности международных магистральных океанских (морских) коммуникаций; борьба с международным терроризмом и морским пиратством, организация конвойной (эскортной) службы в интересах обеспечения свободы судоходства и безопасности морских перевозок; участие в международных миротворческих, спасательных и других операциях гуманитарного характера; обеспечение морских перевозок; обеспечение совместно с другими видами Сил самообороны Японии противовоздушной и противоракетной обороны страны; борьба с корабельными группировками противника; проведение противолодочных операций в дальней и ближней морской зоне; осуществление десантных операций и ведение противодесантных действий; проведение минно-заградительных действий и противоминное обеспечение; блокирование проливных зон в прилегающих к Японии водах; содействие другим видам сил Самообороны Японии, действующим на приморских направлениях путем оказания им огневой и других видов поддержки.

Организационно МССО Японии состоят из эскортных флотилий военно-морских районов, эскортных флотилий мобильных операций, флотилий подводных лодок, флотилий минных тральщиков, в которые входят дивизионы кораблей одного ранга. Оперативно-тактическим соединением является флотилия, тактическим — дивизион. Оперативное руководство Морскими силами самообороны осуществляет штаб во главе с командующим (начальником штаба), в состав которого входят три командования (эскортных сил, подводных сил и авиационное).

Подводные силы организационно состоят из двух флотилий, включающих шесть дивизионов, в которых имеется 16 многоцелевых подводных лодок (ПЛ) с торпедным вооружением и дизель-электрической силовой установкой, в том числе ПЛ типа "Оясио" — 9, "Харусио" — 6, "Юсио" — 1. Наиболее эффективной и надежной в эксплуатации считается ПЛ типа "Юсио", разработанная в начале 1970-х гг. при техническом содействии американских специалистов. Подлодки всех указанных серий строились на верфях концернов "Мицубиси" и "Кавасаки дзюкоге". Они имеют автономность плавания в пределах 60 суток, оснащены современными электронными гидро-акустическими и навигационными системами, вооружение представлено шестью торпедными аппаратами, предназначенными для стрельбы управляемыми противолодочными торпедами или универсальными торпедами японского производства. С них можно производить пуски американских противокорабельных ракет "Гарпун". Подводные лодки МССО базируются на военно-морских базах (ВМБ) в Курэ и Ёкосука.

В соответствии с решаемыми задачами надводные силы японского флота включают флотилии мобильных операций, в настоящее время насчитывающие 4 эскортные флотилии с 8 эсминцами в каждом (12 дивизионов) и флотилии обороны морских районов в количестве 8 дивизионов. Оперативными документами определено пять таких районов.

Общее число надводных боевых кораблей МССО составляет 54.

При этом эсминцев — 45 ед., в том числе эсминцев Управляемого ракетного оружия (УРО) — 41, из них класса "Асагири" — 6, класса "Хацуюки" — 11, класса "Мурасамэ" — 9, класса "Татикадзэ" — 3, класса "Таканами" (улучшенная версия проекта "Мурасамэ" — 5, класса "Конго" с системой ПВО "Иджис"

(Aegis), модернизирующейся для решения задач ПРО — 5[□], эсминцев — 4, в том числе класса “Харуна” — 2, класса “Сиранэ” — 2; фрегатов — 9; патрульных кораблей ближней морской зоны и ракетных катеров прибрежной зоны — 9; минных тральщиков океанской зоны — 3, минных тральщиков ближней морской зоны — 24, минных заградителей — 4; десантно-транспортных (амфибийных) кораблей средней грузоподъемности с вертолетной площадкой для двух вертолетов, обладающих возможностью транспортировки на среднее расстояние до десяти основных боевых танков, двух бронетранспортеров и 330 чел. личного состава с легким стрелковым вооружением — 3, малой грузоподъемности, обеспечивающих транспортировку 70 чел. личного состава на небольшие расстояния — 2¹¹.

Надводные корабли МССО базируются на военно-морских базах (ВМБ) в Экосука, Курэ, Сасэбо, Майдзуру.

Авиация МССО организационно состоит из 7 авиагрупп, насчитывающих: патрульных самолетов Р-3С “Орион” — 80, поисково-спасательных — “Син Мэйва” US-1A — 7, транспортных — 9 (YS-11M — 4, LC-90 — 5), противолодочных вертолетов — 92, в том числе SH-60j “Си хок” — 84, SH-60K — 8, вертолетов противоминного обеспечения MH-53 “Си Дрэгон” — 10, поисково-спасательных UH-60j “Блэк Хок” — 18, обеспечения UEN101 — 14, транспортных — 9 (OH-6D — 4, OH-6DA — 5)¹².

На вооружении Морских сил самообороны нет кораблей с атомными силовыми установками, а также авианосцев, крейсеров, крейсерских подводных лодок и больших десантных кораблей.

Реорганизация системы управления обороны страны

В рамках административно-правовой реформы в январе 2007 г. в дополнение к Закону об учреждении Управления национальной обороны (УНО) был принят Закон о преобразовании УНО в Министерство обороны. Соответственно должность лица, ответственного за оборону Японии, была повышена с начальника управления до министра. Кроме того, в дополнение к Закону о Силах самообороны в число основных функций последних были включены международное сотрудничество в области миротворческой деятельности (участие в миротворческих операциях ООН) и оказание помощи в ликвидации последствий стихийных бедствий и катастроф техногенного характера.

Указанные нововведения имеют существенное политическое и практическое значение. В политическом плане преобразование УНО в полноценное министерство обороны было призвано повысить значимость военного ведомства как государственного органа, обладающего политикоформирующими функциями и более широкой ответственностью за разработку планирование и осуществление мер, повышающих уровень безопасности Японии, подчеркнуть ее усилия в сфере обеспечения не только собственной безопасности, но и международного мира и стабильности, тем самым способствуя укреплению позитивного имиджа страны в глобальном масштабе.

Официальное законодательное закрепление международного сотрудничества в сфере миротворческой деятельности в качестве одной из основных

□ Согласно информации японского агентства «Киодо» от 15 марта 2007 г., в боевой состав Морских сил самообороны введен новый пятый эсминец УРО с системой «Иджис» водоизмещением 7700 тонн. Шестой корабль этого класса планируется построить в 2008 г.

функций Сил самообороны Японии было призвано продемонстрировать намерения и политическую волю страны — нести свою долю ответственности за обеспечение существующего глобального порядка, безопасности и стабильности мирового сообщества, позиционировать себя как активного его члена, подчеркнуть повышение роли Токио в американо-японском союзе. Японские эксперты называют целый ряд причин, обусловивших необходимость преобразования УНО в полноценное министерство обороны. Среди них стремление избавиться от рудиментов побежденного государства, воссоздав все институты свойственные “нормальным странам”; распространение оружия массового поражения и средств его доставки в виде баллистических ракет в странах, расположенных на удалении, позволяющем нанесение ударов по территории Японии, что ставит вопрос о повышении оперативности принятия решений в случае возникновения кризисных ситуаций; повышение роли и значения Сил самообороны в деле ликвидации последствий стихийных бедствий и техногенных катастроф, в сфере противодействия терроризму, диверсионным и подрывным вылазкам, экстремистской деятельности внутри страны; расширение сферы международной вовлеченности Сил самообороны — от участия в оказании гуманитарной помощи до выполнения миротворческих и антитеррористических функций в составе коалиционных сил.

В практическом плане учреждение Министерства обороны и поста министра в качестве его главы с большими, чем прежде, полномочиями и административной ответственностью способствовало сокращению времени на принятие решений путем уменьшения на одно звено цепочки управления от премьер-министра как верховного главнокомандующего до главы военного ведомства (из нее выпала канцелярия главы государства). Это, в свою очередь, способствовало повышению способности реагирования высших органов политического и военного руководства государства в условиях чрезвычайной обстановки, обеспечивая более высокую степень контроля за кризисной ситуацией.

В остальном система высших органов военного управления Японии не претерпела существенных изменений. Она, как и прежде, включает Совет национальной безопасности (СНБ), Министерство обороны и Объединенный комитет начальников штабов (ОКНШ). Верховным главнокомандующим, согласно существующему законодательству, является премьер-министр, который наделен правом объявлять чрезвычайное положение в стране, приводить Силы самообороны в различные степени боевой готовности и отдавать распоряжение о начале военных действий, проведении комплексных организационных мероприятий по отражению агрессии, в том числе воздушно-космического нападения противника. Следует отметить особую значимость оперативности принятия решения, отдачи и прохождения соответствующего приказа на применение системы противоракетной обороны.

Совет национальной безопасности (СНБ) — консультативный орган при премьер-министре. В его функциях: разработка основных направлений оборонной политики государства, базовых положений военной доктрины, перспективных планов строительства вооруженных сил в контексте общегосударственных мероприятий в сфере комплексного обеспечения безопасности Японии, уточнения функций различных органов в общегосударственной системе защиты национальных интересов, развитие военного производства, расчет оптимальных размеров оборонных ассигнований, выработка алгоритмов реагирования в случае развития кризисной ситуации.

В состав СНБ входят: премьер-министр (председатель), его заместитель из числа министров, министры иностранных дел и финансов, начальник канце-

лярии кабинета министров, министр обороны, начальник Управления экономического планирования (УЭП).

Министерство обороны остается основным руководящим органом Сил самообороны Японии. На него возлагается решение задач по их строительству, материально-техническому обеспечению, осуществлению руководства военными научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими работами (НИОКР), воспитанию и обучению личного состава. Министру обороны как главе военного ведомства предоставлено право с санкции премьер-министра приводить Силы самообороны в различные степени боевой готовности и отдавать распоряжения по их боевому применению. Руководство ССО он осуществляет через (ОКНШ) и штабы СВ, ВМС и ВВС. ОКНШ непосредственно подчинен министру обороны. В его состав входят председатель и командующие-начальники штабов СВ, ВМС и ВВС. ОКНШ отвечает за разработку планов строительства Сил самообороны, организацию оперативной и боевой подготовки войск, всех видов разведки и тылового обеспечения. В случае войны ОКНШ становится высшим органом оперативного управления войск (сил).

Штабы СВ, ВМС и ВВС являются органами непосредственного руководства вооруженными силами. Их возглавляют соответствующие командующие, одновременно являющиеся начальниками штабов. Они числятся советниками министра обороны. В интересах улучшения руководства совместными операциями Сил самообороны была проведена реорганизация структуры ОКНШ и штабов Сухопутных, Воздушных и Морских сил самообороны, выразившаяся в создании Аппарата ОКНШ — структуры, призванной оказывать повседневную помощь министру обороны. Аппарат ОКНШ должен осуществлять руководство совместными операциями Сил самообороны Японии. Ранее эта функция возлагалась на штабы МССО, ВССО, СССО, которые продолжают сохранять свою руководящую роль в части, касающейся комплектования, боевой подготовки (обучения), усиления боевых возможностей войск (сил). Таким образом, функции управления операциями полностью перешли к ОКНШ¹³.

Кроме того, ОКНШ определяет какие силы (средства) необходимы для проведения совместной операции, отвечает за организацию взаимодействия, начальники штабов видов вооруженных сил разрабатывают и осуществляют комплекс мер по обеспечению эффективности проведения совместной операции в части, касающейся их вида вооруженных сил.

Претерпела изменения и организация разведывательного обеспечения совместных операций. Если ранее функция такого обеспечения возлагалась на соответствующие структуры штабов СССО, МССО и ВССО, то теперь ее призван выполнять единый разведывательный орган — Разведывательное управление. Директорат руководства разведкой в обычной и кризисной ситуации расформирован. Вместо него создан Департамент ведения разведки в повседневной и кризисной ситуации. В интересах своевременного сбора, обработки и анализа разведанных Разведывательное управление было передано из ОКНШ в непосредственное подчинение министра обороны¹⁴. Таким образом, Разведуправление стало главным разведывательным органом оборонного ведомства Японии.

В интересах усиления технической составляющей сбора разведывательных данных планируется развернуть новый пост радиотехнической разведки на острове Миякодзима (Окинава) с задачей усиления наблюдения в связи с активизацией действий авиации и флота Народно-освободительной армии Китая в Восточно-Китайском море¹⁵.

Модернизация Сил самообороны

В декабре 2004 г. Совет национальной безопасности Японии и кабинет министров страны утвердил “Новые основные положения программы национальной обороны” и “Среднесрочную программу в области обороны”. Эти документы определяют базовые направления и параметры военного строительства и строительства вооруженных сил Японии, а также количественные и качественные характеристики Сил самообороны на среднесрочную перспективу, охватывающую пятилетний период. При разработке “Новых основных положений” были учтены не только проявившие себя в последнее время тенденции военно-политической обстановки в мире и отдельных регионах, в первую очередь в Северо-Восточной Азии, но и крупные инциденты, имевшие место в самой Японии, требовавшие быстрого и четкого реагирования со стороны ее военного ведомства. К их числу следует отнести террористическую акцию в токийском метро, предпринятую боевиками “Оум синрике” в 1995 г., и разрушительное землетрясение в районе Хансин-Авадзи. В контексте анализа военно-политической обстановки в Северо-Восточной Азии (СВА) основное внимание было обращено на обострение ситуации на Корейском полуострове в связи с разработкой в КНДР ядерного оружия и средств его доставки и на усиление военного потенциала Китая.

В “Новых основных положениях” были учтены также изменения в законодательной базе, касающейся обеспечения безопасности и обороны Японии, ее отношений с зарубежными странами, прежде всего международного сотрудничества в сфере миротворчества и противодействия терроризму, оказания помощи при стихийных бедствиях и техногенных катастрофах. Важнейшими из этих законодательных новаций стали принятие Закона о сотрудничестве в поддержании международного мира и серия поправок к Закону о международной помощи во время стихийных бедствий.

Закон о сотрудничестве в поддержании международного мира позволил японскому правительству направлять личный состав Сил самообороны за пределы национальных границ для участия в международных миротворческих, спасательных и гуманитарных операциях.

После принятия поправок к Закону о международной помощи во время стихийных бедствий контингенты Сил самообороны получили законодательно оформленную возможность принимать участие в таких миротворческих и спасательных операциях, а также в акциях гуманитарного характера в любом регионе мира, обеспечивать транспортировку собственных и международных сил, участвующих в их проведении.

Новые основные положения не могли также не учитывать изменений, произошедших в сфере японо-американского военно-политического сотрудничества. В дополнение к принятым в 1997 г. “Руководящим принципам сотрудничества между Японией и США в сфере обороны” в мае 1999 г. в Японии был принят Закон об обеспечении безопасности в обстановке, складывающейся вокруг Японии, прописывающий направления и порядок оказания японской стороной поддержки вооруженным силам США в тыловых районах. Такая поддержка включает снабжение американских войск (сил), их транспортное обеспечение, ремонтное обслуживание, предоставление оборудования и медицинское обеспечение личного состава.

В “Новых основных положениях” нашли свое отражение принятые в Японии в связи с имевшими место 11 сентября 2001 г. террористическими акта-

ми на территории США Закон об основных мерах борьбы против терроризма, на основании которого корабли МССО Японии были направлены в Индийский океан для оказания помощи в обеспечении действий ВМС США и Великобритании, и Закон о проведении инспекций судов. В ходе разработки "Новых основных положений" было учтено решение правительства Японии принять участие совместно с США в разработке, развертывании и применении системы противоздушной обороны театра военных действий (ПРОТВД).

В них также дается анализ главных ситуационных изменений, произошедших в районах вокруг Японии. В документе перечисляются новые угрозы международному сообществу и Японии и рассматриваются возможные способы реагирования на них. Особенно опасным признается размывание режима нераспространения ядерного оружия и ракетных технологий.

Серьезное внимание обращается на нестабильный и непредсказуемый характер ситуации на Корейском полуострове в связи с реализацией северо-корейской программы создания ядерного оружия и средств его доставки в виде МБР. Нестабильной признается обстановка в Тайваньском проливе, где по обе стороны осуществляется активная милитаризация. Особое беспокойство в Японии вызывает форсированное наращивание военной мощи КНР, особенно ее ракетно-ядерного потенциала, ВМФ и авиации, постоянное расширение зоны их действия. В документе отмечается, что Япония должна постоянно держать в поле зрения Китай, отслеживать любые изменения в его поведении.

Для противодействия современным угрозам в "Новых основных положениях" определяются наиболее эффективные и доступные способы их нейтрализации. Отмечая необходимость совместных усилий мирового сообщества в деле оздоровления международной обстановки, документ обосновывает необходимость создания Японией собственного потенциала нейтрализации указанных угроз и соответствующей инфраструктуры, обеспечивающей возможность быстрого развертывания формирований японских ССО за пределами национальных границ и проведения эффективных операций по поддержанию мира и стабильности как в глобальном масштабе, так и в регионах, особенно в АТР.

Отличительной чертой нового восприятия Японией угроз и вызовов, а также особенностью ее оборонного планирования в ответ на эти угрозы явилось то, что в отличие от времен "холодной войны" и нескольких лет постконфронтационного периода, когда японское политическое руководство исходило из возможности крупномасштабного вторжения на свою территорию, в настоящее время такое вторжение считается практически невозможным. На современном этапе реальными считаются угрозы и вызовы, связанные с возможностью нанесения ракетных ударов по японской территории, попытками захвата островов, находящихся на удалении от основной территории Японии, нарушениями ее территориальных вод и воздушного пространства, воспрепятствованием свободе морского судоходства, в том числе путем организации блокады морских проливов на путях транспортировки продовольствия, энергоносителей и другого жизненно важного для национальной экономики сырья. В "Новых основных положениях" главное внимание уделяется эффективной нейтрализации этих угроз, обосновывается выбор сил и средств, необходимых как для противодействия указанным угрозам, так и для эффективного реагирования в условиях природных и техногенных катастроф, в том числе на предприятиях ядерной, химической промышленности и на других потенциально опасных объектах.

Принятие “Новых основных положений” ознаменовало отказ Японии от старой концепции обеспечения национальной безопасности, от старой военной стратегии, которая основное внимание уделяла борьбе с танками и другими боевыми бронированными машинами, боевыми надводными кораблями и подводными лодками. В связи с этим Новые основные положения предусматривают сокращения численности Сил самообороны Японии почти на 12 тыс. чел., боеготового резерва — на 2000 человек. При этом в интересах повышения боеготовности и мобильности войск будут реорганизованы пять дивизий, одна бригада и две смешанные бригады (одна дивизия и две смешанные бригады будут сведены в три бригады). Количество танков планируется сократить на 343, т.е. на 1/3. Войсковые средства ПВО предполагается сохранить в прежнем организационном и количественном составе — 8 ракетно-артиллерийских групп¹⁶.

В Воздушных силах самообороны количество боевых самолетов будет сокращено на 40 единиц, при этом боевые возможности оставшихся боевых машин будут увеличены. Кроме того предполагается закупить в США партию новейших истребителей F-22 “Рэптор”, которых нет ни в одной из стран НАТО. В результате ВССО смогут более эффективно защищать воздушные границы страны, обеспечивая гарантированное уничтожение вторгнувшихся в японское воздушное пространство нарушителей, будь-то самолеты, дистанционно-пилотируемые летательные аппараты (ДПЛА) или крылатые ракеты. Группа самолетов раннего предупреждения будет усилена эскадрилей самолетов радиолокационного дозора E-2C и дальнего радиолокационного обнаружения и управления авиацией E-767 (AWACS).

В интересах транспортного обеспечения Сил самообороны, в т.ч. и в ходе участия в миротворческих операциях, предполагается сформировать группу транспортных самолетов и самолетов-заправщиков, а также принять на вооружение новый транспортный самолет С-ХС повышенной дальности и грузоподъемности. С этой целью планируется закупить 15 транспортных вертолетов SH-47J/JA, 1 самолет-заправщик KC-767 и 9 транспортных самолетов. В результате Силы самообороны Японии по количеству и возможностям воздушно-транспортных средств обойдут других союзников США, включая тех, которые входят в НАТО¹⁷.

Согласно плану реорганизации Морских сил самообороны, предусмотренному Новой среднесрочной программой (2005—2009 гг.), силы мобильных операций, которые насчитывали четыре эскортных флотилии с 8 эсминцами в каждой (12 дивизионов), в целях повышения эффективности организации противолодочной и противоракетной обороны, а также в интересах их возможного участия в международных миротворческих операциях будут переведены на новую структуру. В результате количество эсминцев, входящих в эскортный дивизион, будет увеличено с 2—3 до 4 единиц, в то время как само число имеющихся в настоящее время дивизионов эсминцев мобильных операций (12), будет сокращено до 8.

Силы эсминцев, приписанных к военно-морским районам, будут сокращены с 7 до 6 дивизионов¹⁸.

Подводные силы признано целесообразным оставить в прежнем численном составе — 16 подлодок. Однако структурно они будут составлять 4 дивизиона вместо 6¹⁹.

Количество дивизионов минных тральщиков и входящих в них кораблей предполагается оставить неизменным.

Количество патрульных самолетов Морских сил самообороны сокращается с 13 до 9 эскадрилий, то есть на 20 самолетов. При этом по программе развертыва-

ния системы ПРО предусматривается увеличение до пяти единиц эсминцев УРО, оснащенных модернизированной в интересах ПРО системой "Иджис".

Количество подразделений зенитных управляемых ракет (ЗУР) предполагается увеличить с 1 до 3 групп, при одновременном увеличении числа подразделений радиолокационного обнаружения до 7 групп²⁰.

Окончание в следующем номере

1. Газета. 2007. 6 марта; Коммерсантъ. 2007. 2 апр.
2. Defense of Japan. 1998. Tokyo. P. 50.
3. Бозэй хакусё. 1999. Tokyo, 1999. С. 375.
4. The Military Balance 2007/ The International Institute for Strategic Studies. London, 2007. P. 354.
5. Ibid.
6. Военно-Промышленный Курьер — ВПК. 2007. 21-27 марта. № 11 (177).
7. The Military Balance, 2007. The International Institute for Strategic Studies. London, 2007. P. 355.
8. Ibid. P. 356—357.
9. Ibid. P. 356.
10. Ibid. P. 355.
11. Ibid. P. 355.
12. Ibid. P. 356.
13. www.mod.go.jp/e/publications/wp2006/pdf/
14. Ibid.
15. Ёмиури симбун. 2006. 23 окт.
16. East Asian Strategic Review. 2005/ The National Institute for Defense Studies. Tokyo, 2005. June. P. 225.
17. East Asian Strategic Review. 2006. Tokyo, 2006. June. P. 250.
18. East Asian Strategic Review. 2005. Tokyo, 2005. June. P. 226.
19. Ibid.
20. Ibid.

Стратегические подходы США к АТР и их влияние на китайско-американские отношения

© 2007

Юй Сяотун

На протяжении последней трети XX века вплоть до окончания "холодной войны" в Восточной Азии поддерживался баланс сил между тремя великими державами — СССР, КНР и США. Однако распад СССР в начале 1990-х гг. не только способствовал укреплению в регионе позиций Соединенных Штатов Америки в роли единственной глобальной сверхдержавы, но и привел к определенному усилению в нем позиций Китая. Ныне в Восточной Азии формируется новый баланс сил в рамках иной системы с китайским и американским полюсами силы. Этот процесс протекает на фоне быстрого экономического роста стран региона и сопровождается увеличением военных расходов и неудовлетворенными национальными амбициями.

Хотя Соединенные Штаты Америки географически не являются частью данного региона, они располагают в нем огромным военно-стратегическим потенциалом. После распада СССР Америка приложила большие усилия к тому, чтобы укрепить свои позиции в западной части Тихого океана.

Ученые, исследующие возможные варианты внешнеполитического поведения США в регионе, выделяют несколько факторов, объективно способствующих такому укреплению.

В первую очередь — это военный фактор. Вашингтон содержит 100 тысяч своих военнослужащих в Японии и Южной Корее. Японский порт Йокосука является базой американского 7-го флота. Военное присутствие обеспечивает эффективные инструменты для влияния США на эти страны.

Однако использование лишь, военно-морских сил еще не обеспечивает США доминирующие позиции в регионе и возможность единолично контролировать стратегическую ситуацию. Поэтому после окончания "холодной войны" американцы не только преуспели в технической модернизации своих военно-воздушных сил, оснащая их самолетами пятого поколения, но и стремились разместить свои военные аэродромы в стратегически важных зонах, включая страны Центральный и Юго-Восточной Азии.

Второй фактор — допуск отдельных стран региона на богатейший американский рынок. Его открытие для высококачественных и дешевых азиатских товаров преследовало первоначально откровенную цель заполучить ряд азиатских стран в союзники в годы "холодной войны".

Важным компонентом силового потенциала США является их мощный военно-промышленный комплекс, на развитие которого и после окончания "холодной войны" выделялись поистине гигантские средства из 350-миллиардного военного бюджета страны. Современный ВПК Америки — это производство вы-

сокоточного оружия с использованием новейших технологий. Именно развитой ВПК будет обеспечивать в будущем доминирующие позиции США как в глобальном, так и в региональном балансе сил.

Четвертым фактором является наличие в регионе государства, которое Вашингтон причисляет к оси зла” и поведение которого в области производства оружия массового поражения находится под пристальным вниманием международных организаций, прежде всего МАГАТЭ. Речь идет о КНДР, власти которой обвиняются в разработке программ вооружений, якобы представляющих угрозу не только национальным интересам США, но и их союзникам по региону, в первую очередь — Японии и Южной Корее.

Интересы своей безопасности США все теснее увязывают с внутривосточной ситуацией в той или иной стране и все отчетливее проявляют склонность к нарушению суверенитета других стран.

У претензии США на мировое господство двойная подоплека. Во-первых, технологическое превосходство: они захватили лидирующие позиции в области высоких технологий, что позволяет Америке стать лидером в информационной сфере, иметь преимущество в развитии экономики, основанной на достижениях человеческого интеллекта.

Во-вторых, стремление установить “новый мировой порядок”. США прилагают все усилия чтобы изменить существующую систему международных отношений и добиться того, чтобы она максимально отражала американские интересы. Опираясь на свои политические традиции, экономические возможности и культурные ценности, используя, военные, экономические и политические методы, США навязывают другим государствам собственное лидерство. Это происходит не только на глобальном, но и прежде всего, на региональном уровне. В том числе — и в АТР.

Рассматривая Южную Корею и Японию в качестве союзников, Соединенные Штаты фактически строят свои геополитические расчеты с упором на вероятность перехода к их будущему противостоянию с Россией и Китаем после 2015 г.

Американская внешнеполитическая стратегия имеет следующие основные особенности:

Превентивные действия. В области обеспечения безопасности приоритеты смещаются с “противостояния угрозам” на “противостояние силам”. США открыто ставят перед собой цель удержания и закрепления военного и технического превосходства над другими государствами мира.

В военной сфере — это обеспечение собственной неуязвимости и гарантированного превосходства в ударной мощи.

Стратегическое окружение конкурентов. Продвижение НАТО на восток, укрепление американского военного союза с Японией, Южной Кореей, Австралией и Тайванем направлены на стратегическое окружение России и Китая и их постепенное выдавливание из сопредельных регионов, таких как Восточная Европа, Центральная и Юго-Восточная Азия. После событий 11 сентября 2001 г. центр тяжести американской политики сместился в Азию, а ее главным объектом постепенно становится Китай.

США стремятся утвердить свой контроль в Центральной Азии не только для того, чтобы получить доступ к расположенным здесь минеральным ресурсам, но и чтобы контролировать сердце евразийского континента. Киссинджер, Хантингтон и Бжезинский рассматривали господство в Евразии как “важнейшую политическую задачу США”.¹

Новая стратегия США, направленная против будущих возможных противников, является стратегией устрашения, основанного на военном превосходстве.²

Корректировка ядерной политики. Из докладов и выступлений руководителей США, посвященных стратегии национальной безопасности, отчетливо про-

считается изменение американского подхода к ядерному оружию, которое перестает быть исключительно средством устрашения и начинает рассматриваться как один из возможных военных инструментов. США готовятся начать разработку ядерных боеголовок нового поколения, проникающих ядерных бомб для поражения бункеров и других новых видов ядерного оружия. Одновременно создаются системы национальной ПРО и противоракетной обороны театра военных действий.

Хотя сразу после терактов 11 сентября 2001 г. США были явно заинтересованы в развитии многостороннего сотрудничества, уже 3 декабря 2001 г. президент Дж. Буш официально объявил, что они выйдут из Договора по ПРО от 1972 г., несмотря на возражения России. Это первый после Второй мировой войны случай, когда США выходят из важного международного договора, являвшегося одним из важных инструментов поддержания глобальной стратегической стабильности.

В Пекине полагают, что это решение Вашингтона обусловлено, в том числе, стремлением обеспечить себе неуязвимость перед лицом совершенствующегося китайского стратегического арсенала. По существу США решили возродить проект со стратегической оборонной инициативой (СОИ). В новом, усеченном виде он получил название региональной ПРО и ПРО театра военных действий (ПРО ТВД). Приняв в качестве повода для возобновления ракетной гонки запуск 31 августа 1998 года Северной Кореей баллистической ракеты, которая перелетела через территорию Японии, американцы объявили о начале работ по созданию новой противоракетной системы, которая должна якобы защищать Японию, Южную Корею и Аляску от северокорейских ракет. В Китае полагают, что при помощи новой системы США рассчитывают нейтрализовать китайские ракетно-ядерные силы и тем самым сдерживать амбиции Пекина в АТР.

Даже с учетом крайне малой вероятности возникновения ядерного конфликта между КНР и США американская НПРО неприемлема для Китая, так как в Пекине подозревают, что подобная система может быть использована и на Тайване.

Наиболее опасным последствием создания Соединенными Штатами Национальной системы ПРО (НПРО) возможно является перенос гонки вооружений в космическое пространство. Обеспечение превосходства в космосе — один из официальных приоритетов американского военного строительства.

Наращивание военного присутствия в Азии. Как следует из заявления Дональда Рамсфельда, для того чтобы защищать интересы США и укреплять их руководящую роль в мире, вооруженные силы США должны защищать свою территорию и одновременно направлять американские войска в “отдаленные уголки мира”, поскольку там “повсюду враждебная обстановка”.³

Район АТР — один из ключевых регионов в рамках стратегии безопасности США, которые, всесторонне участвуя во всех действиях, связанных с обеспечением безопасности, стремятся создать в нем “стабильное, процветающее и демократическое сообщество” установить и поддерживать свое лидирующее положение в его архитектонике. “Наше военное присутствие в Японии и Южной Корее, а также поочередно во всем районе способствует безопасности и стабильности, предотвращает конфликты, наполняет наше обещание безопасности практическим содержанием, а также гарантирует наше дальнейшее вхождение в этот регион”.⁴

Опора на двусторонние союзы. Важнейшую роль в обеспечении военно-политического влияния США в АТР играет система военных союзов, созданная в эпоху “холодной войны”. После некоторого ослабления роли этих союзов в начале 1990-х гг., они начали вновь укрепляться в конце последнего десятилетия XX в.

Военный двусторонний союз с Японией и Южной Кореей правительство США рассматривает как основу своего присутствия в АТР.

Все более серьезно США относятся также к союзническим отношениям с Австралией. Они выражают четкое желание поддерживать отношения

военного союзничества с Австралией и Новой Зеландией, заверяя их в том, что "сохранят в районе АТР должны военные силы для защиты союзников и противостояния угрозе миру".

Силовой потенциал США в новой системе отношений в Восточной Азии уравнивается стратегической мощью КНР, которая занимает в ней прочные позиции. В отличие от Японии, своего потенциального конкурента и соперника в регионе, Китай располагает собственными природными ресурсами, достаточными для того, чтобы самостоятельно поддерживать устойчивый экономический рост и обеспечивать стратегическую независимость. Оставаясь, таким образом, самодостаточным центром силы, обеспеченным природными, трудовыми, технологическими и финансовыми ресурсами, Китай объективно располагает всеми необходимыми условиями, гарантирующими ему политическую, экономическую и стратегическую независимость. В 2002 г. Китай вышел на уровень третьей торговой державы мира (его внешний товарооборот превысил 500 млрд долл. США), а в 2006 г. он превзошел 1798 трлн долл. США⁵. Огромные доходы от внешней торговли Китай направляет, в том числе, на укрепление своего военного потенциала, о чем свидетельствуют внушительные размеры военного бюджета КНР.

Сильной стороной стратегического потенциала Китая является то, что его национальная экономика в долгосрочной перспективе ориентируется на емкий внутренний рынок. При условии, что страна сохранит темпы развития на ближайшую и среднесрочную перспективы, покупательная способность населения будет возрастать, что означает постоянный рост внутреннего рынка.

Оставаясь, таким образом, самодостаточным центром силы, Китай имеет все необходимые условия, позволяющие ему осуществлять собственную независимую стратегию безопасности в АТР.

КНР активно участвует в многостороннем сотрудничестве и диалоге по безопасности в АТР, не пренебрегая при этом двусторонним сотрудничеством и обменами с заинтересованными странами этого региона, в частности, с США и Россией. Сотрудничество Китая и России в сфере безопасности в обстановке укрепляющего единства стратегических интересов после окончания "холодной войны" развивается очень быстро. Общие усилия по противодействию созданию американской системы ПРО еще больше цементируют их взаимодействие.

С другой стороны, гегемонизм США и их вмешательство во внутренние дела Китая серьезно мешают успешному развитию взаимодействия и диалогу обеих сторон в сфере безопасности. Между Китаем и США возникли серьезные стратегические противоречия.

После событий 11 сентября 2001г. в научных кругах КНР и ряда других стран возникло ощущение, что ситуация является благоприятной для Китая. Заинтересованность США в поддержке Китаем их усилий по борьбе с терроризмом способствовала активизации взаимоотношений, переживавших в самом начале первого президентского срока Дж.Буша-младшего период стагнации. Однако по мере развертывания американской военной кампании в Центральной Азии и на Ближнем Востоке стратегическая ситуация стала меняться не в пользу Китая. Негативное влияние событий 11 сентября на Китай остается глубоким и далеко идущим. Кроме того, корректировка политики больших государств также происходит очевидно не в пользу Китая.

Официальные американские лица неоднократно заявляли, что Россия не является врагом США и не представляет для них угрозы. На острие американской политики, таким образом, оказывается Китай. Роль России как сдерживающего фактора по отношению к американскому давлению на Китай постепенно ослабевает. Стратегические отношения Индии и США в период антитеррористической кампании значительно укрепились. В политике Пакистана определенно

возобладал проамериканский крен. Все это свидетельствует о том, что военно-политическая обстановка вокруг Китая становится все более напряженной.

На этом непростом фоне требуется тщательный анализ китайско-американских отношений, которые оказывают наиболее значительное влияние на перспективы и форматы нынешнего глобального и регионального сотрудничества. В последние десятилетия отношения между КНР и США носили по преимуществу двойственный характер. С одной стороны, сближение КНР с США, начавшееся еще в первой половине 1970-х гг., позволило Китаю выйти из относительной внешнеполитической изоляции, вызванной борьбой на два фронта — против «советских ревизионистов» и «западных империалистов», — и существенно укрепить свои внешнеполитические позиции. Это стало одной из составляющих успеха проводившейся с конца 1970-х гг. политики «четырёх модернизаций». Конструктивный диалог между руководством двух стран, начавшийся в 1972 г., продолжал развиваться в 1980-е — 90-е гг. и, несмотря на существенные разногласия по ряду стратегических вопросов, отмечен в настоящее время духом реального партнерства. В результате к концу XX в. КНР превратилась в одного из крупнейших внешнеторговых партнеров США. Сегодня эти страны объединяет товарооборот около 116 млрд долларов (40% китайского экспорта идет в США), разносторонние связи на уровне правительственных ведомств, органов государственной власти, экономических структур и общественных организаций.

С другой стороны, китайское руководство всегда с большим опасением воспринимало претензии США на роль единственной сверхдержавы и готовность американской администрации проводить одностороннюю силовую политику исключительно в своих собственных интересах, пренебрегая при этом элементарными нормами международного права. Поэтому и КНР, и США имеют основания относиться друг к другу с некоторой настороженностью. Известно, например, что события на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. надолго омрачили китайско-американские отношения. США ввели различные санкции против Китая. В результате развитию двусторонних контактов воспрепятствовали бесконечные споры по проблемам прав человека, продажи оружия, торговых споров, Тайваня и т.п. В ходе взаимных обвинений отношения двух стран пережили несколько кризисов. Весной 1994 г. они находились на грани торговой войны в результате ультиматума Б. Клинтона Китаю с требованием о смягчении позиции по вопросу прав человека. В 1995 г. США и КНР были близки к разрыву дипломатических отношений из-за визита в США Ли Дэнхуэя. В 1996 г. две страны оказались на грани военного противостояния — в ответ на китайские военные учения в Тайваньском проливе США отправили туда свой флот. В 1999 г. возник очередной кризис: в результате американской бомбардировки китайского посольства в Белграде двусторонние отношения резко ухудшились.

Кроме того, в Пекине опасаются, что развертывание национальной системы противоракетной обороны США (НПРО) и системы ПРО театра военных действий, в том числе и над территорией Тайваня, создаст ситуацию, при которой весь комплекс американо-китайских отношений будет поставлен в зависимость от возможных провокаций со стороны тайваньских лидеров. С другой стороны, США и их региональных союзников в АТР беспокоит такой по-настоящему глобальный вопрос: как КНР будет распоряжаться своей растущей мощью через 10-15 лет, не является ли установка на международное сотрудничество лишь тактическим маневром, за которым последует политика с позиции силы?

Экономическое развитие стало главным приоритетом КНР, а ее внешняя политика отмечена стремлением сохранить стабильность на региональном и глобальном уровне. Поэтому позиция китайского руководства заключается в выстраивании продуманного взаимодействия с мировым сообществом и интеграции

в международный рынок. США как безусловный лидер процессов формирования глобального технологического, информационного и финансового пространства и один из главных политических центров на мировой арене представляют чрезвычайный интерес для китайской стороны.

Одновременно американская заинтересованность в позитивном развитии отношений с КНР также носит объективный характер. Помимо обретающей все более реальные черты экономической взаимозависимости двух стран, китайская поддержка весьма важна для США в области укрепления региональной безопасности в АТР, расширения консенсуса по вопросам нераспространения оружия массового поражения, продолжения борьбы против международного терроризма и некоторых других масштабных вызовов глобального характера. Более того, задача углубления конструктивного диалога с КНР в ближайшее время будет становиться для США все более важной тактической целью, поскольку фокус китайских региональных интересов постепенно смещается в зону южной части Тихого океана и сопровождается планами развития национальных ВМС.

В целом, ни американская, ни китайская стороны не заинтересованы в ухудшении текущего и перспективного сотрудничества.

Усиление конструктивного начала в американо-китайских отношениях и углубление взаимопонимания было во многом достигнуто в ходе нескольких официальных встреч на высшем уровне в 2001-2002 гг. Сегодня, по оценке обеих сторон, США и КНР по возрастающему количеству вопросов находят общие точки соприкосновения и даже общие интересы.

Так, в октябре 2001 г. в ходе Шанхайского саммита АТЭС лидеры США и КНР однозначно подтвердили взаимное стремление к укреплению двухстороннего взаимодействия. Китайской стороной было высказано четыре основных предложения по развитию сотрудничества между КНР и США: повысить уровень стратегического диалога между двумя странами и контактов между различными ведомствами; углублять и расширять обмены и сотрудничество в интересах повышения благосостояния народов обеих стран; несмотря на имеющиеся различия в подходах, на основе взаимного уважения осуществлять политику консенсуса, особенно в тайваньском вопросе; рассматривать двусторонние связи в контексте международных отношений и строить свои постоянные отношения в интересах совместного поддержания мира, дальнейшего прогресса человеческой цивилизации и укрепления сотрудничества.⁶

Однако самую прочную основу отношений КНР и США составляют многочисленные общие интересы в сфере экономики и торговли, которые, по некоторым оценкам, создали, хотя и в "первом приближении", систему взаимодополняемости экономических структур двух стран. Расширению экономического сотрудничества между ними содействует членство КНР в ВТО, куда Китай вступил в 2001 г. при поддержке США⁷.

Террористические акты 11 сентября 2001 г. предоставили Китаю возможность, используя развернутую США кампанию борьбы с терроризмом, найти новые точки соприкосновения с Вашингтоном и повысить свой международно-политический статус. Еще до атаки террористов на Центр международной торговли в Нью-Йорке Пекин достаточно отчетливо продемонстрировал намерение восстановить отношения с США, резко ухудшившиеся после столкновения в апреле 2001 г. американского разведывательного самолета с китайским истребителем в районе южно-китайского побережья. Инцидент с вынужденной посадкой американского самолета-разведчика EP-3 на Хайнане подчеркнул степень недоверия и напряженности в тогдашних отношениях между Вашингтоном и Пекином. Для многих в Вашингтоне возражения Китая против американских шпионских полетов вдоль китайского побережья явились указанием на международную стратегичес-

кую ориентацию Китая — набирая мощь, расширять свой периметр безопасности и ограничивать американский доступ ко все более обширным районам в АТР.

Несмотря на нынешнее успешное развитие американо-китайского диалога среди проблем, постоянно выступающих предметом разногласий, помимо тайваньской, продолжают фигурировать вопросы соблюдения прав человека в КНР, распространения новейших вооружений, а также различные взгляды на проблемы глобальной безопасности. Например, китайская “Белая книга по вопросам обороны”, опубликованная в 1998 г., в своих оценках международной ситуации отстаивала позиции диаметрально противоположные американским. Если с точки зрения Вашингтона многосторонние военно-политические союзы обеспечивают более прочный фундамент региональной безопасности, то Пекин рассматривает такие блоки как дестабилизирующий фактор и пережиток “холодной войны”, который должен быть заменен сетью двусторонних долгосрочных партнерских и консультативных механизмов.

В списке проблемных для китайской стороны акций на международной арене находится заявление США о выходе из Договора 1972 г. по ПРО, перспективы расширения НАТО на Восток, периодические попытки активизировать военную помощь Тайбэю. Китайские эксперты не скрывают озабоченности усилением военного присутствия США в непосредственной близости от границ Китая, прежде всего, в Пакистане, Афганистане и бывших советских республиках Центральной Азии. Заявляя о поддержке борьбы с терроризмом, Пекин настаивает одновременно на приоритетной роли ООН и Совета Безопасности. Тревогу в китайском руководстве вызвало причисление Вашингтоном Ирака, Ирана и КНДР к международной “оси зла”. Особо беспокоит китайских лидеров возможность инициированного США обострения ситуации вокруг Северной Кореи, которая остается в сфере китайского влияния. В случае резкого обострения ситуации на Корейском полуострове, власти КНР несомненно будут делать все возможное, чтобы удержать США от использования силы и не допустить возникновения очага напряженности в регионе.⁸

В свою очередь, Пекин не готов идти на ухудшение отношений со своими традиционными партнерами (такими, как Иран и КНДР) ради прогресса в китайско-американских связях. Известно, что Китай не поддержал военные акции США в Афганистане и Ираке. Негативно было воспринято в Китае американское решение о выходе из Договора по ПРО.

По мнению Пекина, значительная часть современной американской политической элиты, в особенности связанная с идеологами и “мозговыми центрами”, которые обслуживают нынешнюю республиканскую администрацию Дж. Буша-младшего, видит в КНР главного потенциального соперника США в борьбе за мировую гегемонию в XXI в. и даже не исключает в будущем возможности военного столкновения между двумя государствами. В этом плане процессы политической глобализации, выражающиеся в усилении транснациональных организаций, международных институтов и в стремлении руководства ряда ведущих стран планеты к формированию многополярного мира, рассматриваются китайскими аналитиками как средство, используя которое можно было бы попытаться ограничить гегемонистские амбиции и аппетиты США.

Китай как региональная сверхдержава заинтересован в сохранении стабильной обстановки в Восточной Азии для решения там своих задач. Руководство КНР воспринимает новый расклад сил в регионе как исторический шанс реализовать свои геополитические планы, а именно — во что бы то ни стало присоединить Тайвань. Китай не раз выражал озабоченность по поводу предоставления Соединенными Штатами военной помощи острову с целью укрепления силового потенциала Тайваня, подчеркивая при этом, что США не должны вмеша-

ваться во внутренние дела Китая, неотъемлемой частью которого является этот остров. Принципиальные разногласия между Китаем, США и властями Тайваня по вопросу о том, как решать проблему воссоединения, заметно усилившиеся в последние годы после прихода к власти на острове националистических сил, могут стать в ближайшем будущем серьезным дестабилизирующим фактором в Восточной Азии. Провозглашение Тайбэем политической независимости от Китая побудит использовать силу для предотвращения такого развития событий. Конфликта в этом случае избежать будет трудно.

Масштабная демонстрация китайских и американских вооруженных сил в данной части Тихого океана обозначила новый рубеж в китайско-американских отношениях. В КНР убедились, что наличие в китайском ядерном арсенале межконтинентальных баллистических ракет (МБР) DF-5, способных достигать территории США, и испытания нового поколения дальних МБР DF-31 исключают возможность широкомасштабного военного ответа со стороны США в случае прямой акции Пекина против острова. В практическом плане это подтвердило эффективность китайской доктрины "ограниченного сдерживания". В ходе обострения ситуации в Тайваньском проливе американская сторона на политическом уровне ни разу не упомянула о возможности нанесения широкомасштабного удара по КНР, говоря лишь о мерах по обороне острова. Пекин сделал вывод о пересмотре Вашингтоном своего прежнего, крайне жесткого подхода к проблеме защиты Тайваня, сформулированного еще в период тайваньского кризиса 1954-1955 гг. Китайское руководство, по всей видимости, пришло к выводу о том, что американцами реально учитывается наличие у Китая ограниченного потенциала ответного удара по западному побережью США.

Таким образом, в начале нового XXI в. китайско-американские отношения характеризуются сложным сочетанием элементов сотрудничества и соперничества. Однако, несмотря на то, что значительное единство взглядов достигнуто ими лишь по сравнительно ограниченному кругу вопросов регионального и глобального масштаба, прагматические стимулы экономического партнерства позволяют КНР и США продолжать сближение стратегических позиций, последовательно преодолевая кризисные моменты этого процесса.

1. Бжезинский З. Да ци цзюй [Великая шахматная доска] // Шанхай женьминь чубаньшэ. Шанхай. 1998. Февраль. С. 41.
2. Дружеский ядерный удар ожидает Россию // Цанкао сяоси. 2002. 13 марта.
3. Washington Post. 2001. 1 ноября.
4. Министерство обороны США "Доклад о стратегии в Восточной Азии в 1998 году".
5. Цинжун жибао. 2007. 9 февраля.
6. Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура 2001. М., 2002.
7. Независимая газета. 2001. 24 ноября.
8. Асмолов К.В. Корейский полуостров в геополитической стратегии КНР // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. М., 2001. С. 314.

Российский Дальний Восток

Миграционные проблемы Амурской области: реальность, мифы и иллюзии

© 2007

С. Просвирнов

О проблемах миграции населения говорят и пишут в России многие. В качестве одного из проблемных регионов выделяется Дальний Восток, упоминание о котором чаще всего связывают в данном контексте с миграционным оттоком населения, увеличением иностранного, прежде всего китайского, присутствия. Амурская область, являясь частью всего Дальневосточного региона, разделяет с ним бремя общих проблем, но все же обладает особенными чертами развития.

Какие факты необходимо учитывать при анализе текущих миграционных тенденций? Во-первых, природно-климатический фактор региона, его неоднородность. Для Амурской области он выражается в контрасте между северными и южными районами, их разной комфортностью для проживания населения, различиями в экономической специализации. Здесь же следует упомянуть транспортную удаленность территории Амурской области от европейской части России, центров сосредоточения основных масс населения страны. Во-вторых, миграционные проблемы настоящего являются производными от процессов прошлого, и поэтому исследование современных особенностей механического движения населения области должно учитывать ход событий в предшествующие периоды.

Исторически сложилось так, что миграционные процессы на территории области имели две отличительные черты — высокую интенсивность и низкую эффективность. Говоря проще, территорию области всегда покидало немногим меньше людей, чем в нее прибывало. Пиком миграционного прироста населения Приамурья были годы строительства БАМа, когда численность населения увеличилась на 50,1 тыс. человек. Позже результативность миграции стала снижаться, а с 1989 г. в области установилось отрицательное значение миграционного сальдо. Оценивая прямые итоги миграции населения амурской области в 60—80-х гг. прошлого века и ее роль в общем приросте населения, следует признать, что ее значения меньше показателей естественного прироста и составляют примерно 25%. Это несколько меньше, чем в целом по Дальнему Востоку (28%), что объясняется более стабильным населением южных районов региона, которые начали интенсивно осваиваться ранее других территорий Дальнего Востока. Конечно же, в реальности роль миграции значительно выше, поскольку являясь преимущественно людьми молодыми, мигранты способствуют увеличению естественного прироста в районах вселения.

Достигнув своего пика в 1992 г. — 1075,2 тыс. человек, численность населения области в последующие годы стала неуклонно снижаться, причем с 1993 г. к миграционному оттоку присоединилась естественная убыль населения, стабилизировавшаяся в конце XX — начале XXI в. на уровне 3,5—4 тыс. человек ежегодно. Все-го, по расчетам автора на основе данных текущей статистики, миграционные потери населения области в 1989—2002 гг. составили 72,5 тыс. человек. Естественная убыль населения в то же время составила 3,1 тыс. человек. Такая малая величина объясняется высокими значениями этого показателя в 1989—1992 гг. Но настоящим шоком явилось обнародование результатов переписи населения 2002 г., согласно которым численность населения оказалась на 73,6 тыс. человек меньше, чем это фиксировалось учетными данными органов статистики. Принимая во внимание тот факт, что показатели естественного движения населения (рождаемость и смертность) более строго учитываются, чем миграционное движение населения, всю полученную разницу можно смело отнести на недоучет миграционного оттока из региона. Таким образом, в межпереписной период 1989—2002 гг. область потеряла в миграционном обмене с другими территориями 160 тыс. человек или 15,1% от своей численности на момент переписи 1989 г. Отрицательное сальдо общим значением примерно 9 тыс. человек сохраняла миграция и в 2003—2005 гг.

Вопреки распространенному мнению, численность населения региона убывала не столько “вследствие интенсивного оттока, сколько из-за резкого сокращения количества прибывающих в регион. В 2004 г. по сравнению с 1989 г. число вселившихся в регион уменьшилось в 3,5 раза, тогда как выбытие сократилось в 2,8 раза.

Несмотря на общую неблагоприятную картину в механическом движении населения Амурской области, следует отметить, что внутри региона существует заметная дифференциация по итогам миграционного обмена. Особенно ярко она проявляется в направлении “Север—Юг”. Районы Амурской области, приравненные к территориям Крайнего Севера — Тындинский, Зейский, Селемджинский с городами Тында, Зея, а также прилегающие к ним Магдагачинский, Мазановский и Сковородинский обеспечили более 80% миграционных потерь населения региона. В то же время территории юга области — города Благовещенск, Белогорск, Райчихинск, районы Благовещенский, Бурейский и Тамбовский увеличили численность своего населения благодаря миграции.

Еще одним негативным моментом является то, что численность населения региона сокращается гораздо быстрее, чем это было предусмотрено прогнозами различных лет. В распоряжении автора таковых имеется несколько. Как наивная и неудачная шутка выглядит сегодня вариант увеличения численности населения области к 2000 г. до 1,31—1,36 и даже до 1,5 млн человек, предложенный М.Г. Лавриненко в далеком 1980 г. Рассчитанный на сохранение тенденций 1970-х, выражавшихся в привлечении в регион огромных финансовых и людских ресурсов, этот сценарий оказался неосуществимым ввиду свертывания инвестиционных программ государства на Дальнем Востоке при смене общественного строя. Следовательно, оказались потерянными материальные преимущества, на которых долгое время держалась миграционная привлекательность региона. Но даже и в те годы автор прогноза отмечал заметное отставание действительных итогов миграции от плановых показателей.

Вариант прогноза, разработанный Центром экономической конъюнктуры и прогнозирования при Правительстве РФ в 1995 г., предусматривал снижение численности населения области до 994 тыс. человек в среднем варианте, до 939 тыс. в низком варианте к концу 2005 г. Фактически оказалось 882 тыс. чел. К главным недостаткам этих прогнозов относится заведомо позитивное восприятие возможных результатов миграции. Предполагалось, что отток населения

будет плавно уменьшаться до 2000 г., а затем начнется поступательный миграционный прирост. Этого, как мы видим, не произошло.

Два других прогноза численности населения Амурской области на период до 2015 г. выполнены Госкомстатом (1998). Один из них, исходя из отрицательной динамики как естественного, так и механического движения населения (в общем-то, близкой к действительной в начале текущего века), приводит расчетную численность населения области к 2016 г. в количестве 877 тыс. чел. Второй дает еще меньшую численность — 847,8 тыс. чел. Но уже сегодня очевидно, что реальная численность при сохранении текущих тенденций окажется ниже последней цифры. При меньшей наивности в оценке воспроизводственных процессов, авторы данных предположений также ошиблись в оценке миграций. Правда, не планируемых, а настоящих и прошлых. Недооцененными оказались потери области в первую половину 90-х гг. прошлого века.

Все вышеизложенное вызывает серьезную озабоченность и тревогу у общественности и в научной среде. Неблагоприятная динамика вкупе с растущими страхами по поводу расширения экономического могущества сопредельных стран АТР, в частности Китая, породили предложения о возмещении миграционных потерь населения Дальневосточного региона путем переселения русскоязычного населения из стран СНГ. Не избежал этой иллюзии и недавно назначенный представитель Президента в округе К.Ш. Исхаков. Между тем реальные оценки и прогнозы свидетельствуют, что потенциал миграции государств бывшего Союза ССР составляет примерно 8 млн, максимум 12 млн чел. и, по мнению специалистов, Дальнему Востоку достанется лишь слабый ручеек от этого потока, если он реализуется на практике. Еще исследования середины 90-х гг. прошлого века отмечали малую привлекательность Дальнего Востока России для выходцев из республик СНГ. Природные условия здесь не лучше чем в Европейской России, комфортность проживания ниже, а стоимость жизни выше. Далекие расстояния и транспортные тарифы сделали жителей региона практически «невъездными».

Не приходится также рассчитывать и на масштабные переселения из западных районов страны, подобные тем, что осуществлял в начале прошлого века П.А. Столыпин. В их основе было аграрное перенаселение в центральных регионах России. Сейчас ситуация другая. Большинство территорий Европейской России сами нуждаются в притоке населения вследствие высокой естественной убыли, большей, чем на Дальнем Востоке, в силу особенностей половозрастной структуры населения.

Следует согласиться с известным экономистом дальневосточником П.А. Минакиром, недавно заявившим: «На Дальнем Востоке столько населения, сколько может быть... Какая экономика есть, какое жилье есть, сколько удобных мест для проживания — столько и населения». К этому следует добавить, что за годы реформ многие предприятия, прежде всего обрабатывающей промышленности, прекратили свое существование, мощности оставшихся не используются полностью (машиностроение Амурской области — на 25%) из-за слабого рыночного спроса на их продукцию. В общем-то, жизнь сама нашла действенную, но печальную альтернативу приглашению мигрантов.

Сценарные варианты развития Дальнего Востока, Амурской области, разрабатываемые на ближайшую перспективу, предусматривают, прежде всего, использование сравнительных конкурентных преимуществ региона в глобальной перспективе. К таковым относятся евроазиатский транспортный коридор, возможности экспорта в страны АТР энергетических ресурсов (нефть, газ, электроэнергия). Каким образом это скажется на изменении численности населения?

К сожалению, следует признать, что существенного увеличения числа постоянных жителей региона не произойдет. Конечно, на период строительства объектов в регион будут привлечены значительные трудовые ресурсы. Численность строителей Бурейской ГЭС составляла 6 тыс., на строительство нефтепровода Тайшет—Находка планировалось привлечь 7 тыс. чел. В то же время, после введения в строй возводимых объектов, численность обслуживающего персонала Бурейской ГЭС оценочно составит 700 чел., участка нефтепровода по Амурской области — 1000—1200 чел. Кстати, еще в 2001 г. известный российский экономист О.С. Пчелинцев отмечал, что разработка нефтяных месторождений сахалинского шельфа не способствовала улучшению жизни рядовых граждан и не изменила отрицательные значения миграционного сальдо области. Крупный корпоративный бизнес, как показывает практика, слабо ориентирован на потребности улучшения жизни людей (кроме своих работников, разумеется), а также на решение общих проблем развития региона. К сказанному следует добавить, что возведение новых объектов будет проходить в сложных природно-климатических условиях, при использовании преимущественно вахтового метода с привлечением значительного количества местного населения, проживающего в южных районах региона.

В связи с невозможностью разрешить проблемы дефицита населения и трудовых ресурсов Дальнего Востока за счет внутрироссийских источников и потенциала государств СНГ, в последнее время все чаще и чаще возникают идеи привлечения для этих целей иностранных, в том числе китайских граждан. В частности, по мнению Ж.А. Зайончковской, к 2050 г. китайцы могут составить вторую по численности этническую группу России в количестве до 10 млн чел. Здесь следует оговориться, что автор не оспаривает правомерность такого подхода, но, однако, считает, что во главу угла при решении вопроса о привлечении китайских или иных иностранных граждан должен быть поставлен вопрос о том, с какой целью мы их приглашаем. Важно определить, должны ли они восполнить наши демографические потери и стать равноправными гражданами РФ, либо их присутствие в стране необходимо для выполнения краткосрочных экономических задач при осуществлении конкретных проектов в фиксированных временных рамках.

Проецируя вышесказанное на дальневосточные и амурские реалии, следует заметить, что исторический опыт освоения Дальнего Востока в конце XIX—начале XX в., а также события последних 15 лет не свидетельствуют о готовности большинства китайцев к переселению в Россию. Исследователи дореволюционного периода заселения Дальнего Востока отмечали, что разница между китайцами и корейцами в том и состоит, что вторые ориентированы на постоянное проживание в регионе, тогда как первые рассматривают его только как источник получения доходов. Статистика последних лет подтверждает это. Число граждан КНР, получивших гражданство РФ и вид на жительство в области с 1991 по 2004 г., невелико — всего 87 человек. Не наблюдается, как это часто представляется в прессе, масштабных попыток китайцев укорениться в регионе с помощью смешанных браков, таковых заключено 63. Правоохранительными органами Амурской области количество китайцев, постоянно находящихся на территории региона по тем или иным основаниям (работа, коммерция, туризм), оценивается в 3—5 тыс. человек. В большинстве своем это торговцы, сосредоточенные преимущественно в Благовещенске. Автор солидаризируется с мнением тех специалистов, которые утверждают, что тому количеству китайцев, которым у нас обычно пугают обывателя, просто нечего делать на Дальнем Востоке. Для сравнения, количество единовременного присутствия китайцев на территории Дальнего Востока России в дореволюционные годы достигало 12—14% от численности его постоянного населения.

Таким образом, китайская миграция может выступить позитивным фактором развития региона, но только при условии увеличения на порядок инвестицион-

ной составляющей экономики региона. Без широкомасштабных инвестиций сами по себе рассуждения о том, привлекать китайцев или не привлекать, не имеют под собой никаких оснований. Но даже при благоприятных условиях деятельность китайских граждан в экономике области будет ограничена несколькими отраслями с выраженной сезонной спецификой (лесное и сельское хозяйство, строительство).

Невозможно выстроить какую-либо определенную самостоятельную стратегию региона, исходя из ныне сложившегося торгово-коммерческого характера маятниковых перемещений через границу китайских и российских граждан, число которых в 2004 г. составило 326,8 тыс. чел. Данный сценарий будет иметь естественный ограничитель — емкость потребительского рынка Амурской области, который определяется сравнительно невысокими реальными доходами населения и его постоянно снижающейся численностью. Конкурентные позиции Благовещенска по продвижению китайских товаров вглубь России в настоящий момент уступают возможностям пунктов пропуска Маньчжурия—Забайкальск и Суйфэньхэ—Пограничный. И эта тенденция будет сохраняться в будущем.

Привлечение же китайских граждан для улучшения демографических показателей России, как это предлагается Ж.А. Зайончковской, в свете вышеизложенного, представляется иллюзорным и не соответствующим сложившимся реалиям.

Есть еще один момент, связанный с китайской миграцией и непосредственно влияющий на формирование постоянного населения региона. Исследования Зайончковской, проведенные в середине 90-х гг. прошлого века, выявили, что полюса миграционного притяжения в РФ никак не связаны ни с показателями промышленного кризиса, ни с формально фиксируемыми реальными доходами, ни с показателями безработицы. Зато отмечена зависимость от уровня развития частного сектора региона и возможностей занятости в нем. Для Амурской области и, в первую очередь, Благовещенска, это является существенным. Именно благодаря челночным коммерческим миграциям в Китай многие жители региона пережили трудные 1990-е гг. и получили устойчивый источник дохода. Но ужесточение таможенными службами РФ правил перевозки грузов гражданами для личного пользования в конце 2003 г. и в начале 2006 г., сокращает возможности челночного бизнеса, а следовательно, способствует не только выталкиванию людей из этой сферы деятельности, но и миграционному оттоку за пределы области.

Подводя итоги, следует отметить, что никакие эмоциональные призывы и всевозможные спекуляции в ближайшем будущем не способны изменить долгосрочные тенденции снижения численности населения Амурской области. Надо, прежде всего, перенести вектор усилий от составления невнятных программ переселения неизвестно кого и неизвестно куда в сторону улучшения условий проживания в регионе. То есть, не рассчитывать на приезжих мигрантов, а всеми путями минимизировать миграционный отток собственного населения за пределы региона. Главным образом, это относится к повышению различных показателей уровня жизни. Необходимо также оптимизировать систему высшего образования на Дальнем Востоке, и в Благовещенске в частности, приблизив рынок образовательных услуг к потребностям территориальных рынков труда.

Действия по закреплению населения территории должны быть увязаны с широким комплексом мер, направленных на повышение продолжительности жизни населения, сокращение смертности, повышение рождаемости. Вследствие чего, одним из национальных приоритетов на Дальнем Востоке должно стать развитие системы здравоохранения.

Опыт концессионной деятельности иностранцев в районе Охотска (1920-е гг.)

© 2007

С. Кошкарева

Под концессиями в СССР подразумевалось предоставление Советским государством во временное пользование представителям иностранной промышленности лесных, водных или земельных участков с находящимися на них или в их недрах естественными богатствами для хозяйственного использования с правом привлечения из местного населения рабочей силы¹. Концессией называли также и само предприятие, организованное на основе концессионного договора. Концессия, предоставляемая государством иностранной фирме или частному лицу, регулировалось государственным законодательством.

В 1920-е гг. в северных районах РСФСР особенно остро ощущались последствия Гражданской войны и интервенции, усугублявшиеся слабостью экономических связей с промышленно развитыми регионами страны. Для быстрого хозяйственного восстановления были жизненно необходимы зарубежные финансовые средства.

Юридической базой концессионирования в горном деле можно считать "Кодекс горных законов". Основой его были "Декрет по развитию частного золотого и платинового промысла" (6 марта 1923 г.), "Положения о недрах и разработке залегающих в них полезных ископаемых" (22 марта 1923 г.), "Положения о недрах земли и разработке их" (7 июля 1923 г.). В этих документах обосновывалась необходимость привлечения частного капитала и определялись условия допуска иностранного капитала на основе концессионных договоров².

С 1924 г. начинается постепенное восстановление золотопромышленности северо-восточного региона, были реанимированы государственные органы горного надзора. Русские золотопромышленники, чьи предприятия оказались на грани краха в годы гражданской войны, попытались возродить свою деятельность на основе концессионных договоров с помощью иностранного капитала. Так, в 1924 г. русская фирма "Фогельман и Кольцов", до революции владевшая приисками в Охотском районе, подала в Дальпромбюро заявление об их возврате в долгосрочную эксплуатацию на условиях аренды. После длительных переговоров выяснилось, что предприниматели, не имея собственных средств, предполагали привлечь к финансированию иностранный капитал, заключив договор с китайской фирмой "Society of Enterprises in China". Представителем последней был британский подданный инженер Ив. Дальконцеском предпочел вместо пе-

Кошкарева Светлана Геннадьевна, аспирантка Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга.

реговоров с Кольцовым связаться непосредственно с упомянутой китайской фирмой³. Так в 1924 г. было положено начало переговорам о сдаче в концессию охотских золотых месторождений.

В 1925 г. рассматривался вопрос о сдаче в концессию исключительного права на разведку и добычу золота в районе Охотского уезда Камчатской губернии фирме "Аянская корпорация Лимитед", осуществлявшей деятельность в России еще в годы Гражданской войны. Эта английская фирма была связана с американскими горнопромышленниками и финансовыми группами, ввиду чего вопрос об этой концессии приобрел политическую окраску. Ставилась задача выяснить, какие именно — английские или американские фирмы скрывались под именем данной компании.

В письме заместителя наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинова председателю Главконцесскома при СНК СССР Г. Л. Пятакову от 24 февраля 1925 г. указывалось, что "предоставление концессий на Дальнем Востоке американцам до признания правительством Соединенных Штатов СССР нежелательно; англичане — другое дело, но необходимо точно выяснить, чьи интересы представляет эта фирма"⁴. Поскольку деятельность "Аянской корпорации" обеспечивалась английским капиталом, хотя у истоков дела стоял американский горный инженер Честер В. Пюрингтон, данная фирма получила 16 мая 1925 г. концессию на разведку и добычу золота на 6-ти золотых рудниках и золотых приисках, а также на 115-ти заявленных ранее площадях.

Концессионный договор с "Аянской корпорацией" был подписан на 36 лет, включая 4 года разведки и 32 года эксплуатации. Правительство гарантировало концессионеру, что заключенный с ним договор не может быть аннулирован или условия его изменены какими-либо односторонними распоряжениями или декретами правительства СССР. На весь срок действия договора концессионное предприятие должно было находиться в исключительном хозяйствовании и управлении "Аянской корпорации", но правительство оставляло за собой право осуществлять с помощью своих уполномоченных лиц наблюдение за ходом производственных операций концессионера (без права вмешательства в оные)⁵.

По концессионному договору "Аянская корпорация" получила право свободного, без уплаты лицензионного сбора, беспошлинного вывоза за границу всего добытого и купленного ей на территории концессии золота, оставшегося после уплаты натурой долевого отчисления. В целях эффективной постановки разведочных и эксплуатационных работ концессионеру предоставлялось право беспошлинно ввозить в течение первых 8-ми лет со дня вступления договора в силу необходимые для организации работ оборудование и материалы. Концессионер должен был лишь получить лицензию от советского правительства и уплатить лицензионный сбор (2% от стоимости оборудования)⁶. Концессионер мог также привлекать для работы на своем предприятии иностранных граждан: не более 50% в первые 2 года и 25% — в последующие годы концессии.

Очевидно, что советское правительство было заинтересовано в эффективном использовании зарубежного технического опыта. С учетом специфических условий экономического развития Северо-Востока России были поставлены следующие задачи: 1) способствовать освоению с помощью концессий природных богатств региона; 2) создать собственную производственно-техническую базу за счет дополнительных финансовых источников и иностранного технико-технологического опыта; 3) решить проблему повышения квалификации кадров отечественной промышленности.

Согласно договору, размер затрачиваемых “Аянской корпорацией” средств на разведочные работы должен был составлять не менее 150 000 золотых рублей ежегодно. При этом, если концессионер израсходовал первые 300 000 золотых рублей, но не подал заявку об отводе участков, он был в праве прекратить дальнейшие разведочные работы и отказаться от концессии без юридических последствий. В таком случае концессионеру полагалось безвозмездно передать правительству свое оборудование и все добытое им за время разведок золота. Если концессионер прекращал разведку до израсходования им первых 300 000 золотых рублей, он — помимо передачи правительству оборудования и добытого золота — должен был уплатить разницу между 300 000 золотых рублей и фактически затраченной им суммой на разведку⁷.

“Аянская корпорация” обязалась ежегодно выплачивать правительству СССР погектарную плату в размере 1 рубля за каждый полный или неполный гектар поверхности предоставляемых отводов, а также доленое отчисление в размере 5% от всего добываемого золота⁸.

18 августа 1925 г. для разведки золота прибыла экспедиция “Аянской корпорации” в составе 50 рабочих (44 чел. — русские, 6 чел. — китайцы) и 10 служащих (3 чел. — американцы, в их числе — руководитель экспедиции горный инженер Росс Б. Гофман). Экспедиция привезла необходимый груз на сумму свыше 140 000 рублей. Разведочные работы начались в середине сентября 1925 г. За год было углублено 390 скважин: 120 из них оказались с золотом, в 122 золото располагалось слишком глубоко, 148 оказались пустыми⁹.

К середине сентября 1926 г. все разведочные работы “Аянской корпорации” были прекращены, имущество — сконцентрировано в пунктах в устье р. Ульи и Ини, в Охотске и на Варваринском прииске. Служащие и рабочие были полностью рассчитаны. В местах хранения имущества остались только сторожа. Руководители экспедиции выехали в Лондон. При проезде через Хабаровск Гофман заявил, что ввиду неблагоприятных результатов разведки, показавших невозможность нахождения здесь больших запасов золота, могущих обеспечить постановку больших золотодобычных работ механическими способами, корпорация, по всей вероятности, прекратит дальнейшую разведку в Охотском районе и будет просить о расторжении концессионного договора¹⁰.

Главконцесском при СНК СССР признал возможным продать советским органам оставшееся от работы “Аянской корпорации” имущество и предоставил концессионеру право приобрести на вырученные советские знаки в советских кредитных учреждениях валюту по официальному курсу¹¹. Юридически концессионный договор был расторгнут в 1932 г. по взаимному соглашению сторон¹².

Неуспех “Аянской корпорации” связан с тем, что в концессию она получила площади, еще в 1914—1915 гг. заявленные американским горным инженером Ч.В. Пюрингтоном (который стоял у истоков деятельности “Аянской корпорации”). Он был уверен, что заявленные площади — золотоносные, но предварительная разведка не производилась.¹³

Японские предприниматели также проявляли интерес к природным богатствам российского Дальневосточья. Наиболее прочными их позиции были в рыбной отрасли, однако известны также случаи получения ими концессий на золотодобычу.

25 февраля 1925 г. от японского предпринимателя Иотаро Танаки поступило в Дальконцесском заявление, где говорилось о наличии у него около 200 000 руб. Правительство СССР высказало заинтересованность в предложении, и концессион-

ный договор был подписан 22 сентября 1925 г.¹⁴ Договор ограничивался сроком до полной выработки Лидинского прииска (площадь — 25,143 гектара), но не более чем на 10 лет¹⁵. По договору И. Танака мог привлекать иностранных рабочих и служащих, количество которых в первый год разведочных работ не должно было превышать 35% от общего числа занятых и 20% — в последующие годы¹⁶.

При разработке прииска концессионер был обязан выплачивать ежегодную погектарную плату — по 5 рублей, долевое отчисление — 5% от добытого и скупленного золота и такой же процент — взамен всех местных налогов и сборов. По истечении срока договора предприятие должно было безвозмездно перейти правительству с возмещением концессионеру стоимости неамортизированной части оборудования, приобретенного за последние 5 лет действия договора. В целях обеспечения исправного выполнения договора концессионер должен был внести залог (25 000 руб.), подлежавший возврату после возведения построек и сооружений на эту сумму¹⁷.

К моменту подписания концессионного договора навигационный сезон уже завершился, и Танака не выполнил обязательств по приемке прииска и его оснащения. Концессионер ходатайствовал перед Главконцесскимом об отсрочке окончательного оснащения прииска и начала первого операционного года.

Постановлением Главконцесскогома от 28 января 1926 г. срок окончательного оснащения прииска был продлен до 1 октября 1926 г., а начало операционного года перенесено с 1925/1926 г. на 1926/1927 г. 2 июля 1926 г. Танака принял по акту предоставленный ему в концессию Лидинский прииск¹⁸.

Он приступил к углублению шахт и постройке жилых помещений, но из-за недоразумений с компаньонами работы вскоре прекратились, будучи возобновлены лишь после постройки зданий. Рабочих и служащих на концессии числилось от 20 до 40, в том числе от 4 до 7 японцев.

Но в начале 1927 г. Танака с прииска уехал, оставив задолженность по зарплате рабочим за 2 месяца. По сообщению Далькрайсовнархоза от 22 мая 1927 г., все работы на концессии прекратились, ответа на запросы к концессионеру по его юридическому адресу не поступило¹⁹.

Дело о задолженности И. Танаки по заработной плате было передано в Окружной суд, а на оборудование и инвентарь был наложен предварительный арест. Они оценивались концессионером в 24 936 руб. 17 коп., однако большая их часть была в процессе работы изношена или вообще не имела ценности. При их оценке фактическая стоимость составила приблизительно 9—10 тыс. руб.²⁰

Во исполнение постановления Главконцесскогома от 29 августа 1927 г. по делу И. Танаки, концессионеру было отправлено по юридическому адресу двукратное, с интервалом в 1 месяц, предупреждение, что в случае невыполнения данных им обязательств, договор на разведку и добычу золота потеряет силу. Меры, принятые Главконцесскимом, не увенчались успехом, и договор был в 1927 г. расторгнут.

В 1927 г. еще одна японская компания, «Шова Кинко Кабусики Кайся» сделала заявку на золотопромышленную концессию в Охотском районе. 18 июля 1927 г. с данной фирмой был заключен концессионный договор сроком на 20 лет²¹. Доля иностранцев, занятых на концессии, по договору составляла не более 25% от общего количества рабочих и служащих (по каждой категории в отдельности). Начиная с третьего года эксплуатационного периода, эта доля понижалась до 15%. Кроме того, сверх данного лимита концессионеру разрешалось пригласить из иностранных граждан двух лиц руководящего технического персонала при

условии, что в составе руководящего персонала должен быть хотя бы один специалист — гражданин СССР²³.

Из-за нерентабельности предприятия японский концессионер свернул все работы по разведке и добыче уже в сентябре 1928 г. Если И. Танака внес в государственную казну хотя бы погектарную плату за полгода работы, то от “Шо-ва Кинко Кабусики Кайся” никаких платежей не поступило²³.

Как видим, Охотский район в 1920-е гг. был объектом пристального внимания европейских и японских золотопромышленников. Однако, их концессионная деятельность не была результативной. Уже в 1928 г. Акционерное Камчатское общество (АКО) приступило к разведке и добыче золота в Охотском районе на 4-х приисках, переданных ему Союззолотом, а в 1929 г. обществу были переданы еще 4 отвода²⁴. Было признано, что положительные результаты достижимы лишь при организации поисково-разведочных работ на научной основе. Научные разработки должны были применяться для определения местонахождения золота в тех или иных местах Охотского района (скорее в северной части, нежели в близкой к морю)²⁵.

Итак, из-за объективных сложностей деятельность концессионных предприятий в районе Охотска оказалась затрудненной.

1. Декреты Советской власти. Т. 7, 10 дек. 1919 г. — 31 марта 1920 г. М.: Политиздат, 1975. С. 596.
2. Марьясова Н. В. Иностранный капитал на Дальнем Востоке России в 20 — 30-е гг. (концессии и концессионная политика Советского государства). Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2000. С. 45.
3. ГАХК. Ф. 668, оп. 1, л. 5, л. 41.
4. Советско-американские отношения: Годы непризнания, 1918 — 1926. Документы/Под ред. А. Н. Яковлева. М.: Демократия, 2002. С. 424.
5. ГАХК. Ф. 668, оп. 1, л. 11, л. 85.
6. Там же, л. 66.
7. Там же, л. 88.
8. Там же, л. 94.
9. Там же, л. 24, 26, 26 об.
10. Там же, л. 28.
11. Там же, л. 2.
12. Марьясова Н. В. Указ. соч. С. 74.
13. ГАХК. Ф. 668, оп. 1, л. 56, л. 52.
14. Там же, л. 25, л. 27.
15. Там же, л. 27, л. 6, 7.
16. Там же, л. 14.
17. Там же, л. 25. Л. 69.
18. Там же, л. 35.
19. Там же, л. 35 об.
20. Там же, л. 51.
21. Там же, л. 56, л. 298 об.
22. Там же, л. 17.
23. Там же, л. 281.
24. Там же, л. 41.
25. Там же, л. 52 об.

Экономика

Космическая программа Китая*

© 2007

П. Каменнов

В национальной стратегии Китая, направленной на выход к 2020 г. в число ведущих держав мира, особое место занимает космическая программа. Ей отводится важная роль в укреплении экономического и научно-технического потенциала, обороноспособности страны; космическая программа расценивается как фактор, способствующий сплочению китайской нации.

При сравнительно небольших затратах, в короткие сроки Китай добился в космической программе ряда важных успехов. К достижениям мирового уровня относится освоение технологий возвращения спускаемого аппарата искусственного спутника Земли (ИСЗ), запуска нескольких спутников одной ракетой, использования криогенного топлива. Китай запускает геостационарные ИСЗ, спутники управления, связи и телеметрии, навигационные, океанографические и пр. С 2003 г. приступил к пилотируемым космическим полетам.

По оценке российского Федерального космического агентства (Роскосмос), ракетно-космическая техника развивается ныне сходно в России, США, Китае, и, хотя последний отстает от первых двух держав примерно на 30 лет, разрыв быстро сокращается. Китайской космической программе благоприятствуют активная поддержка со стороны государства, ее хорошее финансирование; число сотрудников в космической отрасли многократно превышает соответствующий российский показатель.¹

Становление космической программы Китая принято связывать с именем выдающегося китайского ученого Цянь Сюэсэня, учившегося и многие годы работавшего в США в области теории реактивного движения, аэродинамики, ракетостроения². По возвращении в 1955 г. на родину он возглавил научно-исследовательский центр по разработке ракетного оружия — 5-й НИИ министерства обороны КНР. Три с половиной десятилетия руководил работой по созданию космической техники, ИСЗ, ракет-носителей, систем связи и телеметрии, наземной космической инфраструктуры.

Каменнов Павел Борисович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

* Подготовлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 07-02-02005а.

Становлению космической отрасли благоприятствовало широкое научно-техническое сотрудничество с СССР. Освоение ракетных технологий, полученных по советско-китайским соглашениям о сотрудничестве в 1957—1962 гг.³, позволило Китаю добиться успеха в запуске в 1970 г. первого искусственного спутника Земли (ИСЗ), а ныне по отдельным направлениям космических технологий занять место среди наиболее развитых стран мира.

Особенности стратегии Китая в сфере космических технологий:

— интегрированное планирование с учетом долгосрочных и краткосрочных целей при согласованном развитии систем космических аппаратов и наземной космической инфраструктуры;

— концентрация сил на ограниченном числе приоритетных направлений, жизненно важных для экономики и общества;

— стремление повышать экономическую отдачу от данной деятельности, акцент на поиск наиболее эффективных решений при относительно скромных затратах*.

Ныне, в условиях рыночной перестройки, государство осуществляет управление отраслью на макроуровне, разрабатывает общие планы развития космических технологий, координирует научные исследования и разработки, внедрение их в народном хозяйстве, науке, национальной обороне.

В 1990-х гг. космическая промышленность претерпела реорганизацию с целью активизировать механизм конкуренции: прежнего монополиста в данной сфере, Китайскую корпорацию космической промышленности разделили на Корпорацию аэрокосмической науки и техники Китая (CASC) и Корпорацию аэрокосмической науки и промышленности Китая (CASIC).⁴ Обе являются государственными коммерческими предприятиями со структурой, позволяющей осуществлять в полном объеме научные исследования, разработки и производство как военной, так и гражданской космической и иной высокотехнологичной продукции. Так, первая из этих корпораций, подведомственная Госсовету КНР, включает 137 научно-исследовательских учреждений, заводов и фирм с персоналом около 110 тыс. чел. (в том числе, 40% — технические специалисты). CASC производит ракеты-носители, разнообразное космическое оборудование, включая ИСЗ, оснастку информационных систем и систем связи, осуществляет запуски космических ракет.⁵

Первый китайский ИСЗ “Дунфанхун—1” (“Алеет Восток-1”) был запущен 24 апреля 1970 г. К октябрю 2000 г. Китай создал и послал в космос 47 ИСЗ разных типов (успешными оказались примерно 90% запусков).

В 2001-2005гг. было запущено 22 ИСЗ (при стопроцентном успехе). По техническим характеристикам и надежности китайские спутники близки или соответствуют международным стандартам. ИСЗ “Фэнъюнь-1” (“Грозовые облака”-1) и “Фэнъюнь-2” Всемирная метеорологическая организация включила в международную систему оперативных метеорологических спутников.⁶

Практическое применение ИСЗ распространилось в Китае на обширные сферы народного хозяйства, науки и техники, культуры и образования, национальной обороны. 70% их — спутники дистанционного наблюдения и телекоммуникации.

* Благодаря относительно низким ценам за предоставляемые клиентам услуги Китай поддерживает свою конкурентоспособность на мировом космическом рынке. Более того, благодаря им он, по некоторым прогнозам, может со временем вытеснить из проектов Международных космических станций российские “космические грузовики”.

Дистанционное зондирование координируется сетью центральных учреждений, включая Национальный центр дистанционного наблюдения, Национальный спутниковый метеорологический центр, Центр спутниковой разведки природных ресурсов, Спутниковый океанографический центр, Наземную спутниковую станцию дистанционного наблюдения. НИИ, находящиеся в ведении соответствующих ведомств Госсовета, провинций, муниципалитетов, Академии наук, используют информацию, получаемую от ИСЗ, для прикладных исследований в области прогнозирования погоды, наблюдения над территориями, оценки видов на урожай, наблюдения за лесами, мониторинга стихийных бедствий, штормовых предупреждений, городского планирования, топографии.

Значительное повышение точности прогнозирования стихийных бедствий ощутимо снизило вызываемый ими экономический ущерб.

Телекоммуникационные ИСЗ используются в системах связи, прогнозирования погоды, а также в сфере народного образования. Сооружены десятки крупных и средних наземных спутниковых станций, обеспечивающих более 27000 каналов международной телефонной связи с охватом более 180 стран и территорий. Создание общественной системы спутниковой связи, насчитывающей 70000 спутниковых телефонных каналов, стало важным шагом в решении проблем связи с отдаленными районами. Кроме того, создано более 80 специализированных спутниковых систем связи для десятков департаментов, ведающих финансами, метеорологией, транспортом, нефтью, водными ресурсами, гражданской авиацией, энергетикой, здравоохранением, средствами массовой информации.

Благодаря применению телекоммуникационных ИСЗ создана глобальная сеть телевидения, а также образовательная телевизионная сеть, охватывающая всю территорию страны. В 2000 г. эта сеть включала 33 спутника-ретранслятора, обслуживающих 47 каналов центрального телевидения Китая, а также ряд передающих телевизионных станций, обслуживающих 40 местных телевизионных каналов. С помощью спутниковых телевизионных образовательных программ десятки миллионов человек смогли получить среднее образование.

В таких сферах, как наблюдение за земной поверхностью, навигация, мониторинг землетрясений, предупреждение лесных пожаров, управление движением городского транспорта, Китай наряду с отечественными широко применяет иностранные ИСЗ.

За период с 1985 г. (когда правительство КНР выступило с заявлением о предоставлении услуг по запуску ИСЗ на коммерческой основе) по октябрь 2000 г. Китай осуществил 27 успешных запусков ИСЗ иностранного производства по заказам пользователей из Пакистана, Австралии, Швеции, США и Филиппин, а также для внутреннего рынка.

Ракеты-носители серии "Чанчжэн" ("Великий поход")*, включающей свыше десяти модификаций, способны выводить космические аппараты на околоземную, геостационарную и околосоляную орбиты. Все 46 запусков ракет-носителей серии "Чанчжэн", произведенные в период с октября 1996 по конец 2005 гг., увенчались успехом.⁷

Как отметил в интервью агентству Синьхуа (март 2007 г.) Хуан Чуньпин, возглавляющий работу по созданию ракет-носителей в рамках национальной программы пилотируемых космических полетов, ракеты-носители семейства

* В англоязычной литературе эти ракеты иногда обозначают аббревиатурой "LM" — от "Long March" ("Великий поход" по-английски).

“Чанчжэн” “несколько уступают” американским и российским, “но имеют некоторые преимущества” перед европейской ракетой “Ариана”.⁸ Согласно уточнению Луань Эньцзе (руководитель китайской программы зондирования Луны), в 2006 г. в Пекине был учрежден проект создания более мощной ракеты, ибо для выведения спутников на Луну требуется ракета-носитель тягой в 3000 — 4000 т., тогда как Китай пока располагает ракетой с тягой более 600 т.⁹

Пять космических центров Китая: к Шуанчэнцзы и Цзюцюаню (пров. Ганьсу), Тайюаню (пров. Шаньси) и Сичану (пров. Сычуань) в 1990 г. добавился космодром на о. Хайнань. Китай располагает также станцией космического слежения и контроля на атолле Темаваику в тихоокеанском островном государстве Кирибати. Созданная по межгосударственному договору от 1997 г., она используется для слежения за ракетами, запускаемыми с китайской территории¹⁰.

В последние годы осуществлена модернизация космодромов Цзюцюань, Сичан и Тайюань с целью расширения их возможностей при проведении комплексных испытаний и запусков ракет-носителей, ИСЗ, беспилотных экспериментальных и пилотируемых космических кораблей.

Третий в мире по пилотируемой космонавтике, Китай в ноябре 1999 г. осуществил успешный запуск экспериментального космического корабля “Шэньчжоу” (“Священная ладья”). В последующие годы состоялось два успешных пилотируемых полета: 15-16 октября 2003 г. — на корабле “Шэньчжоу-5” с первым китайским космонавтом на борту, подполковником ВВС НОАК Ян Ливэем и 12-17 октября 2005 г. — на корабле “Шэньчжоу-6” с экипажем из двух космонавтов. Полет третьего пилотируемого корабля “Шэньчжоу-7”, запланировано осуществить в 2007 г.¹¹

Естественно, что пилотируемой космонавтике предшествовало формирование интегрированной системы телекоммуникации и телеметрии. Позволяющая, в частности, обеспечивать функционирование ИСЗ на околоземных и геостационарных орбитах, а также экспериментальных космических объектов, она включает наземные станции и морские суда. Применяемая в этой системе технология позволяет ей интегрироваться в международную космическую и телекоммуникационную сеть.

Значение космоса для национальной обороны осознано в Китае на основе опыта вооруженных конфликтов минувшего десятилетия. По взглядам китайских военных теоретиков, война будущего будет вестись в многомерном пространстве, включающем сушу, море, воздух, космос и электронную среду. При этом действия на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях ведутся одновременно на всю глубину зоны боевых действий, границы между фронтом и тылом становятся размытыми, темпы боевых действий возрастают, а продолжительность войны сокращается. Основным средством обеспечения боевых действий в эпоху информатизации становятся системы космического базирования. Так, во время войны в Ираке вооруженные силы США использовали более 90 ИСЗ и 36 наземных космических станций. 70% разведывательной информации, 80% объема информации по линиям связи и 90% метеорологической информации было получено и передано посредством систем космического базирования, что существенно повысило эффективность боевых действий.¹²

В борьбе за превосходство в космосе налицо тенденция обострения. Лидируют в ней США, осуществляющие объемную интеграцию военных космических систем с источниками информации наземного, морского и воздушного базирования с конечной целью создания единой системы управления вооруженными

силами, объединяющей разведку, командование, оперативное управление, оповещение, связь и позволяющей обеспечить информационное превосходство в многомерном пространстве.¹³ Но и Китай в меру своих возможностей старается не отставать.

По оценкам Института стратегических исследований США, уже в конце минувшего века Китай в интересах своих вооруженных сил вел разработку спутниковой системы, предназначенной для передачи информации о противнике всем формированиям вплоть до подразделения одновременно и в реальном масштабе времени. В 1999 г. в сянганскую печать просочились сведения о том, что Китай обладал к тому времени 17 разведывательными спутниками, позволяющими вести наблюдение за передвижениями войск и сил флота.

В области военного освоения космоса Китай, согласно выводам аналитиков США, осуществляет меры по созданию систем разведки, командования, управления, связи, наблюдения и рекогносцировки с элементами космического базирования. Изучив опыт операций коалиционных сил во главе с США в Югославии, Афганистане и Ираке, Пекин пришел к выводу о необходимости создания и оперативного развертывания противоспутниковых систем. Работы ведутся по трем направлениям:

во-первых — усовершенствование имеющейся системы слежения и идентификации космических объектов;

во-вторых — создание лазерных средств небольшой мощности наземного базирования, предназначенных для “ослепления” сенсорных элементов спутников противника, находящихся на низких околоземных орбитах;

в-третьих — создание малогабаритных маневрирующих спутников, способных сблизиться с ИСЗ противника, уничтожая их либо нарушая функционирование их бортовой электроники.

Обращает на себя внимание сообщение агентства “Синьхуа” об образовании в КНР крупнейшего холдинга по лазерной технике — научно-производственного объединения “Хуагун”, созданного в 2007 г. на основе слияния предприятий по выпуску лазерной техники — “Хуагун”, “Чутянь” и “Туаньцзе”. Новое объединение станет крупнейшим в стране производителем лазерного оборудования различной мощности для применения во многих отраслях.

Как испытание одного из видов противоспутникового оружия было истолковано в мире осуществленное Китаем 12 января 2007 г. уничтожение посредством баллистической ракеты своего устаревшего метеорологического спутника “Фэнъюнь-1С”, находившегося на околоземной орбите над пров. Сычуань на высоте более 800 км.¹⁴ Хотя официальный Пекин не подтвердил данного факта, эти действия Китая вызвали протесты со стороны США и других стран, осуществляющих спутниковые программы.¹⁵ Одна из мотиваций протестов — появление на орбите значительного количества мусора, представляющего опасность для спутников всех космических держав.

Кстати, из-за проблемы космических обломков (как и по некоторым другим причинам) США и СССР некогда прекратили испытания противоспутниковых систем, проводившиеся в 1980-е гг. По оценке некоторых западных аналитиков, осуществленный Китаем эксперимент не явился неожиданностью, будучи естественной реакцией Пекина на нежелание США обсуждать с ним проблемы ограничения военной деятельности в космосе, где США на сегодня имеют абсолютное превосходство.¹⁶

Активное включение Китая в международное сотрудничество по мирному использованию космоса выразилось в подписании соответствующих соглашений, меморандумов с Бразилией, Великобританией, Индией, Канадой, Россией, Украиной, Францией, с Европейским космическим агентством и др. Китай поддерживает обмены с космическими агентствами Алжира, Германии, Италии, Перу, США, Чили, Японии.

После успешной доставки в октябре 2003 г. на орбиту китайско-бразильского спутника по изысканию георесурсов правительства двух стран подписали дополнительные протоколы о совместной разработке спутников этой серии, а также о совместном освоении системы прикладного использования полученных данных с целью обеспечить непрерывность информационного потока, расширить сферу применения спутниковых данных как в региональном, так и в глобальном масштабе.

Завершена программа запуска в околоземное пространство двух спутников “Таньцэ”, которую совместно осуществляли Китай и Европейское космическое агентство (ЕКА), приступившие к реализации совместной программы “Дракон” по дистанционному зондированию Земли, что включает 16 проектов в сферах сельского, лесного и водного хозяйств, метеорологии, океанологии и прогнозирования стихийных бедствий.¹⁷

Сотрудничество с Россией особо значимо для Китая. Оно реализуется в рамках ряда соглашений, охватывающих спутниковую навигацию, наблюдение, связь, пилотируемые полеты и включающих такие формы сотрудничества, как создание совместных проектов, обмен информацией, испытание космических систем, обмен научным и техническим персоналом и др.¹⁸ За период с 2001 по 2006 гг. Китай заключил с Россией 67 контрактов по 43 темам. В сентябре 2006 г. принята новая программа двустороннего сотрудничества в области космоса на 2007-2009 гг., включающая 38 проектов и тем. Кроме того, китайская сторона дополнительно предложила 20 новых тем сотрудничества. Одна из самых масштабных — привлечение российских ученых к китайской программе изучения Луны, в рамках которой предполагается осуществить автоматическими космическими аппаратами непилотируемый полет к Луне, ее облет, посадку, фоторазведку и забор грунта. В 2009 г. намечается осуществить проект забора и доставки на Землю грунта со спутника Марса Фобос. Среди других проектов — программа создания совместными усилиями под эгидой Российской академии наук и запуск на орбиту Земли аппарата для наблюдения за дальним космическим пространством в ультрафиолетовом диапазоне, а также программа создания радиотелескопа “Радиоастрон”.¹⁹

Китай участвует в ряде важных международных соглашений по изучению и освоению космоса, в их числе: “Договор о принципах регулирования деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие объекты”, “Соглашение о спасении астронавтов и возвращении на Землю астронавтов и объектов, запущенных в космос”, “Конвенция об ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами”, “Конвенция о регистрации объектов, запущенных в космос”. Присоединился к таким многосторонним совместным проектам, как “Комитет по спутникам наблюдения за поверхностью Земли”, “Глобальный мониторинг погоды”, “Десятилетие ООН по снижению влияния стихийных бедствий”. В качестве страны-сопредседателя содействует “группе действий” (состоящей из 40 стран-членов Комитета ООН по мирному использованию космического пространства и 15 между-

народных организаций) в борьбе со стихийными бедствиями с использованием систем орбитальной космической техники. Участвовал в работе Специальной группы экспертов по обоснованию координационного механизма в ликвидации последствий стихийных бедствий, присоединился к "Хартии сотрудничества по согласованному использованию орбитальной технической системы в случае крупных стихийных бедствий и техногенных катастроф", подписанной космическими агентствами многих стран. Во взаимодействии с подразделениями ООН организовал Курсы лекций по основам космонавтики и Курсы лекций по дистанционной медицинской диагностике в Азиатско-тихоокеанском регионе (АТР). Совместно с секретариатом Многостороннего космического сотрудничества стран АТР, Экономической и социальной комиссией ООН для Азии и Тихоокеанского района многократно устраивал семинары и курсы по прикладной космонавтике, предоставляя финансовую поддержку их участникам.

В мае 2005 г. Китай стал действительным членом Международной организации по наблюдению земной поверхности и членом ее Исполкома. В июле 2006 г. в Пекине прошла 36-я научная ассамблея Международного комитета по космическим исследованиям COSPAR и 8-я Международная конференция по зондированию и использованию ресурсов Луны. Китай участвовал в профильных мероприятиях, организованных Международным союзом электросвязи, Всемирной метеорологической организацией, Международной федерацией астронавтики и Международным комитетом по исследованию космического пространства.²⁰

С 1995 г. Китайское национальное космическое агентство является членом международного координационного комитета по проблемам предотвращения засорения космического пространства.

Наряду с многосторонним международным сотрудничеством важное место занимает поддержка регионального сотрудничества в рамках Азиатско-Тихоокеанского региона, где Китай стремится занять доминирующее положение.

В 1992 г. Китай, Таиланд, Пакистан и некоторые другие страны выступили спонсорами Азиатско-Тихоокеанского симпозиума по сотрудничеству в сфере космических технологий, стимулировавшего подписание в апреле 1998 г. меморандума о сотрудничестве в создании многофункциональных ИСЗ, к которому присоединились правительства КНР, Ирана, Республики Корея, Монголии, Пакистана и Таиланда.

Китай продолжает содействовать реализации проекта Малых многоцелевых спутников в рамках многостороннего сотрудничества стран АТР. Одновременно он ведет совместные работы по разработке и прикладному применению подобных спутников с Бангладеш, Ираном, Республикой Корея, Монголией, Пакистаном и Таиландом. Первый запуск спутников в рамках данного проекта был запланирован на 2007 г. С 1988 г. Китай предоставляет развивающимся странам ежегодные стипендии для подготовки специалистов по космическим технологиям.

Важными вехами в развитии регионального сотрудничества стали организованная в Пекине в 1994 г. 1-я региональная конференция стран АТР на уровне министров по использованию космоса в интересах устойчивого развития этих стран, а в 1999 г. совместно с ООН и Европейским космическим агентством — симпозиум по содействию устойчивому развитию сельского хозяйства.

В октябре 2005 г. в Пекине представители правительств Китая, Бангладеш, Индонезии, Ирана, Монголии, Пакистана, Перу и Таиланда подписали "Конвенцию Азиатско-Тихоокеанской организации космического сотрудничест-

ва”, к которой в июне 2006 г. присоединилась Турция. Штаб-квартиру было решено аккредитовать в Пекине.

Все это свидетельствует о тенденциях к институционализации Азиатско-Тихоокеанской организации космического сотрудничества.

В обозримой перспективе Китай намерен поддерживать международные обмены и сотрудничество в области космических технологий, прикладной космонавтики и космических исследований, отдавая приоритет следующим направлениям:²¹

- исследования в области космической астрономии и физики, микрогравитации, науки о жизни в условиях космоса, зондирования Луны и планет;
- налаживание общего доступа и предоставление услуг в использовании информационных данных от спутников наблюдения Земли;
- разведка ресурсов, мониторинг окружающей среды, предупреждение и уменьшение потерь от стихийных бедствий;
- мониторинг и прогноз глобальных изменений климата;
- налаживание общего доступа к информационным данным, полученным сетями слежения и управления полетами космических аппаратов, взаимодействие при слежении и управлении полетами космических аппаратов;
- разработка и производство телекоммуникационных спутников и спутников наблюдения за земной поверхностью;
- производство наземного оборудования и ключевых узлов и элементов, предназначенных для спутниковой связи, дистанционного зондирования со спутника и спутниковой навигации;
- применение спутниковой связи и вещания в дистанционном обучении и дистанционной медицинской диагностике, расширение сферы применения спутникового телерадиовещания, предоставление услуг по спутниковой навигации;
- коммерческие запуски спутников, экспорт ИСЗ и комплектующих к ним, наземное слежение и управление полетами ИСЗ, строительство и обслуживание наземных сооружений;
- подготовка и обмены специалистами в космической деятельности.

Стратегия Китая по освоению космоса в XXI веке предусматривает дальнейшее развитие космической отрасли и расширение сферы ее применения.

В ближайшие годы предполагается создать систему наблюдения за поверхностью Земли, рассчитанную на длительное и устойчивое функционирование. Включаящая ИСЗ различного назначения, эта система позволит осуществлять объемное наблюдение за сушей, атмосферой и прилегающей к Китаю поверхностью мирового океана, удаленными районами и Земным шаром в целом. Одновременно будут предприняты усилия по дальнейшему развитию спутниковых систем телевидения и радиовещания, а также по созданию автономной, независимо действующей спутниковой системы навигации и определения местоположения объектов.

Реализации этих проектов будут сопутствовать меры по повышению технического уровня и увеличению мощности используемых ракет-носителей: во-первых, путем усовершенствования и повышения надежности имеющихся ракет серии “Чанчжэн” и, во-вторых, — путем создания на базе высоких технологий недорогих экологически чистых и нетоксичных ракет нового поколения.

В конце 2006 г. Китай приступил к поэтапному созданию собственной глобальной спутниковой навигационной системы “Бэйдоу” (“Путеводная звезда”),

включающей 5 стационарных и 30 нестационарных спутников, которая начнет функционировать ориентировочно в 2008 г.²²

Практическая деятельность будет сопровождаться дальнейшим изучением космического пространства, в связи с чем намечается создание серии исследовательских ИСЗ нового поколения, предназначенных для технологических экспериментов и научных исследований в сферах микро-гравитации, свойств материалов и жизни биоорганизмов в космосе, свойств космической среды, космической астрономии, а также для изучения космического пространства, прежде всего Луны.*

В марте 2007 г. в Пекине было объявлено, что работы по созданию первого китайского автоматического “лунохода” практически завершены: они длились три года при участии 10-тысячного персонала²³. Тогда же Комитет оборонной науки, техники и промышленности КНР огласил “План развития космических исследований в Китае на 11 пятилетку” (2006 — 2010 гг.) Им предусмотрено:

1. Осуществление пилотируемых полетов в космос и исследование Луны как часть среднесрочной и долгосрочной национальной программы научно-технического развития. На 2007 г. намечено зондирование Луны с лунной орбиты, получение трехмерных снимков лунной поверхности, должна быть проанализирована структура распределения элементов в лунной коре, их объем и качество. К 2012 г. должна быть осуществлена мягкая посадка на Луну автоматического исследовательского зонда, к 2017 — доставка на Землю автоматическим способом проб лунного грунта.

2. Разработка и создание собственными силами телескопа, работающего в жестких рентгеновских лучах; вывод в космос в 2010 г. астрономического спутника китайского производства для изучения физики черных дыр.

3. Запуск в 2009 г. возвращаемого научно-экспериментального спутника “Шицзянь-10” (“Практика-10”) для исследований в сферах микрогравитации и космобиологии.

4. Участие в китайско-российской программе исследований Марса, в программе строительства Всемирной космической обсерватории ультрафиолетового диапазона, а также в французско-китайской программе изучения взрывов на Солнце (SMESE).

5. Дальнейшая разработка технологий создания космического солнечного телескопа, подготовка специальной космической программы по изучению солнечной активности.

6. Проведение ключевых научных и технологических исследований в различных сферах космонавтики.²⁴

В перспективе до 2020 г. предполагается достичь промышленного освоения и маркетизации космических технологий и космического оборудования, что позволит удовлетворить широкий спектр запросов экономического строительства, государственной безопасности, развития науки и техники. ИСЗ различного назначения и соответствующее им наземное спутниковое оборудование намечается объединить в единую многофункциональную космическую систему, предназначенную для длительного и устойчивого функционирования в соответствии с государственными планами.

* По утверждению Хуан Чуньпина, Китай располагает возможностями отправить космонавта на Луну в течение ближайших 15 лет (т.е., до 20020 г.).

Космической программой предусматривается к 2010 г. иметь на орбите более 100, а к 2020г. — более 200 ИСЗ; кроме того, в 2020г. возможно создание китайской космической орбитальной станции.

Анализ деятельности Китая по запуску ИСЗ в последние годы показывает, что программа успешно выполняется.

Развитие космической науки и технологий ее применения намечается осуществлять согласно скоординированным программам при сосредоточении усилий на наиболее актуальных ключевых проблемах; одновременно предполагается дальнейшее расширение международного сотрудничества, нацеленного прежде всего на развитие космической промышленности Китая. Поскольку деятельность в космосе требует концентрации огромных капиталовложений, привлечения сложных технологий, сопряжена с человеческим и коммерческим риском, особое внимание предполагается уделять повышению эффективности управления.

Дальнейшее освоение космоса связывается с созданием благоприятных условий для привлечения талантов и создания контингента молодых высококвалифицированных ученых и инженеров — специалистов по космосу; в этих же целях предполагается осуществление мер для популяризации знаний о космосе, создания в обществе побудительных мотивов в пользу развития космической отрасли.

1. ИТАР-ТАСС ИНОТАСС. 2006. 26 декабря.
2. Mark A.Stokes. China's Strategic Modernization: Implication's for The United States/by Strategic Studies Institute. USA, 1999. P. 169—170.
3. Мировая экономика и международные отношения, № 8, 1995. С. 37.
4. А.Плотников. "Структурно-экономические аспекты реформы военно-промышленного комплекса Китая"/"Проблемы Дальнего Востока", 2005г., № 5, С. 104-119).
5. Извещения Госсовета КНР. № 6. 2000.
6. "Белая книга КНР о деятельности в космосе" 2006г., (China.org.cn, 23.11.2006).
7. Там же.
8. Жэньминь жибао он-лайн. 2007. 6 марта.
9. Там же. 7 марта 2007 г.
10. ИНФО ТАСС. 1999. 21 сентября.
11. ИТАР-ТАСС. 2006. 26 октября.
12. Jen.Xiong Guangkai.On World Revolution in Military Affairs and the Chinese Army Building // International Strategic Studies, 4th Issue. 2003. P. 1-5.
13. Ke Ji. Trends of World Military Science and Technology Development/ International strategic Studies. 2006. № 2. P.26.
14. ИНФО ТАСС. 1999. 6 сентября.
15. The Washington Post. 2007. 19 января.
16. Christian Science Monitor. 2007. 22 января.
17. "Белая книга КНР о деятельности в космосе" 2006г., (China.org.cn, 23.11.2006).
18. Mark A.Stokes. China's Strategic Modernization: Implication's for The United States/by Strategic Studies Institute. USA, 1999. P. 178.
19. ИТАР-ТАСС ИНОТАСС. 2006. 6 июля.
20. "Белая книга КНР о деятельности в космосе" 2006 г., (China.org.cn, 23.11.2006).
21. Там же.
22. ИТАР-ТАСС ИНОТАСС. 2006. 2 ноября.
23. Жэньминь жибао он-лайн. 2007. 6 марта.
24. Жэньминь жибао он-лайн. 2007. 12 марта.

Зоны высоких технологий в Китае: поиск, проблемы

© 2007

Ян Ли

Формирование идеи

Термин "высокие технологии" (high technology) появился, как считается, в США: он вошел в опубликованное там в 1983 г. третье дополненное издание Нового международного словаря. 5 лет спустя Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) дала такое толкование: "стремительно и комплексно развивающиеся отрасли экономики, в основу которых заложены исследования и освоение, проникнутые динамизмом и устойчивым прогрессом"¹.

В разных странах мира подходы к пониманию данного термина различаются. Так, в Японии кредитный банк квалифицирует процесс развития высокотехнологичного производства как нечто весьма перспективное, акцентируясь на том, что вследствие высокой концентрации технологий и быстроты развития, способствующих сбережению природных ресурсов и энергоресурсов, налицо положительное воздействие на развитие рынка и на масштабы производства. В США это конкретизируют так: при создании высокотехнологичной продукции либо расходы на развитие науки должны составлять не менее 10%, либо научно-технические кадры должны составлять не менее 10% общей численности персонала. Там же в ходу и такое определение: "высотехнологичное производство есть такое производство, в котором затраты на научные исследования и численность научно-технического персонала должны вдвое превышать норму, установленную на обычном производстве".

ОЭСР в 1994 г. проанализировала соотношение затрат на развитие науки с торговым оборотом по 22 отраслям производства десяти стран-членов ОЭСР. В случаях, где затраты на науку превышали 7,1% доходов от продажи продукции, производство было признано высокотехнологичным; где это соотношение оказалось от 2,7 до 7,1%, производство было квалифицировано как основанное на технологиях среднего уровня; если же такие затраты не достигали 2,7% доходов от продажи, производство обозначалось как слабо технологичное. Исходя из этого, было выделено четыре высокотехнологичных отрасли: космос и авиация; производство компьютеров и оргтехники; электроника и средства связи; фармацевтика.²

В КНР принято словосочетание "новые и высокие технологии" ("гао синь цзишу"), каковые трактуются как использование современных прикладных технологий и высоких технологий для повышения уровня производства в целом и

для развития тех или иных производственных технологий, в частности. Обычно понятие “высокие технологии” рассматривают с двух точек зрения:

- по времени появления выделяются простые технологии, новые технологии и зарождающиеся технологии;
- по степени новизны выделяются простые технологии, передовые технологии и ведущие технологии;

Словосочетание “новые и высокие технологии” является обобщающим для таких понятий, как прикладные технологии, новые технологии, зарождающиеся технологии, ведущие технологии и прочие современные технологии. Исходя из этого, в Китае термин “новые и высокие технологии” трактуют как сочетание новых технологий, зарождающихся технологий и монопольных технологий, специальных технологий, а также технологий, не характерных для данного государства и данной местности. Программа развития новых и высоких технологий в Китае отражена в Программе “863”, определившей в 1986 г. общегосударственный курс в области развития науки и техники. В последней трактовке этой Программы фигурирует 8 приоритетных отраслей для внедрения в производство передовых достижений науки и техники: информатика, биотехнологии, новые материалы, энергоносители, сельское хозяйство, передовая обработка и автоматизация, переработка морских продуктов, технологии для гражданского потребления³. А в принятой два года спустя Программе “Факел” был сформулирован курс практического развития и внедрения в производство высоких технологий — строительство “научных парков”. Первенство в этом также имели Соединенные Штаты.

Появление в 1940 году в США “научного парка” в местечке Пало-Альто на базе Стэнфордского университета (штат Калифорния) стало отправной точкой в мировой практике развития научно-технологических парков. Волна строительства таковых впоследствии развернулась как в развитых, так и в развивающихся странах. Поскольку причины их возникновения были неодинаковы, возникло множество разновидностей таких “парков”.

В системе критериев деятельности научных парков, составленной в 1991 году тайваньскими учеными Ши Хунчжи и Кун Сяньфа, выделено 7 основных разновидностей:

- 1) исследовательский парк (research park , яньцзююань);
- 2) научный парк (science park , кэсюэюань);
- 3) технологический парк (technology park , цзишююань);
- 4) бизнес парк (business park , ши пэйююэюй);
- 5) телепорт (teleport , дяньючуань дуаньюкоу);
- 6) технополис (technopolis , кэцзиюань);
- 7) многофункциональный центр (multifunction polis; M.F.P , догуннэн хэсиньюй).

В противовес этому, американские ученые М. Кастэр и П. Хор, предпочитают говорить о пяти основных разновидностях:

- 1) научный парк (science park , кэсюэюань);
- 2) научный город (science city , кэсюэчэн);
- 3) технологический город (technology city or technophiles , цзишучэн);
- 4) зона высокотехнологического производства (hi-tech products processing zone , гао цзишю чаньпинь цзягунцьюй);
- 5) пояс производства высоких технологий (high technology industrial belt , гао цзишю чанье дидай).⁴

На наш взгляд, вне зависимости от их названий, научным паркам свойственны следующие особенности:

- Концентрация производства в условиях близкого соседства предприятий различных отраслей, позволяющая, в частности, быть ближе к основным источникам научно-технической информации (таким как ВУЗ или НИИ).

- Поддержка со стороны правительственных органов, проявляющаяся во многих странах. При этом научные парки становятся действенным стимулятором роста местной экономики.

- Хорошо развитая инфраструктура способствует повышению привлекательности территории для производителей: сюда относится высокое качество жилья и отдыха, высокоразвитая сфера услуг (аэропорт, скоростные автодороги, развитые средства связи и т.д.)

Китайский путь

В мире используется множество близких по звучанию наименований, за которыми кроются аналогичное, по сути, содержание и почти идентичная цель — развитие науки и экономики, высокотехнологичное производство. Как полагают специалисты Китая, в его условиях наиболее обобщающее определение таких специализированных комплексов: зоны освоения высокотехнологичного производства (ЗОВТП). Это — схожие по характеру и возможностям территориальные сообщества из ВУЗов, исследовательских учреждений и предприятий, деятельность которых нацелена на исследование, освоение и производство продукции высоких технологий, стимулирование наукоемкого производства.

В июне 1984 года Госкомитет по науке и технике представил Госсовету КНР доклад о направлениях революции в области высоких технологий, а 9 месяцев спустя вышло «Решение ЦК КПК о реформировании системы науки и техники», в котором указывалось: «В целях ускоренного развития инновации производства надлежит выявить по всей стране несколько районов концентрации интеллектуальных ресурсов, придерживаясь особого политического курса, постепенно сформировать различные по специфике зоны освоения инновационного производства». ⁵ Еще через четыре месяца Академия наук Китая и народное правительство города Шэньчжэня основали первый в КНР территориальный комплекс освоения высоких технологий — Шэньчжэньскую научно-промышленную зону. В августе 1988 года Госсоветом КНР был утвержден руководящий план развития зон освоения высокотехнологичного производства — упоминавшаяся выше программа «Факел».

В рамках программ «863» и «Факел» в большинстве провинций и городов стали возникать зоны освоения высоких технологий. В период 1991–92 гг. около 100 городов обратились за разрешением на строительство таковых. В ноябре 1992 г. Госсовет КНР утвердил создание ЗОВТП еще в 27 городах страны. Летом 1997 года возникла первая в Китае зона освоения передовых сельскохозяйственных технологий.

ЗОВТП во всех сферах деятельности достигли больших успехов. В 2005 году валовой доход всех 53 зон ⁶ государственного уровня составил 3 трлн 441,56 млрд юаней, объем добавленной стоимости в промышленности составил 682,06 млрд юаней. ⁷

Строительство — неотъемлемая часть развития ЗОВТП. В 2005 году расходы на строительство в них составили 196,02 млрд юаней. На строительство производственных помещений было израсходовано 72,32 млрд юаней; на жилые помещения — 31,94 млрд юаней; на административные здания — 11,63 млрд юа-

ней; на инфраструктуру — 33,78 млрд юаней; на отчуждение земель, снос построек и переселение — 15,18 млрд юаней.

Согласно обмеру, произведенному в 2005 г. Госкомитетом по землеустройству и Комитетом по строительству, за ЗОВТП, как оказалось, закреплено 1026,68 кв. км.

Объем государственных инвестиций на создание инновационных предприятий достиг 1,17 млрд юаней, на производство — 3,02 млрд юаней. Общий объем инвестиций составил 8,54 млрд юаней.

Совокупный приток инвестиций из-за рубежа достиг к 2005 г. 120,79 млрд долл. Основные потоки внешних инвестиций шли в ЗОВТП Шанхая (8,55 млрд долл.), Уси (6,11 млрд долл.), Сучжоу (5,23 млрд долл.), Нанкина (4,78 млрд долл.), и в пекинскую зону “Чжунгуаньцунь” (4,23 млрд долл.), общий объем внешних инвестиций, поступивших в 5 перечисленных зон составил 28,9 млрд долл., или 46,7% общего объема инвестиций.⁸

Численность персонала, занятого в производстве в рамках ЗОВТП, составила 5,212 млн чел. Работников, обладающих ученой степенью (начиная с магистра), в 2005 г. было 2,117 млн. В ЗОВТП трудятся 21 тыс. лиц, вернувшихся после обучения за границей.

В 2005 г. расходы предприятий на науку составили в ЗОВТП 133,89 млрд юаней. Из этого 80,62 млрд юаней (т.е. 2,3% от общего валового дохода и 2,8% от объема реализации продукции) — на научные исследования и развитие (R&D).

В 2005 г. реализации высокотехнологичной продукции первенствовали информационные технологии (893,56 млрд юаней, или 40,3% валового дохода).⁹ На 2-м месте — производство новых материалов (около 318,4 млрд юаней, или 12% общего торгового оборота). На 3-м месте — биотехнологии (161,5 млрд юаней, или 7,3% общего торгового оборота). Другие сферы отстают: новые виды энергии и высокие технологии в сфере энергосбережения — 94,98 млн юаней (или 4,3% объема торгового оборота); технологии защиты окружающей среды — 17,45 млн юаней (0,8% торгового оборота); космические технологии — 10,34 млн юаней (0,5% торгового оборота); освоение земли, воздушного пространства, океана — 2,62 млрд юаней (0,1% от общего торгового оборота); ядерные технологии — 1,97 млрд юаней (0,01% объема торгового оборота).¹⁰

В общей сложности, экспорт из ЗОВТП охватывал в 2005 г. 43.812 видов высокотехнологичной продукции. Инвалютный доход составил 76,07 млрд долл. У 138 предприятий годовой экспорт превысил 100 млн долл.

По основной статье экспорта (электронике и информационным технологиям) продажи в 2005 г. составили 56,88 млрд долл. Т.е., информационные технологии составили 74,8% экспорта из ЗОВТП. На 2-м месте оказалась продукция оптико-электроники (7,02 млрд долл., или 9,2% всего экспорта). На 3-м месте — новые материалы (3,99 млрд долл., или 5,2% общего экспорта). На 4-м — биотехнологии (1,18 млрд долл., или 1,6% всего экспорта).

Экспорт из ЗОВТП осуществлялся прежде всего в США — 29,04 млрд долл., или 38,2% всего экспорта высокотехнологичной продукции. Экспорт в Гонконг, Аомынь и Тайвань составил 14,12 млрд долл. (18,6%), в Европу — 12,32 млрд долл. (16,2%), в Японию — 12,21 млрд долл. (16,1%) от общего объема экспорта высокотехнологичного продукта соответственно.

Если сравнивать с зарубежными странами, китайские зоны освоения высокотехнологичного производства появились позднее, однако благодаря повсеместной поддержке государства и общества их развитие было более стремительным. Сегодня в Китае насчитывается уже 53 таких зоны государственного и бо-

лее 60 — провинциального уровня. Возникают новые направления развития ЗОВТП, растет многообразие их форм. Появились, в частности, негосударственные научно-технические парки, университетские научно-технические парки и пр.

Первые из них представляют собой ЗОВТП, система управления в которых построена по принципу “самофинансирование, самостоятельное соединение, самостоятельное хозяйствование, самокупаемость”. Первые такие научно-технические парки возникли в 1992 г. в провинциях Юньнань и Ляонин, а в 1993–94 гг. — в провинции Шаньдун, в городах Шанхае и Нанкине. К 2005 г. в КНР насчитывалось уже свыше 30 таких парков.

Университетские научно-технические парки возникают при избытке кадров с высшим образованием и наличии научно-технических преимуществ. Вслед за почином Шанхайского, Дунбэйского, Харбинского политехнического университетов, такие научно-технические парки образовались при более, чем 30 вузах.

Наряду с развитием государственных успешно развиваются местные ЗОВТП различного уровня. Кооперируясь с зонами технико-экономического освоения (ЗТЭО) различных уровней, они постепенно формируют городские пояса высоких технологий.

Особый интерес в научных кругах вызвало появление сервисных центров научно-технического предпринимательства, как инкубаторов по формированию предприятий в конкретных условиях Китая. В них было выпестовано множество малых и средних наукоемких предприятий. Сегодня в стране насчитывается более 110 таких сервисных центров, из которых 37 утверждены министерством науки и техники в качестве центров государственного уровня. Этими сервисными центрами выпестовано 1316 предприятий, которые в период пестования и после него снискали суммарный доход в 10,1 млрд юаней, общая численность занятых в них — 140 тыс. чел.

Не все надежды оправдались

За два десятилетия, минувших после образования в Шэньчжэне первой китайской ЗОВТП, горячка научно-технической инновации охватила всю страну. В 2005 г., по данным ГСУ КНР, стране насчитывалось уже около 10 тысяч зон освоения различного уровня. Столь резкому подъему сопутствовал дефицит научно обоснованного планирования. В настоящее время по данным Государственного вычислительного центра, развитие ЗОВТП, в основном, концентрируется на ограниченном числе высоких технологий, нацелено на производство нескольких видов продукции (ЭВМ, телевизоров, плееров, DVD, мобильных телефонов). В 20-ти ЗОВТП производятся микросхемы, в 16-ти — телевизоры... С одной стороны, это можно трактовать как эффект концентрации производства, технологий. С другой стороны, возникает неоправданная конкуренция, транжируются ресурсы, затрудняется получение крупного экономического эффекта. В результате всего этого, чрезмерная самостоятельность сотни ЗОВТП, взаимная конкуренция затрудняют их сотрудничество на принципах разделения труда, эффективное взаимодополнение.¹¹

Будучи базой развития высокотехнологичного производства, ЗОВТП призваны, с одной стороны, способствовать быстрому развитию своей собственной экономики, с другой — “излучать” новые и высокие технологии во вне, стимулировать территориальное развитие экономики, способствовать повышению уровня традиционных предприятий, сотрудничеству между высокотехнологичными и традиционными предприятиями, подстегивать преобразование традиционного производства. В этом отношении, однако, между надеждами, возлагавши-

мися на ЗОВТП, и реальным состоянием дел пока что налицо внушительный разрыв. Согласно данным ГВЦ КНР, 60% опрошенных считают, что влияние высокотехнологических предприятий на преобразование традиционного производства посредственное, либо очень незначительное.

Возможности инновации слабы, продукция недостаточно конкурентоспособна на международном рынке. Китайские ЗОВТП ныне достигли в своем развитии нового этапа, когда их целью становится укрепление способности к самостоятельной инновации. Начиная с 1992 года, в китайских ЗОВТП среднегодовой рост расходов в сфере R&D составил 60%, а среднегодовой рост численности персонала, занятого исследованиями и освоением, — 23%.¹² Признавая, что способность китайских ЗОВТП к инновации претерпела значительные сдвиги, не следует, однако, млетть от восторга, ибо в сравнении с передовым международным уровнем Китай пока еще отстает. На то имеется ряд причин.

Масштабы предприятий в рамках китайских ЗОВТП малы, их способность к совокупной инновации низка.¹³ Поскольку крупные предприятия располагают финансовыми гарантиями, у них налицо способность выдерживать рискованные нагрузки, что благоприятствует инновации — так считает ряд китайских ученых. Однако, масштаб предприятий в китайских ЗОВТП весьма невелик. В рамках всех 53 зон государственного уровня более двух третей предприятий (67%) располагают персоналом, не превышающим 50 человек; у 64,3% предприятий годовой доход не превышает 5 млн юаней. Малый масштаб предприятий обуславливает нехватку средств на R&D, из-за чего способность китайских ЗОВТП к совокупной инновации весьма низка.

Способность к самостоятельной инновации недостаточна. В сравнении с развитыми государствами и районами мира, целостный технологический уровень Китая относительно низок. Поскольку способность к самостоятельной инновации недостаточна, технологий, основанных на собственных познаниях, мало, конкурентоспособность продукции низка. Дефицит начального капитала и рискованных инвестиций, недостаточность информации, несовершенство управления — все это ограничивает возможности ЗОВТП в исследованиях и освоении высоких технологий. Соответственно, продвижение идет, как правило, по старому пути: “заимствование — отставание — новое заимствование”.

Барьеры “по вине” ВТО. Привлечению технологий Правительство Китая изначально уделяет огромное внимание. В прошлом для привлечения передовых технологий из—за рубежа применялось множество способов: например, “технологии в обмен на рынок”, “рынок в обмен на рынок”. Однако после того, как Китай вступил в ноябре 2001 г. в ВТО, такого рода меры по привлечению иностранных технологий пришлось отменить, ибо согласно принятому ВТО “соглашению об инвестициях, имеющих отношение к торговле” Китай теперь не может использовать территориальные ограничения, субсидии, передачу технологий, а также осуществление исследований и освоения внутри страны как условие утверждения инвестиций и выдачи импортных лицензий. Поэтому Китай теперь вынужден допускать на свой рынок иностранные предприятия высоких технологий. Это усложнило процедуру привлечения технологий и увеличило их себестоимость. Возможности для самостоятельной инновации ныне относительно слабы. В сфере ключевых технологий налицо “вторичное” освоение — после того, как они были освоены в других странах. Это не может не создавать препятствий на пути развития китайских ЗОВТП.

Как свидетельствует зарубежный опыт, зоны научно-технического освоения должны находиться в состоянии непрерывного развития, а это невозможно без полноценной системы рискованных инвестиций. Однако китайские ЗОВТП, с од-

ной стороны, сталкиваются с нехваткой денежных средств, с другой стороны, не располагают отработанной системой привлечения рискованных инвестиций — это является барьером на пути развития высокотехнологичных зон.

Итак, государство пока еще слабо контролирует процесс развития ЗОВТП, что обусловлено несовершенством существующей модели управления. В результате инновационные возможности ЗОВТП слабы, а производимая ими продукция недостаточно конкурентоспособна на мировом рынке из-за ограниченных возможностей инноваций, чрезмерной доли заимствованных из-за рубежа технологий, отсутствия благоприятного инвестиционного климата для привлечения большого объема рискованных инвестиций.

Успехи, тем не менее, налицо. ЗОВТП растут, развиваются, становясь все более эффективным инструментом научно-технической инновации Нового Китая. При этом Китай исходит из собственных условий, руководствуется собственными задачами. Осуществляемый в Китае поиск может иметь, как полагают некоторые зарубежные исследователи, не только национальную, но и международную значимость.

1. Цит по: Чжан Чжунпин, Сун Хуаминь. Гаосинь цзишу чанье гуаньлисюе [Управление производства на основе новых и высоких технологий]. Пекин: Чжунго шихуа чубаньшэ, 1998. С. 1.
2. Чжан Кэцзюнь. Вого гаосинь кэцзи юаньцюй цзяньшэды бицзяо яньцюэ [Сравнительный анализ создания зон новых и высоких технологий в нашей стране]. Чэнду; Синань цайцзин дасюе чубаньшэ. 2005. С. 55—57.
3. Чжан Кэцзюнь. Там же. С. 40.
4. Му Баочжу. Чжунго гаосинь цзишу чанье кайфацюй лилунь юй шицзянь [Теория и практика зон развития новых и высоких технологий в Китае]. Пекин: Чжунго уця чубаньшэ. 1999. С. 42-44.
5. <http://www.most.gov.cn> (The Ministry of Science and Technology of the People's Republic of China)
6. Научно-технический парк “Нинбо” стал зоной развития новых и высоких технологий государственного уровня в 2007 году
7. [http://www.most.gov.cn/The ministry of Scence of Technology of the People's Republic of China](http://www.most.gov.cn/The%20ministry%20of%20Scence%20of%20Technology%20of%20the%20People's%20Republic%20of%20China) http://www.most.gov.cn/bstd/cx/kjtjcx/kjtjzx/200609/t20060914_36033.htm
8. <http://www.chinatorch.gov.cn> <http://www.chinatorch.gov.cn>
9. <http://www.sts.org/cn/tjbg/gjscy/documents/2006/060824.htm>
http://www.most.gov.cn/bstd/cx/kjtjcx/kjtjzx/200609/t20060914_36033.htm
10. Ван Шухай, Лю Цунься. Гаосиньцюй чэнвэй гоця цзинци цзяньшэ чжуняо лилян — 2005 нянь гоця гаосинь цзишу чанье кайфацюй фачжань цзун [Общие положения развития ЗОВТП государственного уровня в 2005 году] — <http://ww.ce.cn>, 2006/9/11
11. Пу Гэньсян, Цзин Хайлун, Сюй Сихуа. Юй хэши сян гаосинь цзишу кайфацюй дэ ингью гуннэн [Как реализовать необходимую функцию ЗОВТП] // Кэцзи даобао. 1998. № 6.
12. См. Ся Хайцзинь. Чжунго гаосинь цюй фачжань чжи лу [Путь развития ЗОВТП в Китае] // Пекин: Чжунсинь чубаньшэ. 2001. С. 12—15.
13. Ся Хайцзинь. Чжунго гаосинь цюй фачжань чжи лу [Путь развития ЗОВТП в Китае] // Пекин: Чжунсинь чубаньшэ, 2001.

Транскорейская железнодорожная магистраль*

© 2007

А. Бардаль

Опережающее развитие транспортной инфраструктуры является одним из условий развития экономики. В последние четверть века взаимная торговля стран Европы и Азиатского региона резко возросла как в денежном эквиваленте, так и по весу перевозимых грузов. Например, по итогам 2006 г. экспортно-импортный грузопоток Республики Корея со странами Европейского союза составил 28,9 млн т. Экспорт трех ведущих стран Азиатско-тихоокеанского региона (КНР, Республика Корея, Япония) в Европу в денежном выражении увеличился в период 1980—2005 гг. в 10,8 раза и составил в 2005 г. 315 млрд долл. США; аналогично импорт возрос в 10,3 раза и достиг 166,3 млрд долл. США (табл. 1).

Таблица 1

Увеличение объемов экспорта, импорта стран АТР во взаимоотношениях со странами Европейского союза в 1980—2005 гг.

Страна	Экспорт	Импорт
КНР	в 63,9 раза	в 36,6 раз
РК	в 18,6 раза	в 17,6 раза
Япония	в 3,7 раза	в 5,0 раз

Источник: *Japan Statistical Yearbook* // <http://www.stat.go.jp>; *Korea trade statistics* // <http://global.kita.net>; *National Bureau of Statistics of China* // <http://www.stats.gov.cn>

Традиционным маршрутом доставки большей части грузов в настоящее время является морской путь из азиатских портов (Гонконг, Пусан, Шанхай, Сингапур) до крупных портов Европы (Гамбург, Роттердам). При поддержке международных организаций активно дискутируются и развиваются сухопутные маршруты в направлении Азия—Европа. Рост объемов торговли макрорегионов приводит к выводу об эффективности реализации всех возможных маршрутов доставки, каждый из которых обладает сравнительными преимуществами по времени, стоимости, возможным рискам и т.д.

Бардаль Анна Борисовна, старший научный сотрудник ИЭИ ДВО РАН, к.э.н. (г. Хабаровск).

* Статья подготовлена при поддержке гранта ДВО РАН 06-II-CO-10-038 "Системный анализ условий развития Азиатской части России: опыт истории, методология прогнозирования и управления в новых геополитических условиях и институциональной среде".

Одним из потенциальных направлений создания наземной связи между Азией и Европой является воссоздание Транскорейской магистрали с выходом ее на Транссибирскую железнодорожную магистраль. Этот международный проект напрямую затрагивает экономические интересы России, поскольку его реализация в различных вариантах может как существенно увеличить загрузку Транссиба, так и исключить из участия в транзитных перевозках восточный участок российской дороги, а также снизить конкурентоспособность морских портов Дальнего Востока в перевозке экспортно-импортных и транзитных грузов.

Таблица 2

Характеристика основных элементов транспортной инфраструктуры Республики Корея и КНДР в 2006 г.

Элементы транспортной инфраструктуры	РК	Удельный вес показателя, %	КНДР	Удельный вес показателя, %
Аэропорты, всего, ед., в т.ч.	107	100,0	77	100,0
— с искусственным покрытием	69	64,5	36	46,8
Трубопроводы, всего, км, в т.ч.	2 309	100,0	154	100,0
— нефтепровод	—	—	154	100,0
— газопровод	1 482	64,2	—	—
— нефтепродуктопровод	827	35,8	—	—
Протяженность железных дорог, всего, км	3 472	100,0	5 214	100,0
Протяженность автомобильных дорог, всего, км, в т.ч.	100 279	100,0	31 200	100,0
— с твердым покрытием, в т.ч.	87 032	86,8	1 997	6,4
— скоростных автомагистралей	3 060	3,5	—	—
Протяженность внутренних водных путей, км	1 608	100,0	2 250	100,0

Источник: CIA World Factbook // <https://www.cia.gov/cia/publications/factbook>

Проект воссоздания Транскорейской железнодорожной магистрали — пример крупного инфраструктурного проекта, имеющего мощный мультиплицирующий эффект. С одной стороны, сама возможность реализации проекта складывается благодаря целенаправленно выстраиваемой комбинации политических и экономических элементов в регионе. С другой стороны, воссоздание единой железнодорожной магистрали принесет весомые политические (стабилизация отношений на Корейском полуострове, сближение КНДР и Республики Корея) и экономические дивиденды (создание нового транспортного маршрута в направлении Азия—Европа, ускоренное развитие транспортной системы КНДР и экономики страны в целом, сближение экономик двух стран Корейского полуострова, обретение сухопутного маршрута для внешних связей Республики Корея и т.д.). Реализация проекта значима не только для стран Корейского полуострова. Изменяются транспортные схемы как в пределах АТР, так и в связях Азия—Европа. Распределение эффектов между странами-участниками проекта

в настоящее время не может быть точно оценено, поскольку существует несколько вариантов его реализации.

Сложные начальные условия являются одним из ключевых препятствий на пути реализации проекта воссоздания Транскорейской магистрали. Не углубляясь в политическую ситуацию, отметим техническую и экономическую стороны вопроса: существенную дифференциацию уровня развития экономики и транспортной инфраструктуры основных стран-участниц проекта. Железнодорожное строительство началось на Корейском полуострове в конце XIX в. До разделения корейского государства на КНДР и Республику Корея были введены в эксплуатацию три основные железнодорожные ветки¹: 18 сентября 1899 г. — Кёнчжин (Gyeongin line), 1 января 1905 г. — Кёнбу (Gyeongbu Line), 1 ноября 1914 г. — Хонам (Honam line)². Две железнодорожные линии проходили с юга на север страны по территории, которую позже стала занимать КНДР. После разделения стран транспортная инфраструктура каждой из них формировалась асимметрично по количественным и особенно качественным характеристикам. На сегодня, Республика Корея обладает развитой транспортной системой (табл. 2).

Перевозки в пределах Республики Корея осуществляются в основном посредством высококачественной автомобильной сети, а взаимодействия с внешним миром — с использованием морского и воздушного транспорта. Железнодорожный транспорт используется как вспомогательный. Транспортная система КНДР характеризуется высокой степенью физического износа, дальнейшая эксплуатация требует значительных материальных вложений (табл. 3).

Таблица 3

Характеристика железных дорог Республики Корея и КНДР

Показатель	Республика Корея	КНДР
Доля дорог с двойной колеей, %	32,1	3,0
Доля электрифицированных участков, %	39,2	67,1
Доля участков оборудованных автоматической сигнальной системой, %	27,4	1,2
Вид используемой тяги	Электрическая (AC25kv) / дизельная	Электрическая (DC3kv)

Источник: CIA World Factbook // <https://www.cia.gov/cia/publications/factbook/>; Weon-Yong Sung "Tripartite Railway Cooperation for Linking TKR to TSR" 15-й Экономический форум США. 5-6 сентября 2006 г., г. Хабаровск.

Железные дороги КНДР в большей части представляют собой однопутное полотно, средняя скорость движения составляет менее 30 км/час, на отдельных участках эта скорость составляет 15 км/час. В большей части дороги электрифицированы, но поезда часто простаивают вследствие недостатка электроэнергии. Отсутствуют участки железных дорог на подходах к демилитаризованной зоне (ДМЗ) (табл. 4, рис. 1).

В процессе создания сухопутного маршрута Азия—Европа возможны различные варианты соединения Транскорейской магистрали с транспортными системами соседних государств, а следовательно, различным будет уровень экономических эффектов, получаемых вовлеченными в проект странами. Это при-

водит к столкновению интересов стран-участниц и сопряженных государств, прежде всего КНДР, Республики Корея, КНР и РФ уже на подготовительном этапе реализации проекта. Велика заинтересованность Японии, одной из основных стран АТР формирующих грузопоток в направлении Европы. Принципиально существует два направления следования объединенной Транскорейской магистрали: на КНР с последующими ответвлениями маршрута и на восточные регионы РФ. В процессе переговоров рассматривалось несколько маршрутов, основные из которых:

Таблица 4

Отсутствующие участки железной дороги между Республикой Корея и КНДР

Направление	Страна, участок дороги	Протяженность участка, км
Сеул — Синийджу (Seoul — Sinuiju)	РК: Дорасан (Dorasan) — ДМЗ	1,8
	КНДР: ДМЗ — Кэсон (Kaesong)	12,0
Сеул — Вонсан (Seoul — Wonsan)	РК: Синтханри (Shintanri) — ДМЗ	16,2
	КНДР: ДМЗ — Пхенган (Pyeonggang)	14,8
Сеул — Кымгансан (Seoul — Kumgangsán)	РК: Чхольвон (Chulwon) — ДМЗ	32,5
	КНДР: ДМЗ — Нэкымган (Naegumgang)	84,1
Каннын — Анбен (Gangneung — Anbyun)	РК: Каннын (Gangneung) — ДМЗ	127,0
	КНДР: ДМЗ — Ончжонри (Onjungri)	18,0
Итого	РК	177,5
	КНДР	128,9

Источник: *Integrated International Transport and Logistics System for North-East Asia. Seoul: The Korea Transport Institute, 2005. Pp.137.*

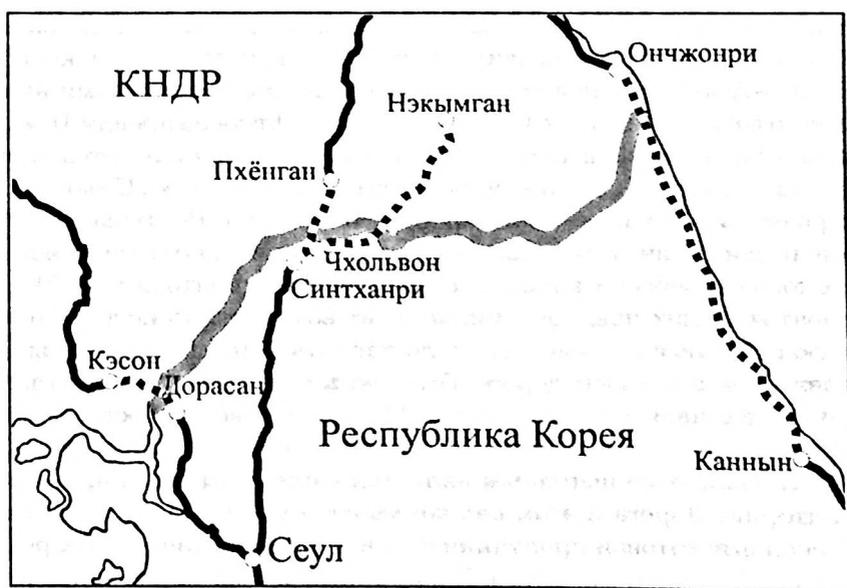

Рис. 1. Отсутствующие участки железной дороги между Республикой Корея и КНДР.

1. Республика Корея — КНДР — РФ — страны Европы. Соединение Транскорейской железной дороги напрямую с Транссибирской магистралью.

2. Республика Корея — КНДР — КНР — РФ — страны Европы. Соединение Транскорейской и Трансманчжурской железных дорог с Транссибирской магистралью.

3. Республика Корея — КНДР — КНР — Монголия — РФ — страны Европы. Соединение Транскорейской железной дороги с Транскитайской, Трансмонгольской и Транссибирской магистралями.

Третий вариант представляет собой наиболее короткий путь, соединяющий Корейский полуостров с Европой. По данным южнокорейской стороны, протяженность этой линии составит 11231 км, тогда как протяженность первого маршрута — 13054 км, второго — 11608 км³.

Каждая из стран имеет свои приоритеты относительно маршрута при реализации данного проекта. Для Республики Корея более выгодным, несомненно, является вариант железной дороги через Китай, что обусловлено несколькими причинами. Во-первых, на данном направлении отсутствует лишь небольшой участок железнодорожного полотна, тогда как на других необходимо достраивать значительные по протяженности участки. Во-вторых, грузопоток Республики Корея с КНР существенно выше, чем с РФ. В-третьих, лоббистские возможности железнодорожников и моряков в стране несопоставимы, поскольку Республика Корея долгое время занимает одно из ведущих мест по судостроению и морским перевозкам, а железнодорожный транспорт развит не столь значительно. В-четвертых, вблизи этой магистрали действует индустриальный комплекс г. Кэсон (Kaesong). Договоренность о создании этого индустриально-промышленного комплекса была достигнута на межкорейском саммите в Пхеньяне летом 2000 г., а в 2003 г. технопарк, расположенный в 12 км от демилитаризованной полосы, получил статус особой экономической зоны. В апреле 2004 г. представители двух корейских государств подписали контракт об аренде земли под строительство технопарка с целью размещения предприятий из Республики Корея на территории КНДР. Контракт был подписан властями КНДР, а также руководителями Корейской земельной корпорации и группой "Хендэ-Асан", которая пользуется эксклюзивными правами на развитие экономического сотрудничества с Северной Кореей. Плата за аренду 16 млн м² земли на первом этапе составила 16 млн долл. США. Планируется, что в дальнейшем общая площадь индустриального комплекса составит 33 тыс. м². С марта 2005 г. подачу электроэнергии в район технопарка осуществляет Республика Корея. Для дальнейшего развития индустриального комплекса необходима железная дорога. В этом случае южнокорейский капитал, формируя на территории КНДР широкую сеть перерабатывающих предприятий, получит возможность не только использовать дешевую рабочую силу севера, но и доставлять сырье и материалы из России по восстановленной железной дороге. Готовую конкурентоспособную продукцию возможно будет поставлять как в страны АТР (в т.ч. обратно в Россию), так и Европы по этой же дороге.

Для КНР наиболее выгодным является вариант трассы, проходящей через ее территорию. Дорога в этом случае может быть использована в качестве канала для экспорта готовой продукции страны, а также природных ресурсов из северо-восточных провинций Китая. В настоящее время на северокорейско-китайской границе существует восемь постоянно действующих контрольно-пропускных пункта, из которых один Дандун (Dandong) — Синуйджу (Sinuiju) имеет статус международного, остальные предназначены для обеспечения поездок

родственников, проживающих в приграничных районах двух стран. Маршрут через КНР проще в реализации, т.к. невелики разрывы железнодорожной колеи. Однако это направление в ближайшее время не сможет стать главным для транзита в Европу, поскольку, несмотря на значительные темпы строительства, дороги северо-восточного Китая слишком загружены, на пути этого маршрута трансасиатского транзита окажется немало государственных границ. Кроме того, существует риск, что практически все мощности данного направления железной дороги будут заняты стремительно расширяющейся двусторонней китайско-южнокорейской торговлей (табл. 5).

Таблица 5

Объем взаимной торговли Республики Корея и КНР, млн долл. США

Страна	1990	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005
<i>Экспорт</i>								
КНР	433	6688	11293	12544	15508	20096	27818	35117
РК	585	9144	18455	18190	23754	35110	49763	61915
<i>Импорт</i>								
КНР	236	10288	23208	23396	28581	43135	62250	76874
РК	2268	7401	12799	13303	17400	21909	29585	38648

Источник: *China Facts and Figures* // <http://www.china.org.cn>; *Korea trade statistics* // <http://global.kita.net>

Интересы Монголии связаны с третьим вариантом железнодорожного маршрута, при котором страна получит не только экономическую выгоду, но и более широкий доступ к передовым технологиям и культурам.

За точку отсчета активных действий по проекту воссоздания Транскорейской магистрали и созданию транзитного маршрута Азия — Европа можно принять июнь 2000 г., когда в ходе визита президента Республики Корея Ким Дэ Чжуна в Пхеньян была подписана «Совместная Декларация Севера и Юга». Первоначально лидеры двух стран декларировали намерение организовать прямое железнодорожное сообщение с Европой из южнокорейского порта Пусан, куда грузы доставляются из Японии и других стран АТР по западной линии Кеннинсон (Сеул — Пхеньян — Синьдзю — Китай).

В сложившейся ситуации Россия последовательно отстаивала свои интересы о соединении Транскорейской магистрали с восточным участком Транссибирской железной дороги на станции Хасан Приморского края. В период 2000—2002 гг. проводились двусторонние и трехсторонние встречи на уровне глав государств между РФ, Республикой Корея и КНДР. В этот период активизировалась деятельность российско-северокорейской межправительственной комиссии, которая явилась преемницей аналогичной комиссии между СССР и КНДР, функционировавшей в 1967—1991 гг.⁴ Была образована российско-северокорейская пограничная железнодорожная комиссия с ежегодными совещаниями и обсуждением итогов выполнения перевозок внешнеторговых грузов между Россией и КНДР, выполнением графиков движения поездов и согласованием графиков движения на будущие периоды между станциями Хасан (Россия) — Туманган (КНДР).

В предварительном анализе маршрутных вариантов российскими специалистами рассматривались перевозки грузов в прямом железнодорожном сообщении из Республики Корея в страны Европы и Средней Азии по трем маршрутам:

Республика Корея — КНДР — РФ (ст. Хасан) — страны Европы.

Республика Корея — КНДР — КНР — РФ (ст. Забайкальск) — страны Европы.

Республика Корея — КНДР — КНР — Казахстан — РФ (ст. Пресногорьковская) — страны Европы.

Для сравнения маршрутов между собой, а также с морским вариантом перевозки через Суэцкий канал в качестве пункта отправления был выбран южнокорейский порт Пусан, в качестве пункта назначения — немецкий порт Гамбург и финский Котка. В результате оценки по состоянию на 2001 г. были получены следующие данные (табл. 6).

Таблица 6

Характеристика вариантов перевозок контейнерных грузов

Маршрут	Расстояние перевозки, км	Стоимость перевозки одного 20 футового контейнера, долл. США	Время в пути, сутки
<i>Пусан — Гамбург</i>			
Пусан — порт Восточный — Красное — Брест — Гамбург	12360	1232	19
Пусан — Хасан — Красное — Брест — Гамбург	13005	889	19
Пусан — Даньдун — Забайкальск — Красное — Брест — Гамбург	11395	1344	22
Пусан — Даньдун — Дружба — Озинки — Красное — Брест — Гамбург	12690	2999	28
Пусан — Ляньюньган — Забайкальск — Красное — Брест — Гамбург	12946	2025	26
Пусан — Ляньюньган — Дружба — Озинки — Красное — Брест — Гамбург	12387	3405	28
Пусан — Гамбург (морской маршрут)	19187	1400	28
<i>Пусан — Котка</i>			
Пусан — порт Восточный — Бусловская — Котка	10884	1164	12,5
Пусан — Хасан — Бусловская — Котка	11517	831	12,5
Пусан — Даньдун — Забайкальск — Бусловская — Котка	10373	1166	14,5
Пусан — Даньдун — Дружба — Озинки — Бусловская — Котка	11725	2851	20
Пусан — Ляньюньган — Забайкальск — Бусловская — Котка	11468	1916	15,5
Пусан — Ляньюньган — Дружба — Озинки — Бусловская — Котка	11422	3257	20
Пусан — Котка (морской маршрут)	21760	1800	28

Источник: рассчитано по данным ДВЖД.

Третий из представленных выше маршрутов: Республика Корея — КНДР — КНР — Казахстан — РФ — страны Европы в соответствии с полученными оценками неконкурентоспособен по срокам доставки (28 суток) и стоимости перевозки (2999 долл. США). Был оценен и возможный доход от транзитных перевозок для РФ и КНДР по представленным вариантам маршрута. Наиболее выгодным вариантом для КНДР является маршрут через ст. Хасан, для РФ большой абсолютный доход могут принести более дорогостоящие перевозки через КНР и Казахстан.

Осенью 2000 г. по решению российско-северокорейской подкомиссии по транспорту была создана рабочая группа по обследованию и подготовке предложений по реконструкции и модернизации восточного направления Транскорейской железной дороги. В период с 17 по 26 марта 2001 г. группа экспертов (8 чел.) обследовала общее состояние участка восточного маршрута дороги на территории КНДР, обратив особое внимание на технический уровень перевалочных станций. Обследовалось направление Туманган (Dumangan)—Наджин (Najin)—Хыннам (Heungnam)—Ковон (Gowon)—Сепхо (Sepo)—Пхенсан (Pyeongsan)—Кэсон (Kaesong) (рис. 3). Ранее северокорейская сторона не согласовала предложенное обследование с целью усиления линии на направлении Пхенсан—Пхеньян—Ковон. Четвертого августа 2001 г. между главами РФ и КНДР была подписана Московская декларация, в которой зафиксировано намерение о создании Транскорейской железной дороги с выходом на Транссибирскую магистраль. Договоренности данной декларации были конкретизированы в Соглашении о взаимном сотрудничестве между Министерством путей сообщения Российской Федерации и Министерством железных дорог Корейской Народно-Демократической Республики от 14 августа 2001 г. В данной декларации был обозначен в качестве основного восточный участок Транскорейской магистрали по маршруту Пхенган—Вонсан—Туманган, а также была обозначена необходимость прокладки колеи 1520 мм на данном участке. Вопрос о совмещении с колеей 1435 мм предполагалось обсудить после специального технического обследования.

Для реализации достигнутых международных соглашений Министерство путей сообщения РФ в сентябре 2001 г. дало указание об организации работ, а также задание на разработку технико-экономического обоснования реконструкции восточного участка Транскорейской железной дороги. Договор на выполнение данного задания был подписан с Государственным унитарным предприятием Дальневосточный проектно-изыскательский институт "Дальжелдорпроект". В период с 16 сентября по 16 октября 2001 г. большая группа специалистов (75 чел.), включая геодезистов, специалистов по мостостроению и прокладке тоннелей, обследовала состояние восточного участка железнодорожного полотна Туманган-Ковон-Вонсан-Сепхо-Пхенган. По настоянию северокорейской стороны трасса была изменена от станции Сепхо в сторону станции Пхенган.

Результаты обследования российскими специалистами показали, что изученный участок железной дороги проходит по сложной трассе и включает 134 тоннеля, 742 моста, 422 переезда и 142 станции. Дорога построена по нормам колеи 1435 мм за исключением участка от ст. Хасан до ст. Наджин, построенного по нормам совмещенной колеи 1435 и 1520 мм. На большинстве станций стрелочные переводы управляются вручную, участковая скорость поездов составляет до 30 км в час, на отдельных перегонах не превышает 17 км в час, используется жезловая система. На основании материалов обследования в декабре 2001 г. были разработаны основные проектные решения с целью обоснования вариантов

реконструкции восточного участка Транскорейской железной дороги. Также были разработаны три варианта реконструкции данного участка с доведением скорости движения поездов до 60—80 км в час.

Первый вариант. Реконструкция линии с изменением ширины колеи на 1520 мм и строительством пунктов перестановки вагонов с колеи 1520 мм на колею 1435 мм и обратно. Требуются значительные затраты на организацию 10 пунктов перестановки на примыкающих железнодорожных линиях, реконструкцию пассажирских платформ, замену пролетных строений мостов. Второй вариант. Сооружение совмещенной колеи. Требуются затраты на двойную укладку материалов верхнего строения пути, применение удлиненных шпал, замена пролетных строений мостов, проведение работ по обеспечению габаритов совмещенной колеи в тоннелях, реконструкцию контактной сети в местах скрещения колеи и устройство двух пунктов перестановки вагонов на ст. Хасан и ст. Пхенган. Третий вариант. Реконструкция существующей колеи 1435 мм. Требуется замена верхнего строения пути, замена пролетных строений мостов, ремонт труб и тоннелей. Объемы работ по данному варианту наименьшие.

Во всех трех вариантах предусматривается тепловозная тяга поездов, а также строительство участка железной дороги от ст. Пхенган до демаркационной линии (14 км), строительство Чхонджинского обхода (8 км), организация диспетчерского центра управления перевозочным процессом.

Важным этапом реализации проекта стала Конференция министров стран Азиатско-Тихоокеанского региона по развитию инфраструктуры, проходившая в Сеуле (Республика Корея) в период 16—17 ноября 2001 г. В декларации о развитии международных коридоров, принятой по итогам конференции, соединение Транскорейской и Транссибирской магистралей по восточному варианту признано приоритетным. Полученные российскими специалистами материалы были рассмотрены на заседании Научно-технического совета МПС России 5 декабря 2001 г. Был рекомендован вариант с шириной колеи 1435 мм. На этом этапе работы были временно приостановлены. В марте 2002 г. было прекращено финансирование проектно-изыскательских работ по технико-экономическому обоснованию реконструкции восточного участка Транскорейской железной дороги. Работы возобновились в ноябре 2002 г. после подписания в Пхеньяне Меморандума о взаимопонимании между МПС РФ и Министерством железных дорог КНДР, где представлены и обсуждены результаты работы российских специалистов. В процессе обсуждения северокорейская сторона исключила вариант реконструкции и модернизации восточного участка с колеей 1520 мм и предложила вариант с совмещенной колеей. Северокорейская сторона настояла на изменении южной части маршрута с центрального на прибрежный вариант по направлению Туманган-Вонсан-Кымгансан (Kumgangsán), несмотря на экономическую предпочтительность участка Вонсан—Пхенган.

Очередное изменение маршрута связано с опасениями северокорейских военных и нежеланием открывать доступ в глубинные районы страны. Данная корректировка значительно усложнила дальнейший процесс, поскольку изменение маршрута требует помимо прочего строительства на территории Республики Корея отсутствующего участка дороги протяженностью около 130 км, строительство которого южнокорейской стороной в ближайшее время не предполагается. По оценке южнокорейских специалистов трасса на территории Республики Корея может быть полностью восстановлена в течение 7 лет, стоимость работ составит от 5 до 7 млрд долл. США, в т.ч. вследствие высокой стоимости земли. Со-

гласованный ранее маршрут Транскорейской магистрали Хасан—Вонсан—Сеул проходит по экономически развитому региону Республики Корея, включающему столичную агломерацию и имеющему диверсифицированную отраслевую структуру. Маршрут, предложенный северокорейской стороной, проходит по восточному побережью Корейского полуострова и пересекает наименее развитые в промышленном отношении регионы обеих государств за исключением Пусана. Потенциально это может сократить объемы перевозок по восточному маршруту на 30—50%⁵.

В связи с изменением маршрута потребовалось дополнительное обследование нового участка железной дороги между протяженностью немногим более 100 км. Было разработано указание МПС России от 6 ноября 2002 г. “О реализации проекта реконструкции восточного участка Транскорейской железной дороги”, а также дополнение к заданию на разработку технико-экономического обоснования в части дообследования участка Анбён (Anbyeon)—Кымгансан и корректировки основных проектных решений.

В декабре 2002 г. группа из специалистов исследовательского института и ДВЖД (35 чел.) изучала участок железной дороги Анбён-Кымгансан. На данном участке протяженностью 101,5 км расположено 15 станций, 35 переездов, 13 тоннелей, 66 мостов, используется электрическая тяга поездов. Железнодорожные пути на участке от станции Кымгансан до демаркационной линии с Республикой Корея отсутствуют. С учетом результатов обследования российскими специалистами были скорректированы и направлены для рассмотрения корейской стороне основные проектные решения будущей трассы.

В апреле 2003 г. в Москве на втором заседании Совместной российско-корейской комиссии по вопросам реконструкции и модернизации восточного участка Транскорейской железной дороги был рассмотрен и согласован откорректированный российской стороной проект задания на разработку технико-экономического обоснования реконструкции и модернизации магистрали, проходящей по территории КНДР. В октябре 2003 г. 100 экспертов в течение 37 дней обследовали и проводили предварительное планирование участка Хасан—Наджин (56 км). Целью поездки стало проведение топогеодезических и инженерно-геологических работ на восточном маршруте трассы будущей Транскорейской магистрали.

Всего за период 2001—2003 гг. в изыскательских экспедициях было задействовано свыше 200 российских специалистов институтов “Дальжелдорпроект”, “Гипротранстэи”, “Дальтоннельстрой”, “Гипротрассигнальсвязь”, “Ленметрогипротранс”, “Бамтоннельпроект”, “Гипротранспуть”, МПС России, дирекции по строительству объектов железнодорожного транспорта МПС России, ООО “Балтийской строительной компанией-Восток”. В 2004 г. Государственное унитарное предприятие Дальневосточный проектно-изыскательский институт “Дальжелдорпроект” завершил разработку технико-экономического обоснования строительства Транскорейской магистрали. В нем рассматривались два маршрута: западный (Пусан—Сеул—Кэсон—Синийджу—Даньдун—Забайкальск) и восточный (Пусан—Каннын—Вонсан—Туманган—Хасан). Предполагалось параллельное развитие двух маршрутов со специализацией каждого из них: западного на обслуживании южнокорейско-китайской торговли, восточного — на корейском и международном транзите в направлении Азия-Европа. Стоимость реализации проекта оценивалась более в чем 2 млрд долл. США. Финансирование проекта предполагалось путем создания международного консорциума для строительства и последующей эксплуатации железнодорожной магистрали. Заинтересованность в участии высказали Германия, Япония, Италия, Финляндия.

Одним из основных вопросов при реализации проекта является ширина железнодорожной колеи. В настоящее время КНР, Республика Корея и страны Европы используют колею шириной 1435 мм, ширина колеи на территории Российской Федерации, Монголии составляет 1520 мм. Основные проектные решения, подготовленные российскими специалистами, рассматривали, как это упоминалось выше, три варианта для Транскорейской магистрали: европейская колея, российская колея и совмещенная колея. По оценкам южнокорейских специалистов затраты при реализации различных вариантов ширины железнодорожной колеи восстанавливаемой магистрали на территории КНДР могут составить от 2,5 до 4,2 млрд долл. США (табл. 7).

Таблица 7

**Затраты на реконструкцию Транскорейской магистрали
при различных вариантах железнодорожной колеи**

Затраты, млрд долл. США	Вариант реконструкции		
	Колея 1520 мм	Совмещен- ная колея	Колея 1435 мм
Верхнее строение пути и земляное полотно	0,5752	0,7390	0,3923
Искусственные сооружения, в том числе:	1,6190	2,0450	1,6190
- мосты	1,1260	1,5520	1,1260
- тоннели	0,4930	0,4930	0,4930
Сигнальная и коммуникационная система	0,1390	0,2450	0,1390
Станции	0,0876	0,8480	0,0820
Портовое перегрузочное оборудование	0,1910	0,2000	0,1910
Вагонное хозяйство	0,5200	0,1040	0,0520
Электрификация	0,0147	0,0147	0,0147
Обеспечение резервного энергоснабжения	0,0123	0,0078	0,0052
Всего	3,1885	4,2035	2,4952

Источник: рассчитано по данным Сон Вон Ёна "Tripartite Railway Cooperation for Linking TKR to TSR" 15-й Экономический форум США. 5-6 сентября 2006 г., г. Хабаровск.

Результатом усилий всех участников проекта стало начавшееся осенью 2002 г. восстановление железнодорожного полотна между КНДР и РК по двум маршрутам, проходящим по западному и восточному побережьям Корейского полуострова. По соглашению о перемирии, подписанному 27 июля 1953 г., КНДР и Республику Корея разделяет военно-демаркационная линия, вдоль которой проходит демилитаризованная зона шириной 4 км. Демилитаризованная зона между двумя странами для проведения дорожно-строительных работ была открыта 18 сентября 2002 г. В 11 часов южнокорейские солдаты сняли ограждение в районе станции Дорасан, одновременно севернее на 14,2 км северокорейская сторона сняла ограждение со стороны станции Кэсон. На восточном побережье были открыты станции Ончжонри у подножия горы Кымган (Mt. Gungang (Diamond Mountain)) и станция Чоджин (Jeojin) на 27,5 км южнее. На следующий день 19 сентября началось разминирование участков, предшествующее строительству отсутствующих участков железнодорожного пути. Запланировано также восстановление автомобильной дороги между странами⁸. Правительство Рес-

публики Корея выделило 165,5 млн долл. США на финансирование данного проекта. Было запланировано представление еще 35 млн долл. США для покупки необходимых КНДР для строительства дороги материалов и оборудования.

Рельсы дорог на двух участках демилитаризованной зоны были состыкованы 14 июня 2003 г. В течение 2004 г. были открыты для движения две автомобильные дороги на западном и восточном направлениях. Осенью между городами двух стран Корейского полуострова открылось регулярное автобусное сообщение по западному маршруту. Из РК (Сеул) в КНДР (г. Кэсон), находящимся на расстоянии 80 км начались ежедневные маршруты автобуса-экспресса. С 2003 г. в городе Кэсон ведется строительство южнокорейского технопарка. Кроме того, город, бывший в 918—1392 г. столицей Корё является святыней для многих корейцев и привлекает туристов. В декабре 2004 г. для автотранспорта была открыта двухполосная дорога вдоль восточного побережья Корейского полуострова. Дорогу планировалось использовать для перевозки южнокорейских туристов, посещающих северокорейский горный курорт Кымгансан, а также для доставки строительных материалов. Строительство автодороги началась в сентябре 2002 г. Республика Корея вложила в строительство 37,8 млн долл. США.

Осенью 2005 г. национальными комиссиями в составе Экономической и социальной комиссии стран Азиатско-Тихоокеанского региона (ЭСКАТО) ООН рассмотрено и принято межгосударственное соглашение о формировании Трансазиатской магистрали. В направлении Европа-Азия определено пять основных маршрутов⁷:

1. Морские порты Дальнего Востока России — Транссибирская магистраль.
2. Морские порты КНР — железнодорожное сообщение КНР — железные дороги Казахстана (от станции Дружба) — Транссибирская магистраль.
3. Железные дороги КНР — Транссибирская магистраль (станция Забайкальск, Читинская область).
4. Железные дороги КНР — железные дороги Монголии — Транссибирская магистраль (станция Наушки, Республика Бурятия)
5. Железные дороги Республики Корея — железные дороги КНДР — Транссибирская магистраль.

В составе сети международных коридоров формальное закрепление получил восточный вариант соединения Транскорейской магистрали с Транссибирской железной дорогой. Однако этот маршрут единственный не функционирующий в настоящее время. Первые четыре маршрута либо действуют в постоянном режиме, либо по ним были пропущены демонстрационные поезда. Подписанное соглашение открыто для дополнений, постоянно ведутся изыскательские работы в отношении новых маршрутов.

Помимо активного участия в переговорных процессах на всех уровнях и изысканий на территории КНДР с российской стороны в 2004 г. были проведены работы по реконструкции 240 км участка до корейской границы: разъезд Барановский (Приморский край) — ст. Хасан (Приморский край). Однако, в ноябре 2004 г. северокорейская сторона под предлогом ужесточения политики США в отношении КНДР отказалась от продолжения трехсторонних переговоров (КНДР — Республика Корея — РФ) по вопросам реализации проекта восстановления Транскорейской магистрали. Процесс возобновился весной 2006 г., когда на трехсторонней встрече президента ОАО «РЖД» В. И. Якунина, Министра железных дорог КНДР Ким Ен Сама и президента «Корейл» Ли Чхоля была высказана заинтересованность в совместной работе. На встрече южнокорейская сторо-

на согласилась с необходимостью гарантировать грузопотоки по восточному участку железнодорожной магистрали, а также выразила практическую заинтересованность в финансировании проекта, признав за Россией делегированное северокорейской стороной право решать вопрос привлечения иностранных инвестиций в проект. Восстановление северокорейского участка железной дороги предполагалось начать с пилотного проекта "Раджин-Хасан", протяженностью 51 км. В г. Раджин расположен порт и законсервированный нефтеперерабатывающий завод. Заинтересованность в поставках нефти на данный завод объемом до 6 млн т в год высказало ОАО "Трест". Была достигнута предварительная договоренность, согласно которой северокорейская сторона должна была разобрать старый железнодорожный путь на этом участке и подготовить проектно-сметную документацию, ОАО "Трест" — закупить у ДВЖД материалы для ремонта путей, а специалисты ДВЖД — осуществлять укладку нового пути. Однако, запуск ракет осенью 2006 г. и проведенные ядерные испытания блокировали существовавшие ранее планы международного сотрудничества, в том числе в области транспорта на неопределенное время.

Российская сторона, настаивая на восточном варианте соединения железных дорог, понимает, что в случае выхода объединенной Транскорейской магистрали на Транссиб в районе Читинской области или западнее восточный участок Транссибирской магистрали не будет задействован в перевозках. Помимо этого развитие любого из вариантов строительства Транскорейской железной дороги может привести к значительной потере перевозочного потенциала дальневосточных морских портов. Существует вероятность переключения транзитных и экспортно-импортных грузов с морских портов Дальневосточного бассейна России на азиатские порты, в частности южнокорейский Пусан. Строительство прямого железнодорожного выхода к южнокорейскому порту создаст конкуренцию морским портам Приморского края, и в меньшей степени Хабаровского края. В настоящее время грузопоток проходящий через порты Приморского и Хабаровского краев, составляет 93—95% общего объема перевозок ДВ бассейна. По итогам 2005 г. он сократился на 1,7 млн т, в сравнении с предыдущим годом, а в 2006 г. — на 1 млн т (рис. 2).

В 1999—2004 гг. в условиях благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры объемы экспортно-импортных перевозок через порты Приморского и Хабаровского краев при стабильном уровне каботажных перевозок возрастали. В 2005 г. с ухудшением конъюнктуры сырьевых рынков и ростом железнодорожных тарифов экспорт снизился на 2,3 млн т, транзит — на 0,1 млн т. Динамика работы морского транспорта Дальнего Востока в последние годы свидетельствует об исчерпании резервов мощностей морских портов для перевалки массовых грузов. По данным исследовательских организаций угольные и лесные терминалы, а также мощности по отгрузке нефтепродуктов используются практически на пределе существующих мощностей. При этом ввод новых портовых мощностей в период 2003—2006 гг. составил лишь 0,8 млн т. (в порту Шахтерск). В ближайшее время планируется к реализации увеличение мощностей во Владивостокском морском торговом порте (причал № 4 на 0,45 млн т.), Находкинском морском торговом порте (причал № 8 на 0,56 млн т.), строительство угольного терминала в бухте Мучка на 12,0 млн т. Помимо этих проектов, а также мощностей, вводимых в рамках реализации шельфовых проектов Сахалинской области, на востоке страны не ведется строительство ни одного значительного портового объекта, в то время как на западе страны за аналогичный период введено 103,0 млн т.

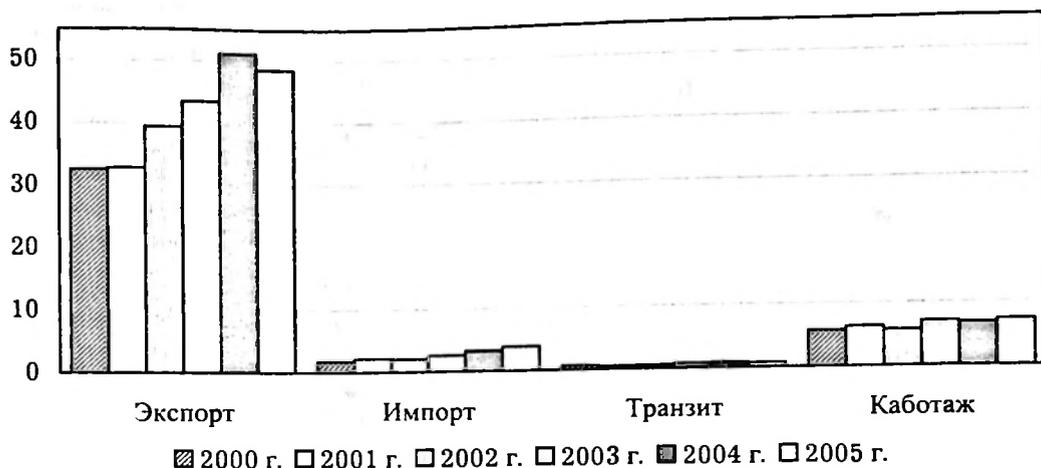

Рис. 2. Структура перевозок через морские порты Приморского и Хабаровского краев по видам плавания⁸.

Создание железнодорожной магистрали на Корейском полуострове приведет к возникновению альтернативных маршрутов доставки грузов в морские порты Пусан, Владивосток, Находка, Восточный. Выбор грузоотправителей будет зависеть от железнодорожных тарифов, а также стоимости стивидорных услуг (табл. 8).

Расстояние по железной дороге до порта Владивосток на 1597, а до портов Находка и Восточный на 1422 км меньше, чем до Пусана. В этих условиях направление грузопотоков будет зависеть от соотношения железнодорожных тарифов и тарифов в портах, а также наличия перегрузочных портовых мощностей и качества предоставляемых услуг. По данным показателям российские морские порты Дальневосточного бассейна в настоящее время значительно отстают.

Таблица 8

Расстояние по железной дороге до портов Дальнего Востока и Республики Корея

Пункт отправления	Пункт назначения	Расстояние, км
Уссурийск	Пусан (Busan)	1704
Уссурийск	Владивосток	107
Уссурийск	Находка (Восточный)	282

Таким образом, восстановление Транскорейской магистрали и соединение ее с Транссибирской железной дорогой, несомненно, будет иметь огромное позитивное политическое и экономическое значение для всего Корейского полуострова. В перспективе неизбежно произойдет формирование единой железнодорожной сети в регионе СВА по всем возможным направлениям, т.е. со временем будут реализованы все эффективные варианты. Сегодня дискутируется лишь приоритетность реализации маршрутных вариантов. Развитие Транскорейской железной дороги по западному варианту через Китай очевидно менее затратно. Однако для КНДР развитие транспортной инфраструктуры связано не столько с возможностью транспортировки транзитных грузов тем или иным маршрутом, сколько с подъемом всей экономики. С учетом этого предпочтение должно быть отдано восточному варианту соединения дорог через Российскую Федерацию, проходящему через прибрежные районы КНДР.

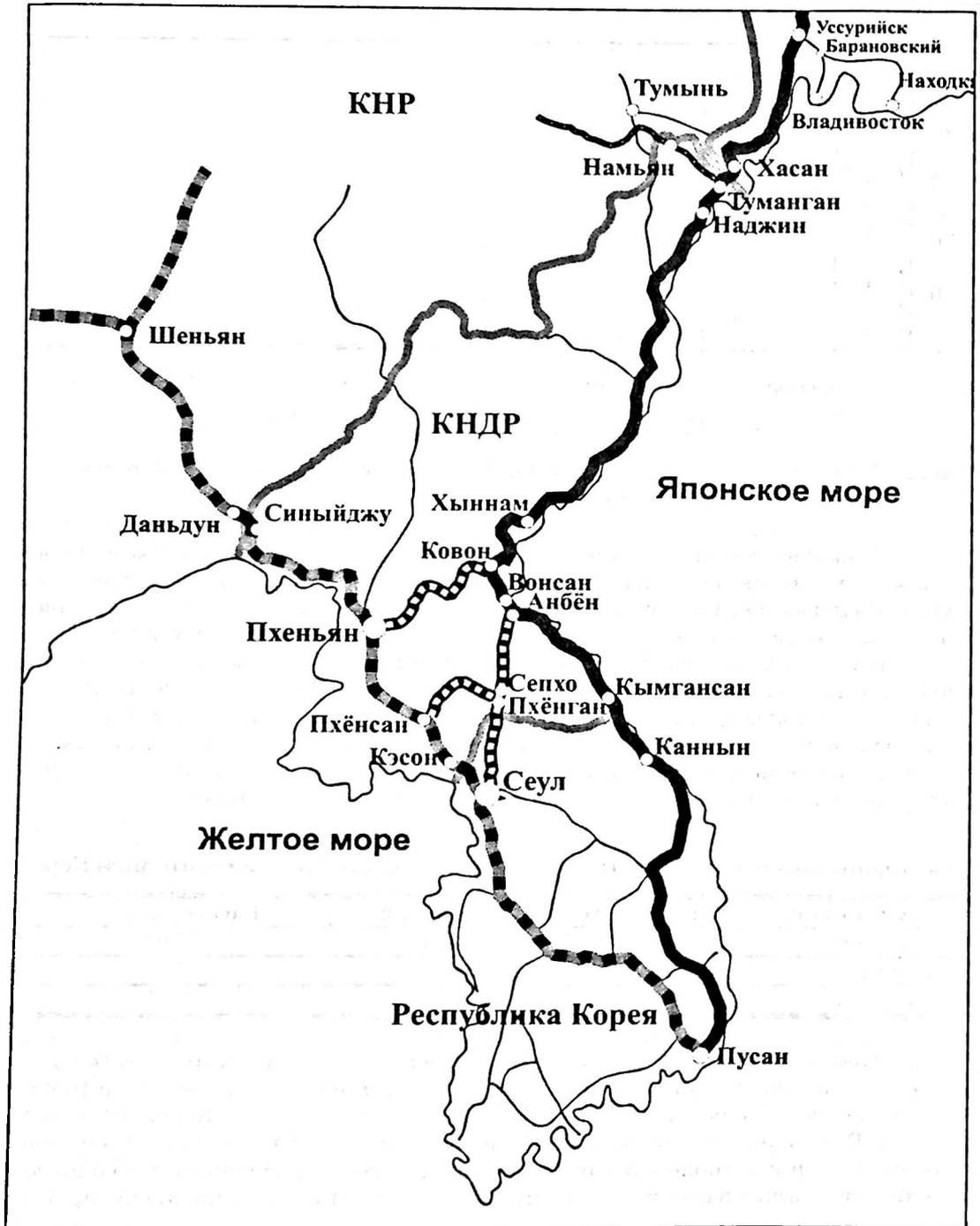

Рис. 3. Схема маршрутных вариантов реализации проекта воссоздания Транскорейской магистрали.

1. Здесь и далее географические названия приведены согласно Большому словарю географических названий/Гл. ред. В.М.Котляков. Екатеринбург: У-Фактория, 2003. 832 с.; Мир карт // <http://www.mirkart.ru>
2. Korean Railroad Corporation. — <http://www.korail.go.kr>
3. Железный шелковый путь // Корейская информационная служба в Москве. http://www.infokorea.ru/index.php?action=view&page=korea_today_3_23.htm
4. Комиссия создана на основе Межправительственного соглашения от 20 мая 1991 г. При комиссии функционируют отраслевые подкомиссии по лесной промышленности, транспорту, науке и технике, угольной промышленности.
5. Зябиров Х. Основные направления привлечения дополнительных объемов грузов на Транссиб // XII Международный Координационный совет по Транссибирским перевозкам, 15—16 окт. 2003 г. г. Попрад, Словакия. — http://www.rzd.ru/agency/pnews.html?pnews_id=15081&he_id=813&print=1
6. Wolfe K. Koreas Open DMZ at Last: Construction Begins on The “Iron Silk Road” // Schiller Institute. 2002. — http://www.schillerinstitute.org/economy/phys_econ/korea0902.html
7. Ишечкин В. Рождение трансазиатской магистрали // Гудок. 2005. 16 дек. — <http://www.gudok.ru/index.php/30844>
8. Данные ОАО “ДНИИМФ”.

Восприятие образа России в Китае. (Введение к историческому обзору)

© 2007

С. Тихвинский

После подписания в 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве отношения между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой неуклонно развиваются по восходящей на всех направлениях.

Как отмечал, выступая 28 мая 2003 г. в МГИМО Председатель Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао, "подписанный в 2001 г. главами наших государств Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между КНР и РФ знаменует вступление китайско-российских отношений добрососедства, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества в новую полосу своего развития. Договор в обобщенном виде отражает позитивные достижения китайско-российских отношений, он утверждает миролюбивую идею взаимной дружбы из поколения в поколение, исключает всяческую вражду в отношениях друг с другом".¹

В июле 2004 г. Президент Российской Федерации В.В.Путин и Председатель КНР Ху Цзиньтао официально объявили в Москве, что в 2006 и 2007 годах Россия и Китай проведут друг у друга "национальные годы". Проведение "Года России в Китае" и "Года Китая в России" — это системный проект, который затрагивает многие сферы — политическую, экономическую, научно-техническую, военную, гуманитарную и т.п. В результате тщательной подготовки, проведенной оргкомитетами двух стран, в которых были представлены руководители их центральных ведомств, а также местных администраций, парламентарии, директора крупных предприятий и руководители различных общественных объединений, — Год России в Китае прошел с большим успехом. В его рамках в КНР было проведено около 300 мероприятий, которые затронули все области двусторонних обменов и сотрудничества, отличались беспрецедентным размахом и принесли плодотворные результаты.

При проведении Года России обращала на себя внимание активность китайских средств массовой информации. Еще в 2005 году телевидение и пресса КНР проводили информационную подготовку китайской аудитории: на протяжении года в ряде телепередач и печатных изданий были открыты специальные рубрики. Регулярно появлялись материалы с выступлениями представителей власти, анонсами и комментариями мероприятий.² Число китайских участников

мероприятий Года России превысило 500 тысяч человек, а зрительская аудитория составила несколько сотен миллионов.³

В 2006 г. Президент В.В.Путин и Председатель Ху Цзиньтао провели пять встреч, встречались также главы правительств и руководители парламентов двух стран. Весьма активными были контакты между руководителями центральных ведомств и местных органов власти.

В подписанной 26 марта 2007 г. Президентом России В.В.Путиным и Председателем Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао "Совместной декларации" говорится: "Главы двух государств с удовлетворением отметили, что за десять лет с момента установления российско-китайских отношений партнерства и стратегического взаимодействия они поступательно развивались во всех сферах, принося практическую пользу народам обеих стран".

В "Совместной декларации" главы государств России и Китая среди прочего заявляли, что "проведение в 2006 году Года России в Китае способствовало дальнейшему упрочению политического взаимодоверия, углублению сотрудничества в политической, торгово-экономической, научно-технической, гуманитарной и других областях. Стороны преисполнены решимости предпринять все необходимые меры, чтобы начинающийся Год Китая в России был проведен на столь же высоком уровне и сыграл важную роль в укреплении российско-китайских отношений и связей между народами двух стран во всех сферах".

В статье 13 "Совместной декларации" отмечается, что "продолжение интенсивного развития сотрудничества в гуманитарной области имеет важное значение для углубления взаимного политического доверия, укрепления социальной базы российско-китайских отношений партнерства и стратегического взаимодействия".⁴

Вечером 26 марта 2007 г. в Кремлевском дворце руководители России и Китая провели торжественное открытие Года Китая в России. Главы государств в своих выступлениях выразили готовность использовать возможность проведения национальных годов в интересах содействия долгосрочному здоровому и стабильному развитию российско-китайских отношений.

* * *

В последнее время отмечается рост интереса мировой научной общественности к теме восприятия образа России в различных странах мира. Разработка этой темы нашла свое отражение в сборнике статей "Образ России. Русская культура в мировом контексте". Этот сборник объединил большой коллектив авторов под руководством академика Е.П.Чельщикова, который во введении отмечал: "Есть, надо полагать, немало причин, обусловивших возрастание интереса мирового сообщества к русской культуре... Наша культура живет ныне в открытом мире, и это ставит перед ней ... различные проблемы... XIX век отмечен сильнейшим воздействием русской культуры едва ли не на весь земной шар".⁵ В статье Г.Г.Котовского "История. Россия и Восток", опубликованной в данном сборнике, большое место уделено внешней и культурной политике России в Средней Азии и на Дальнем Востоке, включая Китай, освещению позиции России по отношению к национально-освободительному движению в странах Востока и влиянию отдельных сторон жизни народов Востока на российское общество в XIX — XX вв.⁶

В Китайской Народной Республике и в России неуклонно возрастает интерес ученых к истории политических, экономических и культурных отношений между обеими странами-соседями.

Среди исследований по истории китайско-российских культурных связей следует отметить работу известного китайского русиста Ли Минбиня "Описание культурных связей между Китаем, Россией и СССР", опубликованную в 1998 г. в Гуанчжоу на китайском языке. Проф. Ли Минбинь наряду с преподаванием русской литературы является ответственным редактором переводов произведений русских авторов (А.С.Пушкина, Н.В.Гоголя, Л.Н.Толстого, А.П.Чехова и др.) на китайский язык.

Российскому читателю стала доступна и пространная статья профессора Су Фэнлиня, в которой автор прослеживает процесс развития китайско-русских культурных связей с XVII до середины XIX в. Су Фэнлинь отмечает наиболее значительные культурно-исторические события в китайско-российских отношениях, показывает особенности раннего периода развития этих связей, широко используя при этом работы современных китайских и российских исследователей.

Су Фэнлинь сосредоточивает свое внимание на состоянии китайско-русских связей при правлении маньчжурской Цинской династии, подчеркивает роль русских торговых караванов, российской духовной миссии, школы русского языка в Пекине, сведений о России и ее народе, привезенных первыми китайскими посольствами, побывавшими в России.⁷

В 2006 г. пекинским издательством "Жэньминь чубаньшэ" была опубликована большая (731 с.) работа проф. Янь Годуна по истории российского Китаеведения. Автор детально разбирает вклад первых русских Китаеведов в ознакомление российской общественности с Китаем, а китайской — с Россией, ее историей и культурой.⁸

Публикация в сентябре 2004 г. под редакцией проф. Луань Цзинхэ сборника статей китайских историков — участников проходившей в Харбине в сентябре 2003 г. конференции по истории и современному состоянию китайско-российских отношений вызвала большой интерес у российских ученых, откликнувшихся на выход в свет этого сборника проведением в Институте Дальнего Востока РАН "круглого стола", результаты которого были опубликованы в двух номерах журнала "Проблемы Дальнего Востока" за 2005 г.⁹

Председательствовавший на "круглом столе" директор ИДВ РАН академик М.Л.Титаренко в своем предисловии к публикации отметил, что впервые на конференции в Харбине китайские историки "пытались устроить "смотр" и провести своеобразную научную инвентаризацию всего 400-летнего исторического периода отношений наших двух стран... Ряд выступающих явно демонстрировали свое глубокое знание всего, даже самого малого и второстепенного, что можно было бы интерпретировать как негативную сторону в политике России в отношении Китая, явно демонстрируя ослабление памяти или сознательно пропуская мимо своего внимания важнейшие, принципиальнейшие вещи позитивных действий России по китайскому вопросу".¹⁰

В адрес российских Китаеведов на конференции в Харбине звучали такие призывы: "Отрешитесь от узкого национализма, углубите понимание и постижение". Так был озаглавлен доклад Цзян Чанбиня из партийной школы при ЦК КПК и Ли Чуаньсюня, профессора Центра изучения России при Хэйлуцзянском университете. Авторы этого доклада, среди прочего, высказывают мнение, что "после распада СССР Россия из мощной державы, которая в прошлом была

единственной страной, способной вести с Америкой борьбу за гегемонию в мире, за одну ночь стала одним из тех рядовых государств, которые политически являются державами второго, а экономически и третьего сорта".¹¹ Участники "круглого стола" дали объективный анализ статьям китайских историков, опубликованным в сборнике под редакцией проф. Луань Цзинхэ.

В октябре 2006 г. Научный совет РАН по проблемам комплексного изучения современного Китая и Институт Дальнего Востока РАН провели XVI международную научную конференцию "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы", которая была посвящена теме "Россия и Китай. Взаимное восприятие (прошлое, настоящее, будущее)". На протяжении трех дней работы конференции, которую открыл директор ИДВ РАН академик М.Л.Титаренко, было заслушано и обсуждено свыше 107 научных докладов и сообщений.

Тезисы доклада аспирантки ИДВ РАН Юй Цзе (КНР) прямо касались темы настоящего обзора и назывались "Восприятие образа России в Цинском Китае в XVII–XIX вв. (К постановке проблемы)".¹² Юй Цзе отмечала, что "на первоначальном этапе развития отношений России и Китая, т.е. с середины XVII в., образ России, о которой ничего определенного цинские правители не знали, складывался в соответствии с китаецентристской концепцией традиционной китайской дипломатии, согласно которой Россия относилась к числу "варварских" племен, обитавших к Северу и Западу от Цинской империи и стремившихся приобщиться к ее духовному и материальному благополучию. Этот образ характеризовался предвзятостью и вымышленностью"... "... что касается китайской стороны, ее внешнеполитические доктрины и методы их осуществления вырабатывались на основе конфуцианских представлений о миропорядке, даннической системе отношений Китая с внешним миром, которую цинское правительство полностью унаследовало от предшествовавших ему китайских династий и распространяло на все современные ему самостоятельные государства, желающие вступить с ним в контакт. Такое положение продолжалось до середины XIX века, пока цинская империя не потерпела поражение в борьбе с западными державами в 'опиумных' войнах". "С середины XIX в. образ России в китайском восприятии стал претерпевать значительные изменения в связи с более частыми контактами между нашими двумя странами и появлением в Китае новых знаний, пришедших с Запада".¹³

На проходившей в декабре 2006 г. Международной конференции "Китайско-российские экономические и культурные связи в XIX в.", организованной историческим факультетом Университета им. Сунь Ятсена, китайскими, российскими и иностранными (Южная Корея) учеными, было представлено 17 докладов по различным аспектам истории российско-китайских отношений и состояния изучения России в КНР. Открывший пленарное заседание конференции проф. Цай Хуншэн сделал доклад "Историческое значение первого появления русских кораблей в Гуанчжоу". Докладчик подробно осветил пребывание в Гуанчжоу кораблей "Нева" и "Надежда" — участников первого русского кругосветного путешествия под началом И.Ф.Крузенштерна и Ю.Ф.Лисянского (8 декабря 1805 — 15 февраля 1806 г.). С докладом "Исследование первого посещения русскими провинции Гуандун" выступила доцент Пекинского университета иностранных языков, зам. руководителя Центра изучения зарубежного китаеведения этого университета Лю Жомэй. На пленарном заседании конференции с докладом "Деятельность Российской духовной миссии в Китае в контексте между-

визитационных отношений с Китаем" выступила заместитель руководителя Центра "Россия-Китай" ИДВ РАН к.и.н. А.С.Ипатова.

Тема восприятия китайцами образа России прозвучала в докладе профессора кафедры истории АОН провинции Хэйлунцзян Ли Суйюаня. В представленных тезисах доклада он отмечал, что на протяжении более чем 300-летнего периода отношений между двумя странами имели место изменения во взаимном восприятии образа друг друга, но за последние 20 лет оно значительно улучшилось по сравнению с прошлым.

На протяжении двух столетий Россия, по мнению Ли Суйюаня, обладала многочисленными преимуществами перед Китаем, китайцы тогда высоко оценивали Россию, а в России в то время давали Китаю низкую оценку. Внимание России тогда было направлено на Европу и Америку, а не на отсталый по сравнению с ней Китай. Китаю же, однако, образ России был привлекателен.

XX век был веком учебы Китая у России. В 1950-е гг. желание китайцев учиться у России достигло кульминации. По мнению Ли Суйюаня, китайский народ "обладает необыкновенным великодушием, он помнит только положительные качества русских людей, обращает внимание только на положительные сведения о России". Можно только солидаризироваться с заключительным тезисом доклада Ли Суйюаня: "Китай и Россия должны приложить все силы к тому, чтобы взаимно улучшать в своем восприятии образ соседа".¹⁴

В настоящем кратком историографическом вступлении остановимся также на некоторых негативных примерах трактовки образа России, появившихся в Китае за последнее время, несмотря на успешное поступательное движение и сближение двух стран.

Так, в ежемесячном приложении "Биндянь" ("Точка замерзания") к китайской газете "Циннянь бао" 11 января 2006 г. была опубликована пространная статья профессора исторического факультета Университета им. Сунь Ятсена Юань Вэйши, озаглавленная "Модернизация и учебники по истории", в которой подвергается резкой критике изложение в школьных учебниках КНР истории отношений Китая с иностранными державами в XIX в. Автор статьи пытается оправдать захватническую политику империалистических держав (Великобритании, Франции и США) в Китае, и, в частности, военные действия англо-французских войск в ходе так называемой "второй опиумной войны" (1856-1860 гг.). Юань Вэйши обвиняет цинское правительство в том, что оно само своей неразумной политикой дало повод к войне. По Цзяннинскому (Нанкинскому) договору, договору в Ванся и договору в Вампу с иностранными державами Китай-де получил возможность стать на путь модернизации и прогресса. Юань Вэйши обвиняет ведущих китайских сановников того времени — Цзэн Гофаня, Ли Хунчжана, Фэн Гуйфэня, Го Сунтао и др. — в невыполнении правительством условий этих договоров, согласно которым иностранцы свободно допускались в китайские портовые города.

По условиям Тяньцзиньского договора 1858 г., в 1859 г. в Пекине должен был состояться обмен ратификационными грамотами по этому договору. Однако китайские войска обстреляли иностранные корабли, которые везли дипломатов на эту встречу, и в результате начался второй этап войны, закончившийся сожжением англо-французскими войсками летнего императорского дворца Юаньминъюань в окрестностях Пекина.

Юань Вэйши обвиняет маньчжурский двор и китайских сановников в том, что они не смогли смириться с условиями заключенных с иностранцами до-

говоров и рассматривали появление в Китае иностранных держав не как возможность приобщения Китая к западной цивилизации, прогрессу, а как пришествие на китайскую землю грубых варваров, не знакомых с цивилизацией, носителем которой являлся один лишь Китай.

Юань Вэйши также подверг критике учебник по истории, изданный в КНР, за трактовку восстания ихэтуаней (боксеров) в 1900 г. как “выдающегося проявления патриотизма”. Юань Вэйши признает только содержащуюся в этом учебнике критику действий русских войск в составе армий интервентов восьми государств и подробно цитирует соответствующие места из учебника, а все остальное изложение, по его словам, “полно ошибок”.

Юань Вэйши обвиняет авторов учебника, которые, по его утверждению, ничего не пишут о том, что “боксеры” были враждебны современной западной цивилизации и с невежеством игнорировали ее, отказывались от контактов с иностранцами, уничтожали железнодорожное полотно и телеграф между Тяньцзинем и Пекином. Это вовсе не было “героическое сопротивление захватчикам”, как пишут историки КНР, а намеренное уничтожение имущества, подчеркивает Юань Вэйши. Учебник по истории, изданный в КНР, по его мнению, не осуждает цинскую династию и “боксеров” за убийства невинных людей, грабежи и другие зверства, не осуждает вдовствующую императрицу Цыси, лично ответственную за поддержку двором “боксеров”.

Юань Вэйши противопоставляет изложение исторических событий в учебниках, изданных в КНР, и в учебниках Гонконга, считая последние более объективными. Политику царской России, которая, по словам Юань Вэйши, в результате подавления “боксерского восстания” захватила Маньчжурию, он характеризует как особо жестокую.

В заключение своей статьи Юань Вэйши утверждал, что когда слаборазвитые страны (колонии и полуколонии) начинают менять характер своего развития, единственной правильной дорогой к достижению цели является следование за западными странами и проведение тотальной модернизации общественной жизни. Следует отметить, что публикация вышеуказанной статьи Юань Вэйши вызвала довольно резкую критику в печати КНР.

Всячески стремится изобразить российско-китайские отношения в негативном свете и поддерживаемая правящими кругами США антикоммунистическая китайская эмиграция, обосновавшаяся в Америке, на Тайване и в Гонконге.

Эмигрировавший в США в 1989 г. бывший директор Института политологии Академии общественных наук КНР Янь Цзяци, проживающий в Нью-Йорке, систематически публикует в Интернете и в гонконгском журнале “Дунсян” статьи с территориальными притязаниями на российские земли и с обвинениями в адрес правительства КНР в якобы необоснованных территориальных уступках России. Гонконгский журнал и интернет-сайт, где публикуются враждебные России и руководству КНР статьи Янь Цзяци, получает поддержку от соответствующих органов США. В китайском Интернете, к сожалению, нередко можно встретить материалы явно недружественного характера. Например, в 2005 г. появилась публикация анонимного автора резко антироссийского содержания. Русские в ней характеризуются как “варварская нация”, “которая еще не полностью вышла из животного состояния”; утверждается, что “русские по натуре лживы, коварны и жестоки, и это хорошо известно всему миру”, а величие русской нации “на 30% состоит из варварства и на 70% — из бандитизма”.¹⁵

Один из самых посещаемых сайтов среди зарубежных китайцев — “Кань Чжунго” (“Взгляд на Китай”) — официально зарегистрирован в США в июле 2001 г. Этот сайт принадлежит к числу самых популярных новостных интернет-сайтов мира. Число заходов на него достигает, по некоторым данным, 5 миллионов в сутки. Его читают также десятки миллионов граждан КНР. Накануне визита в Китай Президента России В.В.Путина 17 марта 2006 г. на этом сайте была опубликована статья “Открывая карту России”, в которой на все лады расписывалась трагедия 16 июля 1900 г., когда во время подавления царскими войсками восстания ихэтуаней (“боксеров”) были насильственно ликвидированы 64 военных поселения китайцев в районе Благовещенска, причем многие китайцы погибли, утонув в реке. В этой статье говорится: “Мы должны вернуть наше стратегическое жизненное пространство, вспахать и освоить изначально принадлежавшие нам земли, ... упокоить героические души предков, погибших от рук русских захватчиков”. В статье современный Хабаровский край и Приморский край РФ именуется “внешним Дунбэем”, то есть внешней территорией Северо-Восточного Китая.¹⁶

В опубликованном в 2006 г. выпуске “Экспресс-информации” ИДВ РАН содержится реферат книги некоего Чжан Бина “Пронизывая взглядом Россию”. Автор, 1963 года рождения, в 1986 г. закончил университет в Ланьчжоу. Его перу принадлежит ряд статей о международных отношениях в научных журналах, в том числе и о “проблемах России”. Упомянутая книга носит грубо антироссийский характер и наполнена разного рода клеветническими выпадами. Автор реферата этой книги к.и.н. Е.Н.Румянцев, руководитель Центра научной информации и документации ИДВ РАН в своем предисловии к реферату отмечает: “Антирусская пропаганда, которая в широких масштабах велась КНР в 1970-1980 гг., в свою очередь формировалась под сильным воздействием и при прямом подстрекательстве советологических изысканий и пропаганды Запада, что просматривается в писанине Чжан Биня. Его рассуждения о смысле слова “славяне”, “грубой натуре русских”, а также об их “бюрократизме”, “жестокости” и “длительном рабстве” — явно западного происхождения. Одним из источников книги Чжан Биня видимо является опыт его жизни в Москве и рассказы китайцев о различных эксцессах, происходивших с ними на бытовом уровне.”¹⁷

Материалы, приведенные в данном выпуске “Экспресс-информации”, заставляют задуматься о том, насколько на самом деле распространены в современном Китае антироссийские взгляды и представления.

В этой связи вспоминается заявление заместителя директора Института стран Азии и Африки при МГУ А.Н.Карнеева, сделанное им корреспонденту газеты “Время новостей” 23 марта 2007 г. о том, что в Китае бытуют две оценки современного состояния отношений Китая с Россией: “В политике горячо, в экономике прохладно” или “наверху (т.е. на уровне руководителей двух стран) горячо, а внизу прохладно”.¹⁸

В № 4 за 2006 г. издающегося в КНР журнала “Элосы яньцзю” (“Изучение России”) бывший посол КНР в Москве, ныне директор Института Евразии Центра развития при Госсовете КНР и президент Китайской ассоциации Восточной Европы и Центральной Азии Ли Фэнлинь опубликовал специальный комментарий “Китайско-российские отношения в новый период”, открывающий данный номер.

Г-н Ли Фэнлинь начинает с утверждения о том, что “осознание ценности китайско-российских отношений произошло в Китае раньше, чем в России”, и как бы упрекает российскую сторону в медлительности осознания важности

партнерства с Китаем. Ли Фэнлинь пишет: “Только в последние несколько лет русские начали ясно понимать, какую стратегическую ценность имеют китайско-российские связи”. Ли Фэнлинь отмечает, что президент России В.В.Путин “впервые открыто заявил о стратегической ценности российско-китайских отношений на открытии в 2006 г. Года России в Китае. “Руководители России более глубоко осознали стратегическую значимость отношений с Китаем,... если уже говорить начистоту, то без хороших китайско-российских отношений вряд ли получили бы устойчивое развитие и российско-американские отношения”.

В своих комментариях Ли Фэнлинь пишет: “Мы хотим, чтобы Россия становилась все сильнее, русским же не хотелось бы усиления Китая, они боятся сильного Китая. Эта психология страха у России существует до сих пор”. Ли Фэнлинь пытается объяснить “страх России перед сильным Китаем” тем, что “у русских с давних пор утвердилось особое традиционное мышление, например, длительное ощущение “осажденной крепости”, болезненный комплекс сверхдержавы и т.д.”.

Рассматривая далее политическую и экономическую ситуацию в современной России, автор “Комментария” утверждает, что “в настоящее время экономика России в целом держится на нефти и газе”, “во внешнеполитическом плане геополитическое положение России ухудшается”, “у русских менталитет такой, что они не могут выступать в роли “младшего партнера США”, им надо играть независимую роль. Это и есть так называемая великодержавная психология... Сегодня Россия стремится стать самодостаточным полюсом”.

Ли Фэнлинь предлагает извлечь пять уроков из истории китайско-российских (и китайско-советских) отношений:

1) Межгосударственные отношения должны следовать принципам равноправия. Все договоры России с Китаем после 1840 г. были “целиком и полностью” неравноправными, и были затем еще три неравноправных договора: договор 1896 г., договор 1945 г. и договор 1950 г.

2) Между странами должно поддерживаться уважение, а не диктат, уважение к цивилизационным особенностям друг друга.

3) Идеология и даже духовные ценности не должны становиться критериями, определяющими межгосударственные отношения.

4) Советский Союз принципом “пролетарского интернационализма” прикрывал свои государственные интересы, требуя от Китая подчинения интересам СССР.

5) Сегодня пограничная проблема уже полностью разрешена и, став достоянием истории, не будет больше осложнять отношения между двумя странами. Однако подходы двух стран к истории по-прежнему содержат разногласия, но к этому можно подходить так, чтобы исторические проблемы не осовременивать и не политизировать, искать общее, сохраняя различия.

Такова самая “авторитетная”, я бы сказал, оценка образа современной России человеком, обучавшимся в свое время в МГУ и прошедшим долгие годы на дипломатической работе.

По крайней мере странным выглядит утверждение экс-дипломата о неравноправном характере китайско-советских договоров 1945 г. и 1950 г.

На основе договора 1945 г. советские войска по просьбе Китая, терпя лишения и неся огромные жертвы, освободили жителей Северо-Восточных китайских провинций (Маньчжурии) от 14-летней оккупации японскими милитаристами и вынудили Японию капитулировать.

По договору 1950 г. Советский Союз оказал молодой Китайской Народной Республике щедрую финансовую, военную и научно-техническую помощь, послал в КНР десятки тысяч своих специалистов, инженеров, ученых и педагогов для оказания помощи в восстановлении страны после разрухи, вызванной восьмилетней войной с Японией и трехлетней гражданской войной. Тысячи китайских студентов и аспирантов — в их числе и уважаемый Ли Фэнлинь — были приняты на учебу советскими ВУЗами. Советские летчики защищали Шанхай от налетов гоминьдановской авиации, а в годы Корейской войны советские летчики-добровольцы защищали небо Северо-Востока Китая от американских агрессоров. Советские дипломаты после образования КНР отстаивали в Организации Объединенных Наций право КНР занимать место в Совете Безопасности ООН вместо представителя Гоминьдана.

В чем г-н Ли Фэнлинь усмотрел здесь неравноправие?

1. Восток — Запад. Историко-литературный альманах. 2003-2004. Под редакцией ак. В.С.Мясникова. М. ИФВЛ. 2005. С. 144.
2. К.Внуков. Год России в Китае и год Китая в России — две половины единого целого.: "Проблемы Дальнего Востока". № 1. 2007. Сс. 33-37.
3. Лю Гучан, Чрезвычайный и Полномочный посол КНР в РФ. Двести раз о Китае. "Российская газета" 16 февраля 2007. С 10.
4. Президент России. Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики. <http://www.kremlin.ru/text/docs/2007/03/120807shtmail.04.04.2007>
5. Образ России. Русская культура в мировом контексте. Коллектив авторов под общей редакцией академика Е.П.Чельшшева. М., РАН, 1998. С. 5.
6. Г.Г.Котовский. История. Россия и Восток. В сб.: Образ России. Русская культура в мировом контексте. Сс. 39-110.
7. Су Фэнлинь. История культурных отношений Китая с Россией до середины XIX в. (Восток — Запад. Историко-культурный альманах. 2002. Под редакцией ак. В.С.Мясникова. Сс. 52-106.
8. Янь Годун. "Э'го ханьсюэши". (история китаеведения в России). Жэньминь чубаньша. 2006. Пекин.
9. Круглый стол ИДВ. Обсуждение сборника статей "История и современное состояние китайско-российских отношений". : "ПДВ". 2005. № 3. С. 8-43, № 4. С. 17-42.
10. "ПДВ". 2005. № 3. С. 8-9.
11. "ПДВ". 2005. № 3. С. 19.
12. Россия и Китай: взаимное восприятие (прошлое, настоящее, будущее). Тезисы докладов на XVI международной научной конференции "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы". Москва. 25-27 октября 2006 г. Часть 2. Сс. 12-16. М. 2006.
13. Там же. Сс. 13-14.
14. Ли Суйюань. Чжунгожэнь синьчжунди Элосы синсян. Исян бицзяо яньцзю. (на кит. Языке. Гуанчжоу, ноябрь 2006. (Образ России в глазах китайцев. Сравнительное исследование)
15. Институт Дальнего Востока РАН. Китай — Россия. Отголоски прошлых противоречий. Экспресс-информация. М. 2006. С. 69. Предисловие Е.Н.Румянцева.
16. Там же. С. 88.
17. Там же. С. 10.
18. "Время новостей". 23 марта 2007 г. С. 5. "Китайский год для России".

Место Кяхтинского договора 1728 г. в становлении российского китаеведения

© 2007

Юй Цзе

Зарождение, становление и развитие российского китаеведения как науки в значительной степени связано с Российской духовной миссией в Китае (РДМ¹). Именно ее научной деятельности оно обязано своим высоким уровнем и комплексным подходом к изучению дальневосточного соседа России. Весомый вклад в изучение Китая внесли не только начальники РДМ, но и ее ученики, впоследствии студенты. Им в первую очередь предписывалось изучение официальных языков Цинского Китая — китайского, маньчжурского и монгольского, что было продиктовано практическими потребностями в налаживании разносторонних связей с этой крупнейшей страной Азиатского континента. Определяющим отправным моментом в истории РДМ и российского китаеведения явилось подписание русско-китайского Кяхтинского договора, юридически закрепившего статус Миссии и открытие русской школы при ней.

В последней трети XVII — первой половине XVIII вв. по мере активизации российской внешней политики на восточном направлении все более остро вставала проблема подготовки специалистов, владевших восточными языками, знание которых к тому времени уже требовалось практически во многих сферах государственной службы, в первую очередь в делах дипломатических. Практика использования монгольских устных переводчиков-толмачей для двойного перевода, равно как и латинского языка-посредника, которым владели жившие в Пекине западные миссионеры, уже не отвечала уровню дипломатических отношений между Россией и Китаем.

Уровень знания китайского языка, общей образованности пекинских албазинцев, уведенных в плен в 1685 г., и их потомков мог удовлетворить лишь потребности русских купцов, прибывавших в Пекин с торговыми караванами. Член-корреспондент Петербургской АН, профессор Н. И. Веселовский (1848–1918) в докладе "Сведения об официальном преподавании восточных языков в России", представленном на Третий международный съезд ориенталистов, состоявшийся в Петербурге в 1876 г., констатировал: "Только в начале XVIII столетия обратило правительство серьезное внимание на водворение научных знаний в России, и при этом восточные языки не только не были забыты, но даже заняли место вперед предметов, по-видимому, более нужных и важных. Произошло это, конечно, потому, что изучение у нас восточных языков являлось не

Юй Цзе (КНР), преподаватель ИСАА при МГУ, аспирантка ИДВ РАН. Научный руководитель к. и. н. Ипатова А. С.

излишнею роскошью, а насущной потребностью: необходимо было иметь русских людей, знакомых с восточными языками, как для сношений пограничных и заграничных, так и для администрации в местностях, населенных инородцами"². Эта задача решалась тремя путями: 1) использование лиц, по личной инициативе в какой-то мере овладевших восточными языками; 2) приглашение специалистов из Западной Европы; 3) подготовка собственных переводчиков. Однако как использование на государственной службе имевшихся знатоков восточных языков, так и приглашение иностранцев были не более чем полумерами для такого государства как Россия. Только целенаправленная и систематическая подготовка отечественных востоковедных кадров могла обеспечить постоянный приток требуемых специалистов.

Первым из русских царей, кто реально поставил вопрос о систематической подготовке специалистов, владевших восточными языками, в том числе и языками Цинского Китая, был Петр I. Направление в Китай православных миссионеров, по его замыслу, было делом чрезвычайно важным не только для духовного окормления русских людей, находившихся на территории Китая, проповеди православия, но и для дел государственных, для развития российско-китайских отношений, изучения Китая. Эта идея была сформулирована Петром I еще в 1700 г. в именном указе от 18 июня, т. е. два года спустя после получения им известия о существовании в Пекине небольшой русской общины. Он писал о необходимости подбора "добрых ученых не престарелых иноков двух или трех человек, которые бы могли китайскому и мунгальскому языку и грамоте научить"³.

О насущной необходимости подготовки собственных переводчиков и знатоков Китая, особенно для преодоления языкового барьера в делах дипломатических и торговых, писали и многие государственные деятели петровской эпохи. Так, посланник Л. В. Измайлов, возглавлявший российское посольство в Китай в 1719-1721 гг, уже на пути следования в Пекин столкнулся с трудностями из-за отсутствия квалифицированных переводчиков. Тогда он предложил архимандриту Антонию (Платковскому), который входил в состав посольства Л. В. Измайлова, открыть школу монгольского языка. Следуя совету посланника, Платковский в июле 1724 г. обратился в Синод с письмом, содержащим просьбу разрешить открытие школы для изучения монгольского языка при Вознесенском монастыре г. Иркутска, настоятелем которого он был. 2 октября того же года последовало положительное решение Синода об организации такой школы⁴.

О необходимости обучения нескольких русских учеников китайскому и маньчжурскому языкам писал и один из наиболее сведущих в китайских делах людей в России Лоренц Ланг, состоявший секретарем в посольстве Л. В. Измайлова. С 1715 по 1737 гг. он неоднократно ездил в Китай с различными поручениями, в том числе и в качестве торгового агента. В 1723 г. Ланг обратился в Коммерц-коллегию со следующими предложениями: "И понеже весьма нужное дело есть, где коммерция производится, добрых толмачей иметь, того ради ... Коммерц-коллегию прошу в здешнюю губернию его императорского величества указ послать, чтобы из-Иркуцкой провинции несколько ребят от 12 до 15 лет, которые бы российской язык добре читать и писать умели, мне даны были, дабы я их, когда паки в Китай поеду, с собою взять могли и там бы в китайскую школу отдал"⁵.

Однако в связи со сложными обстоятельствами, которые возникли во взаимоотношениях между Россией и Китаем в этот момент, реализация идеи Л. Ланга о подготовке русских переводчиков в Китае оказалась невозможной. Но

уже в 1725 г. при направлении в Китай посольства графа С.Л. Владиславича-Рагузинского⁶ для решения вопросов о разграничении в районе Монголии и упорядочении русско-китайской торговли ситуация кардинально изменилась, в том числе и благодаря энергичным действиям русского посла.

18 июня 1725 г. состоялось решение Сената о назначении С.Л. Владиславича-Рагузинского чрезвычайным посланником и полномочным министром в Цинскую империю⁷. Рагузинский заявил на заседании Сената о своей готовности отправиться в Китай и представить сведения о том, что необходимо для посольства. 23 июня 1725 г. вновь назначенный посланник подал в Коллегию иностранных дел донесение о нуждах посольства из 16-ти пунктов. 12-й пункт содержал просьбу, чтобы “два школьника молодых лет, ежели рассудится за благо покинуть их в Китай при конsole для науки китайского языка и писания, о чем в Российской империи не без нужды”⁸. Мысль о подготовке русских переводчиков китайского языка в столице Китая была поддержана Коллегией иностранных дел, которая 28 июля отправила донесение в Святейший Синод с требованием⁹, прежде предъявленным С.Л. Владиславичем-Рагузинским. После этого посол лично явился в Синод, где и повторил свою просьбу¹⁰.

В определении Синода от 4 августа 1725 г. было записано: “А для научения китайского языка со оным графом господином Рагузинским из обретающейся в Москве Славено-латинской школы из учеников дву человек отправить, а именно Луку Воейкова да Ивана Шестопалова, он же и Яблонцов, которым как на подъем, так и в бытность их в Китайском государстве жалованье определить от оной же Иностранной коллегии по рассмотрению без оскудения, дабы они не имели во всяких своих потребностях в бытность свою там нужды и ожидали б оные ученики того графа Савы Владиславича прибытия в Москве. А как он, прибыв в Москву, отправляться будет во оное Китайское государство, то б и те ученики ехали при нем без замедления не имея никаких отговорок”¹¹.

19 августа канцлер и президент Коллегии иностранных дел Г. И. Головкин направил донесение в Синод следующего содержания: “Ея императорское величество указала при чрезвычайном посланнике и полномочном министре, действительном статском советнике, иллирийском графе Саве Владиславиче, отправляющемся для дел ея императорского величества в Китайское государство, послать для обучения китайского языка и письма из Москвы из Ново-Спасского монастыря, что за Иконным рядом, из школы двух человек учеников, выбрав добрых и остроумных, немноголетних, и которых он, действительной штатской советник, за достойных быть усмотрит. И в прибытии ево в Москву отдать оных ему. А на содержание их ея императорского величества жалованья дается им ис Коллегии иностранных дел”¹².

5 октября Синод направил указ в Московскую синодальную канцелярию об отправлении с посольством С. Л. Владиславича-Рагузинского учеников Славяно-латинской академии Л. Воейкова и И. Шестопалова¹³. 10 ноября ректор Академии, архимандрит Гедеон Вишневский сообщил Походной посольской канцелярии, что “оные два ученика при сей промемории”¹⁴ в Походную канцелярию китайской экспедиции отсылаются. И походная канцелярия китайской экспедиции о приеме и о определении оным учеником как на подъем, так и в бытность их в Китайском государстве годового жалования да благоволит учинить по ея императорского величества указу”¹⁵.

21 октября 1726 г. посольство С. Л. Владиславича-Рагузинского прибыло в столицу Китая, где чрезвычайный посланник на протяжении шести месяцев сво-

его пребывания 34 раза встречался с цинскими министрами на официальных переговорах, на которых было обсуждено более 20 проектов мирного договора, предложенных сторонами. 23 апреля 1727 г. российское посольство после переговоров в Пекине отправилось на границу, чтобы там с цинскими чиновниками завершить переговоры и заключить договор.

Несмотря на разногласия, возникшие уже в ходе пекинских переговоров по вопросам расширения и упорядочения русско-китайской торговли и разграничения в районе Монголии, предложение российского посланника о подготовке русских переводчиков китайского языка в столице Китая было принято цинскими властями с пониманием, поскольку они также страдали от недостатка людей, знавших какой-нибудь европейский язык. На переговорах С. Л. Владиславич-Рагузинский говорил цинским министрам, «чтоб они приискали верного переводчика на латинском или италианском языках, понеже толмачи как его, чрезвычайного посланника, так и их не совершенно довольны, ибо он, чрезвычайной посланник, говорит по-русски со своим толмачем, а он с их толмачем по-мунгальски, а толмачи по-китайски с ними, министры. И таким образом между тремя языки половина дискурса¹⁶ тратится. Министры ответствовали, что в том есть ево, чрезвычайного посланника, правда, а могут ли сыскать или не могут еще не ведают»¹⁷. И еще один штрих, характеризующий сложность перевода на пекинских переговорах. «Генваря 19 дня ополудни приходили три заргучея¹⁸, которые с министры на конференции бывают, — пишет посол в своем Статейном списке, — и спрашивали от страны своих министров, готова ли у него, чрезвычайного посланника, формула о трактате, состоящая в 13 пунктах, которую третьяго дня читали в конференции, и чтоб дал им оную на русском и латинском языках. Чрезвычайной посланник отвечовал, что на русском давать не для чего, понеже их русские переводчики переводить не умеют и пишут все не то, как из прежних пунктов он, чрезвычайной посланник, увидел, а на латинском языке формула у него готова. И тогда, запечатав в пакет, оную формулу на латинском языке им, заргучеям, отдал»¹⁹.

Примечательно, что цинские власти, слишком долго затягивая решение вопросов, связанных с постройкой православной церкви и принятием представителей русской православной церкви (РДМ) в Пекине, которые также обсуждались во время переговоров, вопрос же об обучении русских учеников китайскому и маньчжурскому языкам разрешили почти сразу и сверх ожидания русской стороны даже проявили гостеприимство. Более того, когда русский посол запросил согласия цинских министров на отправку в Пекин четырех учеников, те выразили готовность принять помимо четырех учеников еще и двух учителей. Так, в «Кратком предложении всероссийского посла за обновление между Российской и Китайской империями новой дружбы», врученном китайским министрам 12 декабря 1726 г., С. Л. Владиславич-Рагузинский под 6-м пунктом написал «о принятии в пекинскую школу для обучения манзюрского и китайского языков и письма русской нации четырех из младых и о содержании их на ханском коште, дабы они могли выучится манзюрскому и китайскому языком и письму, а взаимно учили б китайских подданных российскому и латинскому письму, ибо в таких обоим государствам не без нужды»²⁰. Через месяц посланник получил ответ на это предложение: «сие имеем обыкновение, буде которые чужие похотят обучиться языков наших и книг наших, учиться добре. Наш великий богдыхан о сем уже благотворительно делает некогда. Того ради, когда нужды будут окончаны, предложим ему и, вестно, охотно позволит, но должен опричь еще vybrати двух

мало побольших летами, которые б исправляли тех четырех мальчиков и могли б такожде учить языка латинского и российского, и их zde оставити. Сие будет угодно к обучению языков, и те двое могут также учить наших языка латинского и российского. И сие будет полезно обоим государствам ради грамот пересыльных²¹.

Думается, что помимо очевидного стремления избежать трудностей в общении с представителями соседнего, становящегося все более могущественным государства, было еще что-то другое, подтолкнувшее Цинов пойти навстречу предложению русских. Это “что-то другое” явно прослеживается в различных формулировках, содержащихся в последующих документах русского посла и цинских министров относительно рассматриваемого вопроса.

В проекте договора, предложенном чрезвычайным посланником китайским министрам от 19 января 1727 г. под 8-м пунктом было записано: “Понеже обоим империям для дружелюбительной корреспонденции не без нужды иметь переводчиков на русском и латинском, манзюрском и китайском языках, того ради определены из российской нации четыре человека из младых, которые будут жить в Пекине и учиться грамоте и языком, манзюрскому и китайскому, да два человека большего возраста, знающие латинской и русской язык и грамоту, остаются для ведомства и надзирания над вышеписанными четырьмя младыми россияны, да еще ж имеют они учить несколько из младых богдыханова величества подданных рускому и латинскому языком и грамоте, дабы как одни, так и другие взаимно могли выучиться грамоте и языком для пользы и письменной корреспонденции впредь обоих империй, также богдыханово величество из своих подданных соизволяет определить два человека ученых для научения вышеписанных русских молодых людей манзюрскому и китайскому языком, которым учителем купно с рускими вышепомянутыми учителями жить в доброй дружбе и согласии для пользы обоих учеников.

Все вышеписанные учителя и ученики имеют быть содержаны кормом и жалованием богдыханова величества по обыкновению славнейшаго его государства, а когда те младые выучатся, то каждой служить имеет своему государю, а впредь новых определять ли на место тех и учить ли или не учить, остается в воли обоих стран, однакож ежели кто по-человечеству из сих умрет, то вольно другого вместо умершаго прислать и в такое учение употребить²². Напомним, что в этом проекте (и в прежнем от 12 декабря 1726 г.) договора послом также был поставлен вопрос о постройке православной церкви и принятии четырех священников в столице Цинской империи, который был включен в предложенный проект под 3-м пунктом²³.

В ответном проекте договора, предложенном китайской стороной от 9 февраля 1727 г., и тот и другой вопросы были включены с оговорками “Посол Сава хочет” и объединены в 5-м пункте. Вопрос об учениках был определен кратко и без аргументации о взаимной пользе двух государств, как это было сделано в приведенном выше проекте С. Л. Владиславича-Рагузинского, и сводился к следующему: “Кроме того еще Сава хочет в сей столице Пекинской оставить четыре мальчика русских для учения и два мало побольшаго возраста, которые по-латине знают, и те такожде будут жить в преждереченном месте (т. е. в резиденции РДМ. — Ю. Ц.) и кормится коштом государским²⁴.”

В окончательном варианте договора, полученном китайскими министрами от 21 марта 1727 г., С. Л. Владиславич-Рагузинский также объединил в одном 5-м пункте вопросы о постройке православной церкви в Пекине и обучении рус-

ских учеников и так сформулировал последний вопрос: “Кроме того, еще могут россиане в сей столице Пекинской оставить четырех мальчиков русских для учения манзюрского и китайского языков и грамоты и два мало побольшего возраста, которые по латине знают, и те такжежде будут жить в прежде реченном доме и кормитьца коштом здешнего империя, дондеже выучатца, и когда выучатся, могут возвратитьца в Россию”²⁵.

Этот вариант текста, основанный на предварительной договоренности, достигнутой чрезвычайным посланником с китайскими министрами на переговорах в Пекине, затем полностью вошел в Кяхтинский договор 1728 г.

Что же побудило цинские власти к принятию предложения С. Л. Владиславича-Рагузинского по поводу обучения русских мальчиков маньчжурскому и китайскому языкам в Пекине практически без оговорок и проволочек? Ведь это, на первый взгляд, должно было бы противоречить проводимой Цинами вплоть до середины XIX в. политике самоизоляции от внешнего мира, так называемой политике “закрытых дверей”? В толковании, приложенном С. Л. Владиславичем-Рагузинским к рассматриваемому последнему проекту договора²⁶, посол дал следующее пояснение: “А что упомянуто о содержании трех священников и шести учеников на коште китайском, сие у них древнее *обыкновение* (курсив — Ю. Ц.), что которого иностранца примут в свое государство, за честь государственную оного кормят из казны, чево деньгами и правиантом наберется на всякого человека в год близко 200 рублей”²⁷.

Действительно, именно это традиционное китайское “обыкновение” послужило скрытой причиной, позволившей открыть “двери” для будущих учеников из России. “Обыкновение” — это характерное слово для цинской дипломатии, да и не только для нее. Оно часто звучало из уст цинских чиновников при ведении дипломатических дел и использовалось как неоспоримый аргумент во избежание возможных дискуссий по спорным вопросам. Напомним, как ответили министры Палаты внешних сношений в конце XVII в. на запрос Избранта Идеса²⁸ о разрешении на постройку православной церкви в Пекине: “Построение в Китае церковей иноземцам тем, кои вечно в здешнем живут царстве, узаконено, а приезжающим только на время, требовать церковей в *обычай* (курсив — Ю. Ц.) не положено!”²⁹ В практике цинской дипломатии под словом “обычай” или “обыкновение” (ли) подразумевался тот или иной исторический прецедент, утвердившийся в официальном династийном историописании и тем самым обладавший законностью для тех или иных дипломатических или военных действий. Известный историк российско-китайских отношений, акад. В. С. Мясников отметил, что “большую роль в традиционной дипломатии играли исторические прецеденты. ... Следуя за традиционной историографией, китайская дипломатия рассматривала взаимоотношения с тем или иным соседом в историческом разрезе иногда за тысячу и более лет, отыскивая в старинных династийных историях нужные ей прецеденты и правовую обоснованность своих действий”³⁰. К тому же исторический прецедент у цинских властей мог приобрести даже универсальный характер, что позволяло распространять его на все страны, которые стремились установить отношения с Китаем.

В действительности, принятие согласно “обыкновению” русских учеников на обучение в столице Китая соответствовало традиционной внешнеполитической доктрине, в основе которой лежало конфуцианское представление о миропорядке. “Когда богатства распределяются равномерно, то не будет бедности; когда в стране царит гармония, то народ не будет малочислен; когда царит мир [в

отношениях между верхами и низами], не будет опасности свержения [правителя]”, — утверждал Конфуций. “Если бы было так, — делал вывод древнекитайский мудрец, — тогда людей, живущих далеко и не подчинившихся, можно было бы завоевать с помощью образованности и морали. Если бы удалось их завоевать, среди них воцарился бы мир”³¹. “Усмирение” “не подчинившихся”, распространение на них китайских традиций и норм, приобщение их к цивилизации Срединного государства всеми средствами, вплоть до ассимиляции — основное содержание внешней политики императорского Китая на протяжении многих веков. Именно с таких позиций Цинская империя воспринимала те страны, которые стремились установить с ней отношения. Культурный и политический престиж страны для цинского императора Сюань Е, правившего в 1662 — 1722 гг. (девиз годов правления — Канси) служил одной из важнейших составляющих в урегулировании отношений с соседними странами. Он говорил: “[Все страны, в том числе и те], которые расположены к востоку вплоть до тех стран, где пользуются оленями и собаками, к западу вплоть до стран ойратов и туруфаней, к северу вплоть до Халхи и России, к югу вплоть до Люкю, Сиама, Голландии³² и других нескольких сотен западных заморских стран, видя, что в мире царит гармония, скажут, что в Китае появился великий священный император. Все они, преодолевая горы и моря, прибывали к нам, чтобы переводить наши книги и приобщаться к нашей цивилизации”³³. Именно с таких позиций император Сюань Е отнесся и к русскому посольству Н. Г. Спафария в Китай³⁴: “Русское государство находится далеко [от нас]. Теперь оно с чистым сердцем обратилось к нашей цивилизации и направило [к нам] своего посла, чтобы преподнести нам в качестве дани свои изделия. Мы весьма одобряем это”³⁵.

Об отношении цинских властей к России и ее восприятию в Цинском Китае этого периода наиболее наглядно свидетельствует тот факт, что всеми делами, связанными с Россией, занималась Лифаньюань, т. е. Палата по делам зависимых земель, больше известная в российском китаеведении под названием Палаты или Трибунала внешних сношений. Она была учреждена в XVII в. для ведения дел по управлению Монголией, Кукунором и мусульманскими княжествами в застенном, т. е. западном Китае. До 1860 г. именно это учреждение также вело всю дипломатическую переписку с Российским Сенатом. Ключевой иероглиф в названии Лифаньюань — “фань”, что означает изгородь, окраина, вассальные земли. Этот иероглиф имеет, по крайней мере, три значения. Во-первых, жители подвластных зависимых земель (возможный эквивалент — вассал, хотя содержание этого термина в западной традиции несколько иное). Во-вторых, народы государств, номинально подчиненных Китаю. В этом значении термин закрепился как название, используемое китайской традицией в отношении жителей Монголии, Тибета, Цинхая. Так назывались и жители центрально—азиатских княжеств со смешанным монгольским и уйгурским населением, состоявшие лишь в номинальной зависимости от Китая, а фактически пользовавшиеся полной самостоятельностью. В-третьих, жители независимых чужеземных государств, лишь поддерживавших связи с Китаем (эквивалент — чужеземцы, иноземцы, фактический синоним позднейшего понятия “вайгожэнь” — “иностранец”). Таким образом, в этой многозначности термина “фань”, когда официальная традиция на практике не различала вассальные и независимые государства, была изначально заложена возможность субъективного подхода, выразившего этноцентристскую ориентацию внешнеполитической доктрины Цинского Китая³⁶.

Центральным звеном системы отношений Китая с подвластными и зависимыми владениями или номинально подчиненными ему государствами являлся институт так называемой “дани” (“гун”). С древних времен термином “гун” обозначалась собственно дань. В то же время обычные в дипломатическом ритуале подарки, преподносившиеся в виде “местных” продуктов цинским императорам, также рассматривались китайской традицией как “дань” от “вассала”. Так, в одном из цинских источников проезд посольства С. Л. Владиславича-Рагузинского рассматривался именно как очередной привоз “дани”: “Русский чахан-хан [т. е. белый царь] прислал посла Савву преподнести двору грамоту, поздравляющую его величество с восшествием на престол, и преподнести местную продукцию в качестве дани. По обыкновению (курсив — Ю. Ц.) [посол] был вознагражден”³⁷.

Современный китайский историк Чжао Юньтянь отметил, что со времени правления первого цинского императора Фу Линя, правившего в 1644 — 1661 гг. под девизом Шуньчжи, вплоть до третьего цинского императора Инь Чжэна, правившего в 1723 — 1735 гг. под девизом Юнчжэн, цинские правители воспринимали Россию либо как “варварскую страну”, либо как “внешнюю малую вассальную страну”. С таких китаецентристских позиций цинское правительство при первых же контактах с Россией поручило Лифаньюаню, т. е. Палате по делам зависимых земель, вести дела и с этой страной³⁸.

В этом смысле предложение России отправлять своих учеников в Китай для изучения его языков, по представлению цинских правителей, означало не что иное как желание “не подчинившихся” русских приобщиться к китайской цивилизации, что вполне соответствовало решению задач, стоявших перед цинской дипломатией того времени. Поэтому неслучайно китайская сторона в свои варианты рассматриваемого договора вписывала слова “Сава хочет”. Один из цинских сановников, участник переговоров Тулишэнь жаловался на С. Л. Владиславича-Рагузинского торговому агенту Л. Лангу, прибывшему во время переговоров с торговым караваном в Пекин: “Некоторые дела, о которых мы [с Савой] договорились в Пекине, например, постройка храма в русском подворье, оставление русских учеников в столице на обучение и т. д., все было по его просьбе. А он потом отказался, не согласившись с формулировкой “просьба” и предложил ее исправить... В этом он был не прав. Подумайте только, ведь на такие вопросы, как постройка храма в подворье и оставление русских учеников, если мы не доложим Богдыхану и не попросим его об этом, кто еще посмеет дать ответ? Тот, кого он должен просить, есть не кто иной, как Богдыхан”³⁹.

Иными словами, маньчжурские министры рассчитывали, что в тексте договора будет отражено, что учреждение РДМ и обучение русских учеников в Пекине есть не что иное, как благосклонность цинского императора в ответ на *просьбу* русских, что соответствовало бы духу и букве традиционной китайской дипломатии.

Находясь на границе для проведения пограничных переговоров с российской стороной, после заключения Буринского договора 25 сентября 1727 г. цинские чиновники подали императору Инь Чжэну доклад, в котором, помимо прочего, говорилось: “В дальнейшем следует отремонтировать русское подворье в Пекине и предоставить его для жительства послам. Приезжающие в Пекин [русские] ученики, учителя и другие лица, также пусть все живут вместе. Их будут снабжать едой и одеждой за правительственный счет. Если же кто-то [из них] пожелает возвратиться [на родину], предоставить ему свободу обратного проезда”⁴⁰.

Таким образом, договоренность между российской и китайской сторонами о принятии русских учеников и порядке их содержания в Пекине была достигнута без каких-либо осложнений и полностью вписана в Кяхтинский договор.

Благодаря последовательной позиции русского посла, заинтересованности китайской стороны в людях, владевших иностранными, а также официальными языками Цинского Китая (что не противоречило основам цинской дипломатии), Кяхтинский договор довел до логического завершения вопрос об обучении русских учеников и учреждении РДМ в Пекине, юридически закрепив их официальный статус. В договоре предусмотрены все важные моменты и условия пребывания и обучения русских учеников в Пекине: их численность, место жительства, финансы и содержание, обучение, а также, что немаловажно, возможность возвращения в Россию по окончании учебы.

Однако ни сам посол, ни российские и китайские власти, включая в текст договора такую статью, не могли и предположить, насколько судьбоносной станет она для российского китаеведения и взаимоотношений между Россией и Китаем.

Окончание в следующем номере

1. Российская духовная миссия в Китае, Пекинская миссия (1715-1954) — уникальное российское учреждение за рубежом. Основанная для духовного окормления албазинских казаков, увезенных в плен цинскими войсками в 1685 г., она со временем, особенно в XIX в., превратилась в неофициальное дипломатическое представительство России в Китае. Никакое другое государство не имело тогда в Китае своих представителей. В Миссии велось изучение Китая, на протяжении многих лет она оставалась центром российского китаеведения. После учреждения в 1864 г. в Пекине Российской дипломатической миссии Духовная миссия сосредоточилась на научной и миссионерской деятельности.
2. Труды Третьего международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге 1876. Т. 1. Под. ред. В. В. Григорьева. СПб., 1879-1880. С. 100.
3. Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы (Далее: РКО в XVIII веке). Т. 1. 1700-1725. М., 1978. С. 50. Док. 5.
4. РКО в XVIII веке. Т. 2. 1725-1727. М. 1990. С. 544. Комментарий. 2 к док. 19.
5. РКО в XVIII веке. Т. 1. С. 373. Док. 230.
6. Савва Лукич Владиславич-Рагузинский (ок. 1670-1738), граф иллирийский, родом из боснийских князей, российский государственный деятель, дипломат. В 1725-27 гг. возглавил посольство в Цинскую империю. Заключил в 1727 г. два договора — Буринский и Кяхтинский. В последующие 115 лет Россия оставалась единственным государством, имевшим разносторонние связи с Цинским Китаем, строившиеся на договорной основе. (Подробно о С. Л. Владиславиче-Рагузинском и возглавлявшемся им посольстве см.: РКО в XVIII веке. Т. 2, 3.).
7. Однако в документах и исторической литературе наряду с "чрезвычайным посланником" С. Л. Владиславич-Рагузинский именуется также "чрезвычайным послом", "послом". Об этом см.: РКО в XVIII веке. Т. 2. С. 528. Комментарий к док. 1.
8. Там же. С. 35. Док. 2.
9. Там же. С. 61-62. Док. 19.
10. Там же.
11. Там же. С. 62. Док. 19.
12. Там же. С. 90. Док. 30.
13. Там же. С. 181. Док. 82.
14. Промемория (лат.) — память, записка, выписка, отношение (вид документа).
15. РКО в XVIII веке. Т. 2. С. 224. Док. 93.

16. Дискурс (дескурс) (лат.) — обсуждение, беседа, устные переговоры.
17. РКО в XVIII веке. Т. 2. С. 531. Комментарий. 7 к док. 2.
18. Заргучей (цзаргучи, заргучи) (маньчж.) — чиновник, совмещающий судебные и административные функции; мог быть градоначальником.
19. РКО в XVIII веке. Т. 2. С. 437. Док. 196.
20. РКО в XVIII веке. Т. 3. 1727-1729. М., 2006. С. 154. Док. 59.
21. Там же. С. 156. Док. 59.
22. Там же. С. 161. Док. 59.
23. Там же. С. 158-159. Док. 59.
24. Там же. С. 165. Док. 59.
25. Там же. С. 170. Док. 59.
26. Там же. С. 129-178. Док. 59.
27. Там же. С. 174. Док. 59.
28. Идес Избрант Эберхард (Елизарий Елизарович, сын Избранта) (1657-1708) — коммерсант из Голштинии. В 1687-92 гг. переселился в Россию. В начале 1692 г. подал челобитную с просьбой послать его в Китай по торговым делам. В 1692-95 гг. возглавил русское посольство в Цинскую империю. (Подробно см.: Предисловие М. И. Казанина к "Запискам о русском посольстве в Китае (1692-1695)", М., 1967).
29. Бантъш-Каменский Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1882. С. 73.
30. Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. М., 1980. С. 48-49.
31. Древнекитайская философия: Собрание текстов: В 2-х т. Т. 1. М., 1972. С. 168-169.
32. Так в тексте.
33. Цзян Лянци. Дунхуалу ("Записки у ворот Дунхуа"). Цз. 8.
34. Николай Гаврилович Спафарий (Милеску Николае Спэгарул) (1636-1708) — молдавский ученый, дипломат, писатель. С 1671 г. на государственной службе в России в качестве переводчика Посольского приказа. В 1675-78 гг. глава российского посольства в Китай. Автор "Путевого дневника" и "Статейного списка" об этом посольстве, содержащих подробное описание Китая. (Подробно см.: РКО в XVII веке. Материалы и документы. Т. 1. 1608-1683. М., 1969; Мясников В. С., Тарасов В. Н. Труды и дни Николая Спафария // ПДВ. 1985. № 1-2).
35. "Дай Цин Шэнцзу Жэньхуанди шилу" ("Правдивые записи о правлении цинского императора Шэнцзу"). Токио. 1937. Цз. 61. С. 3-46.
36. Воскресенский А. Д. Китай и Россия в Евразии: историческая динамика политических взаимодействий. М., 2004. С. 38-39.
37. "Дай Цин Шицзун Сянь хуанди шилу" ("Правдивые записи о правлении цинского императора Шицзуна"). Токио, 1937. Цз. 54. С. 23а.
38. Чжао Юньтянь. Цинчао Лифаньюань хэ Чжун Э гуаньси (Лифаньюань династии Цин и китайско-русские отношения). // Цицикар шифань сюэюань сюэбао (Вестник Цицикарского педагогического института). 1981. № 1-2. С. 108-113.
39. Чжунго дии лиши дангань гуань: "Циндай Чжун Э гуаньси дангань шилу сюаньбянь" (Первый исторический архив Китая: "Сборник архивных документов об отношениях Китая с Россией в период правления Цин"). Пекин, 1981. Т. 1. Ч. 2. С. 502-503.
40. Там же. Цз. 60. С. 23а; РКО в XVIII веке. Т. 3. С. 110. Док. 54.

Документы, архивы

Советский Союз и китайская провинция Синьцзян в середине 1930-х гг.

© 2007

Р. Мировицкая, А. Ледовский

В советской дальневосточной политике 1930-х гг. отношения СССР с китайской провинцией Синьцзян занимали особое место. Эта удаленная и слабо-развитая тогда провинция, имевшая протяженную границу с СССР, на протяжении 1920-1930 гг. *фактически не подчинялась центральному правительству Китая*. С 1933 г. Синьцзяном управлял губернатор (дубань) Шэнь Шицай, взявший курс на сближение с СССР. В самом Синьцзяне постоянно тлели очаги межнациональных конфликтов, временами перераставших в ожесточенные столкновения. Разворачиваясь вблизи советских границ в Средней Азии, эти события не могли не беспокоить советское руководство. К тому же там были сосредоточены весьма значительные экономические интересы СССР.

Политическая линия советской дипломатии в Синьцзяне определялась в контексте задач противостояния японской агрессии, обеспечения безопасности границ СССР и укрепления отношений с правительством Китайской Республики. Советский Союз был заинтересован в политическом единстве Китая, ибо только *единый* Китай мог противостоять Японии, развязавшей войну в этой стране осенью 1931 г. Советская дипломатия постоянно подчеркивала заинтересованность в сохранении Синьцзяна как неотъемлемой части Китайской Республики.

В связи с интересом научной общественности России и Китая к "синьцзянской" теме в отношениях СССР и КР мы публикуем документы, хранившиеся ранее в Архиве Президента РФ, в фондах Политбюро ЦК ВКП(б), а ныне в фондах РГАСПИ.

1. Директивы по работе в Синьцзяне, утвержденные ПБ ЦК ВКП(б) 03.08.1933 г.

2. Переписка И.В. Сталина с генеральным консулом СССР в Урумчи Г. Апресовым и Шэнь Шицаем по данному вопросу (1934 и 1937 гг.).

Одним из важнейших результатов советско-синьцзянских контактов в 1930-е гг. стало предложение правительства КР Советскому Союзу о совместной постройке шоссейной дороги от Ланьчжоу до советской границы, по которой с

Мировицкая Раиса Анатольевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

Ледовский Андрей Мефодиевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

осени 1937 г. начала направляться советская военно-техническая помощь сражающемуся с Японией Китаю.

Синьцзянская тема поднималась нами ранее. См.: Русско-китайские отношения в XX в. Т. IV; Советско-китайские отношения. 1937—1945 гг. Кн. 1. Док. № 516, 517 и 518, в комментариях к документам (документы о политике Шэнь Шицая после начала Великой Отечественной войны); О первом периоде правления Шэнь Шицая в Синьцзяне см. также рецензию академика С.Л. Тихвинского на статью Ли Цзягу “Анализ политики “дружбы” с Советским Союзом, дружбы с компартией Китая “первого периода правления в Синьцзяне Шэнь Шицая” (ПДВ. № 4. С. 17—19. См. также: Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая. М., 1999. С 187—197.

№ 1

1933 г., августа 3'. — Директивы по работе в Синьцзяне. Утверждены ПБ ЦК ВКП(б) 3.08.33 г. Протокол ПБ ЦК ВКП(б) № 143

(л. 5) ДИРЕКТИВЫ ПО РАБОТЕ В СИНЬЦЗЯНЕ².

1. Считать неприемлемым поддерживать лозунги и политику отделения Синьцзяна от Китая.

2. Считать полезным поддржание дружественных отношений с Урумчинским правительством, имея в виду сохранение провинциальной автономии, которой пользуется Синьцзян; улучшение методов китайской администрации в Синьцзяне; и в особенности, проведение той программы реформ, направленной к административной децентрализации и районному самоуправлению населяющих Синьцзян национальностей, которая декларирована урумчинским правительством в целях достижения // (л. 6) соглашения с руководством повстанческого движения (местное самоуправление, равенство национальностей, свободы слова, печати, союзов, выборность и т.д.).

3. Считать также возможным оказывать урумчинскому правительству, в случае его просьбы об этом, поддержку в борьбе с Ма Чжунином и другими дунганскими отрядами, представляющими собой реальный базис для планов превращения Синьцзяна в плацдарм антисоветской деятельности.

4. Считать нецелесообразным в данное время и в данных условиях поддерживать в районах движения, направленные к полному отделению от урумчинского правительства, занимая, однако, благоприятную позицию в организации более широкого местного самоуправления в тех районах, где нет оснований ожидать успеха деятельности английской или японской агентуры.

5. Учитывая роль, которую играют в Синьцзянской армии отряды А, Б и П, являющиеся, фактически, основной реальной вооруженной силой, считать обязательным проведение таких мероприятий, которые усилили бы наше влияние и контроль за их деятельностью.

6. Считать необходимым продолжать и укреплять наши торговые операции с Синьцзяном, имея в виду осуществить уже теперь тесную экономическую связь между Синьцзяном и Советским Союзом, добиваясь принятия как урумчинским правительством, так и районными национальными правительствами необходимых мер по созданию условий для нормальных торговых // (л. 7) операций и охраны наших товарных складов.

Считать необходимым скорейшее проведение в жизнь программы хозяйственных мероприятий, предложенных в записке т. Элиавы от 13.07.с/г.

7. Считать необходимым произвести социальную проверку деятельности наших торговых, финансовых и других организаций в Синьцзяне под углом зрения проверки выполнения ими решений ПБ от 10.04.31 г. и установления нормальных взаимоотношений с местным купечеством и администрацией.

8. Личный состав работников всех советских учреждений в Синьцзяне должен быть тщательно проверен и усилен ответственными и надежными людьми. На должность советского консула и торгового агента в столице Синьцзяне должны быть, в частности, назначены работники масштаба полпреда и торгпреда, назначаемых в страны активной дипломатической и торгово-политической работы. Для развертывания экономической работы хозорганов в Синьцзяне должны быть обеспечены достаточные материальные ресурсы.

9. Считать необходимым тщательно изучать политическую и социальную обстановку в Синьцзяне, чтобы обеспечить возможность правильной и своевременной оценки разворачивающихся в Синьцзяне событий и принятия мер, которые будут вытекать из складывающейся там обстановки. В частности, предложить заинтересованным ведомствам (РВСР, ОГПУ, НКВД уделить особое внимание наблюдению и изучению планов англичан и японцев в части Синьцзяна)³.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 502. Л. —7. Машинописный экз. Подлинник. Публикуется впервые.

№ 2

1934 г., июля 27⁴. — Письмо советского руководства (И.В. Сталина, В.М. Молотова, К.Е. Ворошилова) Шэнь Шицаю по вопросам советской политики в китайской провинции Синьцзян

(л. 12) Получил Ваше письмо от июня месяца 1934 года. Благодарим Вас за выраженные чувства дружбы. Рады, что дела в Синьцзяне идут теперь неплохо и мир восстановлен. Бесспорно, что без Ваших энергичных и настойчивых усилий Синьцзян не был бы умиротворен.

Мы привыкли говорить в лицо правду. Хотим сказать и Вам всю правду насчет содержания Вашего письма.

1. Мы считаем неправильным мнение о необходимости скорейшего осуществления коммунизма в Синьцзяне. Синьцзян страна отсталая, она не имеет еще промышленности, она почти не имеет рабочего класса, она в культурном отношении стоит на низком уровне. Задаваться целью скорейшего осуществления коммунизма в такой стране — значит обречь себя на неминуемый провал и поставить себя в смешное положение. Мы ни в коем случае не можем одобрить такую политику. В Синьцзяне можно осуществить только буржуазно-демократический режим, и то не сразу, а постепенно, путем неимоверных усилий и настойчивой работы в хозяйственной и культурной области. Это надо иметь в виду, чтобы не зарваться и не оказаться в положении человека, имеющего высокие цели, но провалившегося в своей практической работе.

2. Мы считаем также неправильным мнение о целесообразности для Синьцзяна свергнуть Нанкинское правительство. Какие бы ошибки ни были у Нанкинского правительства, оно все же находится на пути борьбы с внешними империалистическими врагами Китая. Теперь, когда империалисты отрывают от Китая провинцию за провинцией и стараются подчинить Китай своему влиянию, задача состоит в том, чтобы бороться против // (л. 13) всего того, что может осла-

бить Китай. Эта задача особенно актуальна для руководителей такой провинции, как Синьцзян, где китайцев мало и где существуют открытые тенденции отложиться от Китая. Нам думается поэтому, что борьба Синьцзяна за свержение Нанкинского правительства могла бы только ослабить силу сопротивления Китая против его империалистических врагов. Вот почему мы Вам советуем держаться в отношении Нанкинского правительства политики полной лояльности и единого фронта с ним в борьбе с империализмом.

3. Мы не согласны также с тем, чтобы Вы вступили сейчас в коммунистическую партию. Не согласны, так как, во-первых, это испортило бы Ваши отношения с Нанкином, а во-вторых, это облегчило бы борьбу против Вас империалистических агентов в Синьцзяне и всякого рода сепаратистов. Кто хочет быть коммунистом, тот всегда может быть таковым и не записываясь формально в партию. Если обстановка и целесообразность требуют от Вас воздержаться от вступления в партию, то Вы должны подчиниться необходимости ради дела освобождения Китая, зная, что не партийный билет делает человека коммунистом, а его действительная и фактическая преданность идее коммунизма.

4. Что касается нашего доверия к Вам, то мы должны сказать, что доверие проверяется делом, а мы уже доказали делом, своею помощью и советами, что полностью доверяем Вам.

Как видите, мы стоим целиком и полностью на почве той телеграммы, которую мы несколько месяцев тому назад направили Вам и указания которой мы просим Вас учесть в своей практической работе. //

(л. 14) Мы считаем свой долгом честно и прямо предупредить Вас, что мы можем и впредь поддерживать Вас и помогать Вам лишь в том случае, если Вы найдете возможным учесть наши замечания, изложенные в этом письме⁵.

Что касается устава Союза по борьбе с империализмом в Синьцзяне, то мы считаем его правильным, за исключением параграфа пятого о равноправии женщин, который советуем изъять из устава. Мы считаем, что в условиях отсталого Синьцзяна с преобладающим мусульманским населением этот параграф является преждевременным.

По всем остальным вопросам наше мнение будет Вам передано товарищем Сванидзе⁶.

Москва, 27.07.34 г.⁷

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 323. Л. 12—14. Машинописный экз. Подлинник. Публикуется впервые.

№ 3

1. Письмо советского руководства (И.В. Сталина, В.М. Молотова, К.Е. Ворошилова) генеральному консулу СССР в Урумчи и советнику Шэнь Шицзя Г.А. Априсову¹ о необходимости разъяснения Шэнь Шицзяю политики СССР в Китае²

(л. 1) Вашу телеграмму о красном уголке у Шэня и разговоры о возможности советизации Синьцзяна считаем тревожными. Разъясните дубаню, что:

Первое — СССР стоит твердо и непоколебимо на точке зрения целостности Китая и никаких территориальных претензий ни прямых и ни косвенных в отношении Китая не имеет.

Второе — мы поддерживаем и намерены поддерживать Шэня только потому, что считаем территориальную целостность Китая целесообразной и желательной не только с точки зрения Китая, но и с точки зрения СССР.

Третье — СССР является одной из немногих, если не единственной страной, которая поддерживает и будет поддерживать Китай в его борьбе за независимость против всех и всяких махинаций японцев, англичан и других империалистических государств, и пока Шэнь будет вести борьбу против японских и других иностранных империалистических агентов вроде Манчжуина, он может рассчитывать на поддержку СССР.

Четвертое — советизация Синьцзяна в какой бы то ни было форме, как Вы правильно утверждаете, не входит в наши планы и мы считаем опасной всякую мысль о советизации Синьцзяна и присоединении его к советским районам Китая.

Пятое — мы высказываемся также против таких экономически-торговых отношениях между СССР и Синьцзяном, которые могли бы нанести малейший ущерб интересам Синьцзяна. Наши экономические отношения должны покоиться на обоюдной хозяйственной выгоде и только на этом.

(л. 2) Шестое — если хозяйственные и политические агенты в Синьцзяне допустят такие шаги, которые противоречат указанной выше установке СССР, пусть Шэнь сообщает нам об этом немедленно, чтобы мы могли исправить вольные или невольные ошибки наших агентов.

Седьмое — считаем нужным отметить, что Ваши разъяснения, данные Шэню, совпадают с нашей установкой и не сомневаемся, что эта установка будет проводиться и впредь со всей точностью.

Восьмое — просим эту телеграмму прочесть текстуально дубаню Шэню.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 323. Л. 1—2. Машинописный экз. Публикуется впервые.

№ 4

1934 г., июля 27¹⁰. — Письмо И.В. Сталина генеральному консулу СССР в Урумчи Г.А. Апрезову о советской политике в китайской провинции Синьцзян и письме Шэнь Шицая, направленном в Москву

(л. 22) Письмо Шэнь Шицая произвело на наших товарищей удручающее впечатление. Его мог написать либо провокатор, либо безнадежный “левак”, не имеющий представления о марксизме. Как могло случиться, что Шэнь, имеющий такого советника, как Вы, мог написать нам (мне, Молотову и Ворошилову) такое письмо?

Мы посылаем Шэню подобающий ответ, а т. Сванидзе передаст Вам копию нашего ответа.

Вы должны разъяснить Шэню смысл нашего ответа и принять меры к тому, чтобы указания, данные в нашем ответе, были приняты к руководству.

Предупреждаю, что если наши указания не будут учтены, мы будем вынуждены отказаться от помощи Шэню.

Устав союза неплох, но § пятый о “равноправии” женщин не подходит для синьцзянских условий и должен быть выкинут.

Привет!

И. Сталин

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 323. Л. 22. Копия. Машинописный экз. Публикуется впервые.

№ 5

1934 г., ноября 1¹¹. — Письмо дубаня Шэнь Шицзя советскому руководству

(л. 26) Ваше письмо от 27 июля мною получено через председателя Комиссии Сванидзе.

Я глубоко благодарен за ваше руководство и помощь по обеспечению мира в Синьцзяне. Я счастлив потому, что вожди мировой революции не отказывают мне в советах, которые я считаю для себя обязательными и принимаю их как указания и директивы.

Данные вами мне указания безусловно правильны и я искренне принимаю их к исполнению. Синьцзян в данном этапе его развития полностью соответствует вашей оценке, являясь страной с феодальным обществом, с отсталой культурой и промышленностью. Здесь еще не может быть и речи о какой-либо пролетарской базе и потому нельзя рассчитывать на осуществление коммунизма. С этим указанием я полностью согласен.

Я также вполне согласен с вашим указанием на неправильность мнения о целесообразности для Синьцзяна свергнуть Нанкинское правительство. Нанкин еще стоит на антиимпериалистическом пути. Империализм — единственный враг угнетенных национальностей и для свержения его мы должны быть в союзе со всякой антиимпериалистической силой с тем, чтобы повести решительный бой с империализмом. Если Нанкинское правительство никогда не перейдет в лагерь империалистов и не станет авангардом империализма, противодействующим нашей стране, несущим гнет и стремящегося уничтожить антиимпериалистические силы, то я, конечно, буду ему полностью и искренне подчиняться.

Ваше указание по вопросу о моем вступлении в партию я признаю несомненно правильным. Я сознаю, что данная политическая обстановка этого не позволяет, но в себе я уверен и прошу вас также верить, что я являюсь преданным и убежденным последователем марксизма-ленинизма. Я уверен в том, что партия даст мне возможность со временем стать ее членом, ибо я стремлюсь получить организованное политическое воспитание для более лучшей моей работы. //

(л. 27) Я чрезвычайно счастлив и весьма благодарен за ваше доверие ко мне. Моя работа здесь доказывает, что я полностью принял и выполняю ваши указания, обеспечивающие правильность осуществляемой мною политики. Все ваши указания, изложенные в телеграмме и письме, я действительно отчетливо понял и работаю над их выполнением.

Пятый параграф устава антиимпериалистического союза, говоривший о необходимости равноправия женщин, по вашему указанию, нами исправлен.

Культурно отсталый Синьцзян и после разгрома империалистического агента Ма Чжуина не смог бы справиться с труднейшей задачей строительства страны, если бы не ваша поддержка, предоставление Синьцзяну займа и составление планов окончательного развития страны — специалистами, членами Комиссии, возглавляемой Сванидзе. Поэтому я выражаю вам свою глубокую благодарность за помощь, без которой синьцзянское народное хозяйство не может получить должного развития. Все ваши указания я искренне принимаю к исполнению, ибо я в работе стою на марксистско-ленинской точке зрения, являюсь убежденным сторонником марксизма-ленинизма и мое искреннее желание состоит в том, чтобы Вы всегда руководили мною.

Заканчивая, я обращаюсь к вам с искренней просьбой о том, чтобы вы разрешили мне приехать в Москву совместно с генеральным консулом Апрессо-

вым, который в ближайшее время намеревается выехать в Москву для лечения. Это свое стремление я хотел бы осуществить не с целью обычной образовательной поездки, но, надеюсь, что смог бы лично вам представиться и получить от вас лично необходимые указания, а также ознакомиться с достижениями в строительстве СССР. Все это даст мне еще больше продуктивности и способности в дальнейшей моей работе¹².

Я выражаю свою глубокую благодарность за ваше внимание ко мне и ваш подарок. Я также прошу принять от меня небольшой подарок в знак благодарности и внимания.

Надеюсь, что более подробно о нашей жизни, работе и чаяниях расскажет председатель Комиссии Сванидзе. //

(л. 28) В конце своего письма считаю своим глубоким долгом выразить вам благодарность за присылку Сванидзе, который, будучи сам с Востока, сумел понять нас и оказать нам большую помощь. Я надеюсь, что планы, начертанные им, будут претворены в жизнь. Приезд Комиссии Сванидзе сыграл большую роль в деле укрепления Провинциального правительства, за что я и мои ближайшие сотрудники выражаем вам безграничную признательность.

Особо считаю необходимым отметить роль Апресова, который, будучи верным вашим учеником, был для нас незаменимым другом, советником и товарищем. Мы не забудем его заслуг в деле умиротворения, объединения и установления полного мира в Синьцзяне. Работая с ним дружно рука об руку, я надеюсь полностью проводить в жизнь все ваши указания¹³.

Желаю вам здоровья.

Преданный марксизму-ленинизму и Сталину и осуществляющий полностью ваши указания.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 323. Л. 26—28. Копия. Машинописный экз.

№ 6

1934 г., ноября 7¹⁴. — Письмо генерального консула СССР в Урумчи Г.А. Апресова И.В. Сталину о дубане Шэнь Шицае

(л. 29) Чрезвычайно был рад Вашему письму, хотя и полному упреков. Рад и благодарен, что Вы уделяете свое дорогое время нашим синьцзянским делам.

Вы спрашиваете, как мог Шэнь-дубань, имея такого советника как я, написать Вам такое письмо. К сожалению моя вина, что я не изложил Вам всю долгую историю этого письма: письмо было написано Шэнем-дубанем давно и передано мне для предварительного ознакомления месяца за три до отправки Вам. Письмо было мною забраковано и вопреки его настояний задержано и Вам не отправлено. На этой почве у меня с Шэнем-дубанем были бесконечные споры. С того времени как у нас с ним установились отношения, не было ни одного моего совета, предложения, которые он не принял бы. Единственный вопрос, из-за которого у нас было расхождение — это вопрос о его стремлении вступить в партию и о посылке Вам этого злополучного письма. Задержка письма сильно нервировала Шэнь-дубаня, в этом он видел доказательство нашего недоверия к нему. Зная его сугубо мнительный, ко всему и всем крайне подозрительный характер, я, скрепя сердце, во избежание дальнейшего ухудшения наших отношений вернул без каких-либо поправок письмо, которое он, дополнив рядом новых пунктов, отправил Вам. Шэнь-дубань не глупый, развитой, толковый и хорошо ори-

ентирующийся в обстановке человек. Как я и ожидал, Ваш ответ, посылка Вами и т.т. Молотовым и Ворошиловым ему фотокарточек, возымели на него нужное действие и он, успокоившись, взялся за работу, заявив мне, что не оставляет надежды в будущем вступить в партию. Он сейчас усиленно работает над собой, штудирует классиков марксизма и я заочно вижу как этот человек изо дня в день растет. Что он из себя представляет расскажет Вам подробно тов. Сванидзе. В оценке Шэнь-дубаня, да всей нашей здесь обстановки у меня с т. Сванидзе нет никаких разногласий. Шэнь-дубань шлет Вам свой ответ. В искренности его отношений к нам у нас пока нет оснований сомневаться. У нас также нет никаких оснований ему не верить, // (л. 30) но вместе с тем мы не теряем и не должны терять нашей бдительности. Последнее необходимо, в особенности, учитывая стремление Чан Кайши и др. китвождей и деятелей перетянуть Шэнь-дубаня на свою сторону. За последнее время в этом направлении проявляется большая активность. Считал бы, в интересах дела, не бесполезным удовлетворить его просьбу и разрешить ему под видом лечения поехать в Москву, тем более что по состоянию здоровья ему необходима небольшая операция. Поездка его на короткое время на деле не отразится. За последнее время положение Правительства и особенно его заметно укрепилось, чему, в частности, значительно способствовал приезд тов. Сванидзе и та большая работа, которую он здесь проделал. Шэнь-дубань и все члены правительства не раз официально приносили благодарность за работу тов. Сванидзе и устроили ему весьма теплые проводы. Рад и благодарен и я его приезду и той помощи, которую он оказал в работе. Сейчас необходимо утвердить мероприятия, намеченные комиссией тов. Сванидзе и приступить к их быстрой реализации. Без Вашего, хотя бы периодического внимания, будет трудно продвигать синьцзянские дела. Что бы мы для Синьцзяна ни делали, оправдывается его значением для нас, ибо Синьцзян помимо его основного политико-стратегического значения, является богатейшим районом и может стать для нас сырьевой и мясной базой. Разработка неисчерпаемых сказочных богатств сулит Синьцзяну богатейшую перспективу. В случае нужды углем и нефтью Синьцзяна мы сумели бы покрыть потребности не только Турксиба, но и среднеазиатских республик и Западной Сибири. В Синьцзяне известны 25 районов, где имеется золото. Разработка олова, радиевых и прочих ценных и редких нужных нам руд вернут те вложения, которые нами намечаются, и оправдают ту помощь, которую мы оказываем синьцзянскому правительству. Подробно о всех наших делах здесь и настроениях расскажет тов. Сванидзе, который достаточно полно ознакомился с нашими делами.

Еще раз благодарю за внимание, оказываемое Вами нашей здесь работе и прошу разрешения в случае задержки в проведении в жизнь // (л. 31) решений П.Б., а такие имеют место, непосредственно обращаться к Вам.

С товарищеским приветом.

П.С. Пользуясь случаем, считаю своим долгом особо обратить Ваше внимание на исключительную медлительность в выполнении решений П.Б. по хозяйственным вопросам. Если внимание к Синьцзяну со стороны хозяйственных ведомств будет и впредь таким, каким оно было до сих пор и не будет коренным образом перестроена их работа (в духе предложений комиссии тов. Сванидзе, разработанных вместе с нами в Урумчи), то может случиться, что наши политические успехи не только не будут закреплены, но и сведены на нет.

№ 7

1937 г., ноября 10¹⁵. — Письмо дубаня Шэнь Шицай В.М. Молотову с благодарностью за помощь в стабилизации политической ситуации в Синьцзяне

(л. 161) Представляю письмо, панно и фотокарточку Шэн Шицай, присланные на Ваше имя. //

(л. 162) Благодаря занятости работой, давно не имел возможности написать Вам письмо.

События на юге Синьцзяна чуть было не нарушили мир в провинции, который продолжался в течение последних нескольких лет. Нарушить мир хотели империалисты. Благодаря Вашей всесторонней дружеской помощи, благодаря помощи со стороны особых частей, снова восстановлен мир в Синьцзяне. В настоящее время полностью ликвидирована 36-ая дивизия на юге Синьцзяна¹⁶. Интриги империалистов разрушены, народы всех национальностей Синьцзяна снова получили мир и возможность спокойной жизни. Они смогут продолжать мирное строительство. За все это не только я лично благодарен Вам, но, представляя четырехмиллионное население 14-ти национальностей Синьцзяна, благодарю Вас от их имени.

Недавно в Урумчи открыт заговор. Заговорщики, в том числе и троцкисты, уже почти все арестованы. Народы всех национальностей провинции горячо приветствуют мероприятия Правительства по отношению к заговорщикам. Власть шестипринципной политики в Синьцзяне и мир в провинции еще более укрепились.

Народы всех национальностей Синьцзяна будут вечно глубоко помнить о помощи, которую Советский Союз дружественно оказывал им в прошлом и в настоящем.

Я лично последовательно и решительно осуществляю политику шести принципов и всеми силами стараюсь сохранить мир в провинции и проводить строительство нового Синьцзяна. Я стремлюсь превратить Синьцзян в одну из образцовых провинций Китая, чтобы она стала одним из крепких звеньев в дружбе между Китаем и СССР и превратилась в одну из сильных крепостей борьбы против империализма и фашизма.

Вы являетесь передовым революционером во всем мире и руководителем правительства великого Советского Союза. Я искренне прошу Вас давать мне свои советы, которые будут полезны в моей практической работе.

Советник Шанин по болезни возвращается в Москву. Он может ознакомить Вас с обстановкой в Синьцзяне.

Посылаю Вам свою фотокарточку и вышитое панно.

Желаю Вам всего хорошего.

Шэнь Шицай

РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1238. Л. 162. Подлинник. Машинописный экз. На рус. и кит. яз.

1. Документ напечатан на служебном бланке ПБ ЦК ВКП(б). Строго секретно. Далее пометы: № ПБ 199. 1.VIII.1933 г. Членам и кандидатам Политбюро: т.т. Андрееву, Ворошилову, Кагановичу, Калинин, Куйбышеву, Микояну, Молотову, Сталину. По поручению тов. Сталина посылается Вам на голосование (слова: на голосование зачеркнуты) предложение комиссии т. Ворошилова (т. Ворошилова зачеркнуто) о Синьцзяне.

- Утвердить предложение комиссии (написано чернилами) зав. СО ЦК А. Поскребышев, т. Ворошилов. Как следует из записи голосование было единогласным.
2. Проект директивы был подготовлен в аппарате НКВД СССР и подписан куратором дальневосточного направления НКВД СССР, заместителем наркома иностранных дел Г.Я. Сокольниковым. Проект директивы НКВД полностью будет опубликован в публикации РКО в XX в. Т. 3 (док. от 19 июня).
 3. К директивам было приложено Приложение к постановлению ПБ ЦК ВКП(б) о торгово-политических взаимоотношениях с Синьцзяном. Документ (на 4 л.) будет полностью опубликован в РКО в XX в. Т. 3.
 4. См. док. № 7.
 5. О советской политике в Синьцзяне см. РКО в XX в. Т. 4, кн. 1. Л. 153 (Из беседы И.В. Сталина с главой делегации КР генералом Ян Цзэ на переговорах в Москве о военной помощи СССР Китаю в антияпонской войне). О советской политике в Синьцзяне см. также: Р.А. Мировицкая. Советский Союз и Китай в период разрыва и восстановления отношений (1928-1936 гг.) М. 1975. Инф. Бюлл. ИДВ АН СССР. Глава 5. Синьцзян в советско-китайских отношениях. С. 108-125.
 6. Сванидзе был Председателем комиссии по Синьцзяну в 30-ые гг.
 7. На л. 14. подпись-автограф И. Сталин, подпись-автограф В. Молотов, подпись-автограф К. Ворошилов. Москва. 27.07.34 г.
 8. Г.А. Апресов, генеральный консул СССР в Урмчи в 193—1937 гг.
 9. Письмо было направлено в связи с посланием Шэнь Шицай в июне 1934 г. в Москву, в котором дубань писал о своих планах по советизации Синьцзяна и о его намерениях вступить в ВКП(б). Об этом см.: РГАСПИ. Ф. 558., см. также: РКО в XX в. Т. 4. Кн. 1, док. № 516.
 10. См. док. 2, 3, 4.
 11. Ответ на письмо из Москвы от 27 июля 1934 г. Над текстом, на л. 26: Копия.
 12. Шэнь Шицай посетил Москву в 1938 г. и был тепло встречен советским руководством. См. Ледовский А.М. Указ. соч. С. 187—197.
 13. В ноябре 1934 г. состоялось совещание в НКВД СССР, посвященное вопросам развития советско-китайских отношений, было решено считать политически важным установление формально более дружественных отношений между Чан Кайши и Шэнь Шицаем (АВП РФ. Ф. 09. Оп. 21. П. 78. Д. 23. Л. 6), а дубаню было разъяснено, что его главной задачей является укрепление Синьцзяна в составе единой Китайской Республики. Фрагменты письма (3-й абзац, часть 4-го абзаца) были опубликованы в ук. выше книге Р.А. Мировицкой. С. 120—121. — Р.М.
 14. Над текстом, на л. 29: Лично от г. Апресова. На л. 31 подпись-автограф: Г. Апресов.
 15. Письмо на рус. и кит. яз., сопроводительная записка на служебном бланке НКО СССР. Разведывательное управление. 1 января 1938 г. № 171046сс. Сов. секретно. Экз. № 1.
 16. См. РКО в XX в., ук. соч. Т. 4. Кн. 1. Л. 153.

Русские в Китае

Русские ученые и исследование растительного мира Маньчжурии

© 2007

Е. Таскина

На центральной площади Нанган (бывшего Нового города) с начала XX в. стоит большое двухэтажное здание с бросающимися в глаза аркадами окон верхнего яруса и двумя куполами. Первоначально оно было призвано служить торговому делу и получило название "Московских торговых рядов", но с годами его стали называть "Краеведческим музеем", хотя собственно музей занимал всегда лишь часть этого строения.

Основанный одновременно с Обществом изучения маньчжурского края (ОИМК) в 1922 г. русскими учеными-краеведами, при активном содействии управляющего КВЖД Б.В. Остроумова, Музей был в своем роде центром по изучению этнографических и природных реалий края. В его залах и запасниках до сих пор хранятся коллекции десятков тысяч образцов флоры и фауны Северо-Востока Китая, которые были собраны и систематизированы русскими учеными. Результатом их научных исследований и открытий являются и многочисленные статьи, которые, начиная с 1909 г., в течение полувека появлялись на страницах журналов, издававшихся на русском языке ("Вестника Азии", "Вестника Маньчжурии"), а также сборников научных трудов ОИМК, Клуба естествознания и географии (ХСМЛ), Организации исследователей-пржевальцев и др.¹. Работы отдельных ученых в последние годы существования "русского Харбина" выходили и на китайском языке.

Сведения о жизни и деятельности этих русских ученых, которые бескорыстно, с увлечением проводили недели и месяцы в экспедициях по сбору образцов растительного мира, занимались их систематизацией и изучением, дошли до нас в основном благодаря публикациям харбинцев — экономиста и географа В. Жернакова и ученого-ботаника А. Баранова, в последние годы своей жизни работавших на Западе.

Настоящим старожилом Харбина, прожившим в Китае около 60 лет, можно назвать ученого-ботаника **Бориса Васильевича Скворцова** (1896—1980). Автор около 400 научных работ, опубликованных на разных языках, ученый, имевший мировую известность уже в 1920-х гг., он имел много учеников и последователей. В Маньчжурию будущий ботаник попал в первые годы существова-

ния КВЖД. (Его отец, Василий Александрович Скворцов, кандидат права, возглавлял Пограничный суд до 1920 г., когда русские судебные учреждения в Китае были ликвидированы, а позднее был советником при Китайской судебной палате). Интерес к природе у Б. Скворцова проявился с детских лет, и ботанические сборы он делал уже в школьные годы. Его первый гербарий был выставлен в 1913 г. в Хабаровске на выставке в память 300-летия Дома Романовых. Свои ботанические работы в Маньчжурии он вел под руководством лесоведа Б.А. Ивашкевича, впоследствии профессора и директора Дальневосточного лесного института во Владивостоке.

Окончив гимназию в Харбине, Б.В. Скворцов уехал учиться в С.-Петербург, где в 1914 г. поступил на Естественное отделение Санкт-Петербургского университета. Там он изучал низшие растения под руководством известного русского ученого, знатока дальневосточной флоры проф. Б.Л. Комарова². Будучи студентом, в период летних каникул Б. Скворцов дважды приезжал в Харбин, где изучал болотистую низину р. Сунгари и собирал коллекции водорослей. Результаты этой работы были описаны в 1916 г., но увидели свет только через 11 лет в "Трудах Сунгарийской речной биологической станции" в 1927 г. В университете он также выступал с докладом о своих изысканиях в окрестностях Харбина, который в виде статьи был напечатан в "Журнале микробиологии" в 1917 г.

После октябрьских событий 1917 г. Борис Васильевич оставил мысль о продолжении высшего образования и вернулся в Харбин. Один год он провел на юге Китая, в Фучжоу, где проживала его сестра. Там он знакомился с китайским земледелием и огородничеством (его внимание привлекла культура водяного риса и овощей на бамбуковых плотках на р. Миньцзян, в канавах и прудах).

Возвратившись в Харбин, он стал интенсивно изучать культурные и дикорастущие растения Северной Маньчжурии. Вступил в Общество русских ориенталистов (ОРО), где в 1919 г. прочитал цикл докладов на тему: "Растения и растительные продукты, имеющие экономическое значение в Китае". В этом же году начинается его педагогическая деятельность: вплоть до продажи КВЖД Б.В. Скворцов преподавал естественные науки в Харбинских коммерческих училищах КВЖД и в одной из железнодорожных школ.

"Живой и энергичный человек, — пишет о нем А.Т. Баранов, — он выделялся среди харбинских педагогов-естественников своими крайне разносторонними научными интересами и необычайной исследовательской активностью. В Харбине не было ни одной краеведческой организации, в делах которой он бы деятельно не участвовал. Единственный из всех местных краеведов-ботаников Борис Васильевич имел научную библиотеку с более чем двумя тысячами разных ботанических изданий"³.

В 1920-е гг. Б.В. Скворцов заведует ботаническим участком музея ОИМК, проводит экскурсии с учащимися, например, на ст. Метайцзы (на озерах), где росли гигантские кувшинки. В эти годы он публикует работы: "Фауны и флора Маньчжурии и русского Дальнего Востока" (1922), "Гигантская кувшинка Сунгарийских озер" (1925), "Полевые и культурные растения Северной Маньчжурии" (1926), "Маньчжурская пшеница" (1929), "Дикая и культурная соя Восточной Азии" (1927). В 1924 г. была учреждена Сунгарийская речная биологическая станция, которая, как и Ботанический опытный сад, работала в тесной связи с Музеем, где продолжал вести свою исследовательскую работу Б.В. Скворцов.

В 1930 г. он публикует ряд интересных статей в "Вестнике Маньчжурии": "Изменение растительности окрестностей Харбина" (№ 4), "Растительность

Барги" (№ 6), "Растительность восточных предгорий Большого Хингана" (№ 10), а также в 1931 г.: "Растительность маньчжурской равнины" (№ 1), "Растительность низовьев долины р. Ашихэ" (№ 4).

Следует отметить и очень важную работу Б.В. Скворцова по изучению, сбору и снабжению харбинских аптек лекарственными растениями.

Ученый имел международную известность как специалист по диатомовым водорослям — он получал коллекции этих растений для определения и описания из разных стран мира и вел переписку с рядом русских и иностранных ученых. Альгология, несмотря на разностороннюю деятельность ученого-ботаника, всегда оставалась основной его специальностью. Он первый стал изучать водоросли Маньчжурии.

В 1940-х гг. Б.В. Скворцов продолжает активно работать не только как ученый-исследователь, но и как практик. Став членом Клуба естествознания и географии ХСМЛ, он принимает участие в устройстве выставок цветов, плодов и овощей, продолжает педагогическую деятельность в русских средних школах, проводит экскурсии, читает лекции. В конце 1940-х гг. ведет кружок любителей-садоводов в Питомнике.

В период 1950—1962 гг., когда русские жители Харбина стали постепенно разъезжаться, Б.В. Скворцов продолжал работать, занимаясь не только исследованием растительного мира этого края, но и систематизацией всех имеющихся материалов. В эти годы он был связан с китайскими научными институтами, в том числе, с Лесной академией, где стал работать как инструктор по ботанике с начинающими преподавателями. За это время ученый составил 6 отчетов на русском, английском и латинском языках с описанием 5000 видов водорослей, многие из которых были неизвестны науке и впервые описаны Борисом Васильевичем¹. В этот же период Б.В. Скворцов принимал участие в составлении книги "Древесные растения Северо-Восточного Китая", изданной на китайском языке (1955).

В 1962 г. ученый, прожив большую часть своей жизни в Харбине, покидает Китай и уезжает в Бразилию В Сан-Паулу Борис Васильевич поступил на работу в Ботанический институт в качестве альголога и продолжал изучение жгутиковых. За годы работы в Бразилии он описал более 1000 видов этих микроскопических организмов.

Большой русский ученый, обладавший необыкновенной работоспособностью и преданностью науке, в течение всей своей жизни занимавшийся исследованием флоры Северо-Востока Китая, Борис Васильевич Скворцов скончался в Сан-Паулу 25 июня 1980 г.

Значительный след в изучении природы Северной Маньчжурии оставил геоботаник, агроном и почвовед Тарас Петрович Гордеев (1875—1967). Жизнь и научная деятельность этого краеведа старшего поколения "русского Харбина" была тесно связана с Музеем и ОИМК. Он также был известен как преподаватель природоведения в русских средних школах, в частности в Гимназии ХСМЛ.

Т.П. Гордеев родился в С.-Петербурге и с пятилетнего возраста жил в Харькове. После окончания средней школы поступил в Ново-Александровский институт сельского хозяйства и лесоводства. В студенческие годы интересовался ботаникой, почвоведением и экспериментальной агрономией. В 1898 г. он закончил институт со званием ученого агронома первого разряда.

До приезда в Харбин Т.П. Гордеев ведет разнообразную деятельность по исследованию почв в разных регионах России, собирает гербарий, публикует свои работы по ботанико-географическому исследованию в Саратовской и Аст-

раханской губерниях, много путешествует, организывает ботанический сад в Воронеже, принимает участие в Первом всероссийском съезде ассоциации естествоиспытателей, где выступает с докладами, преподает естествознание в Никольск-Уссурийске.

В октябре 1922 г. Т.П. Гордеев покинул Никольск-Уссурийск и через Владивосток, Шанхай и Тяньцзинь прибыл в Харбин, где получил предложение организовать ботанический сад при опытном поле КВЖД. В 1923 г. началась его педагогическая деятельность: он получил должность преподавателя в Городском железнодорожном училище КВЖД, где проработал до 1925 г., а затем стал преподавателем в Гимназии ХСМЛ. Будучи известным специалистом по природоведению, он до своего пенсионного возраста имел контакт со всеми школьными коллективами "русского Харбина" и как преподаватель, и как организатор различных экскурсий на природу.

Автор этого очерка по своим школьным годам, как и многие представители молодого поколения "русского Харбина", хорошо помнит этого удивительно скромного, увлеченного своим предметом учителя. Он как-то очень просто умел прививать своим ученикам любовь к природе. Контраст между внешним обликом этого одинокого, скромно одетого пожилого человека и его богатейшим жизненным опытом и знаниями оставил большое впечатление на всю жизнь⁵.

Помимо школы, в его жизни большое (а может быть, и основное) место занимала исследовательская и общественная деятельность: он состоял членом ОИМК, работая в секции ботаники; занимался делами Ботанического сада ОИМК, читал доклады в краеведческих объединениях, принимал участие в научных экскурсиях. По данным его биографа В.Н. Жернакова⁶, только в 1927 г. И.П. Гордеев совершил 13 экскурсий в окрестности Харбина, по долине р. Сунгари. Во время экскурсий он изучал растительность и почвы долины реки и собирал гербарий и почвенно-геологические образцы.

К периоду 1920-х гг. относятся и почвенно-ботанические исследования Т.П. Гордеева в районе полосы отчуждения КВЖД. В первый же год исследований ему удалось совершить поездки до конечных пунктов по всем трем линиям КВЭЖ. "Благодаря этим экскурсиям, — писал Т.П. Гордеев, — довольно отчетливо наметилась общая картина распределения различных почвенных типов вдоль всей линии КВЭЖ, а также выяснилось, что почвы Северной Маньчжурии гораздо разнообразнее и оригинальнее, чем это предполагалось в начале исследований"⁷. Материалы по описанию почв Северной Маньчжурии были завершены в середине 1920-х гг., а затем, по данным В.Н. Жернакова, продолжились с 1942 по 1962 г. В то время Т.П. Гордеев уже был заведующим Отделом сельского хозяйства и лесоводства и геоботаником Музея Хэйлуньцзянской провинции. Результаты этой работы были описаны в ряде статей под общим заголовком: "Материалы по изучению почв и растительных сообществ Маньчжурии"⁸. После закрытия китайскими властями ОИМК в конце 1928 г. Тарас Петрович принимал участие в работе клуба естествознания и географии ХСМЛ — он был членом-учредителем и вице-председателем клуба со дня основания до момента прекращения его деятельности в 1946 г. Он руководил ботаническими экскурсиями клуба (в Ачэн, на станции Сунгари и Таолайчжао, в район Зотовской протоки у Харбина, на ст. Ченгауз, а также на ст. Мяотайцзы) с целью ознакомления с водной растительностью.

Летом 1942 г. И.П. Гордеев был командирован Выставочным комитетом большой харбинской выставки в район станции Яблоня и на станцию Маоэршань

для составления гербария местных медоносов. Задание это было выполнено, и часть материалов была выставлена в Русском отделе выставки. В 1950 г. Т.П. Гордеев совместно с В.Н. Жернаковым по приглашению проф. Сун Дацюаня принял участие в экспедиции по изучению почв Северо-Восточного Китая и Автономного района Внутренняя Монголия. В результате этой экспедиции были собраны почвы и гербарий, а позднее опубликован отчет о поездке.

Невозможно перечислить все экспедиции и экскурсии, совершенные Тарасом Петровичем по территории Северо-Востока Китая с научными целями. Попутно он собирал информацию по этнографии и палеонтологии, интересовался вулканами. Однако основное внимание ученого и педагога было уделено исследованию растительного мира и почв Маньчжурии, а также вопросам экологического образования молодежи: только на эти темы им опубликовано (в том числе и с соавторами) около 40 работ, среди которых не менее десятка статей — на китайском языке в Пекинском журнале "Материалы по экологии и геоботанике" (1955, № 3; 1956, № 5; 1957, № 2, 11). В списке научных работ находим и статьи, изданные за рубежом.

Тарас Петрович совершил путешествия в ряд других стран. Он два раза был в Японии, в 1912 г. совершил пятидесятидневное плавание из Одессы через Босфор, Суэцкий канал и вокруг полуострова Индостан — во Владивосток. Случилось так, что свое последнее дальнее путешествие уже в престарелом возрасте, он совершил в Бельгию, где и скончался в Доме для престарелых г. Жолимон в 1967 г. Он не имел семьи, но не был замкнутым человеком — вокруг него всегда была молодежь. Кроме того, он поддерживал научные связи с известными учеными: с профессором Б.Л. Комаровым, с Н.К. Рерихом (принимал участие в его экспедиции в Баргу в 1934 г., где вел почвенно-геоботанические исследования).

У Тараса Петровича были ученики и последователи. Среди них — ботаник **Иннокентий Валерианович Козлов** (1898—1984). Будучи учащимся Реального училища в Никольск-Уссурийске, И.П. Козлов познакомился с Т.П. Гордеевым, тогда — преподавателем естествознания Учительской семинарии, и увлекшись его рассказами о природе, с 1912 г. начал собирать растения в окрестностях города, а затем и в других районах Приморья. Вместе с И.П. Гордеевым он уезжает из Никольск-Уссурийска в Харбин в 1922 г., где начал свою деятельность как ботаник на сельскохозяйственном опытном поле на ст. Эхо (восточная линия КВЖД). В Харбине И.В. Козлов принимал активное участие в ОИМК, работал в Музее, на ботаническом участке и сунгарийской биологической станции. В начале 1930-х гг. Иннокентий Валерианович переселился во Внутренний Китай, где продолжал работать в качестве ботаника (в Тяньцзине и Шанхае). Из Шанхая после окончания Второй мировой войны он уехал в США — жил в Сиэтле, а затем — в Сан-Франциско, где и скончался. Научное наследие этого увлеченного ботаника-практика составляют свыше десятка печатных работ о растениях Приморья, Маньчжурии и Китая, опубликованных, главным образом, в Харбине, в изданиях ОИМК и Католической Миссии в Китае. Проживая в США, он неоднократно выступал в русской печати со статьями о природе Дальнего Востока.

Самым молодым из плеяды русских краеведов-ботаников, закладывавших фундамент современных знаний о флоре Маньчжурии, был **Андрей Ипполитович Баранов** (1917—1987), сын известного ученого-китаеведа И.Г. Баранова. Он родился в Харбине, после окончания средней школы поступил на Юридический факультет, который успел окончить до его закрытия в 1937 г. Однако еще со школьной скамьи он больше интересовался ботаникой и стал активно участво-

вать в природоведческих и краеведческих организациях, в частности, в Организации исследователей-пржевальцев. Под влиянием Т.П. Гордеева и Б.В. Скворцова начал серьезно изучать естественные науки, поступил в Пекинский университет на отделение ботаники. Обстоятельства не позволили ему продолжить образование, и А.И. Баранов вернулся в Харбин, где до 1950 г. работал в Харбинском краеведческом музее, а затем в качестве научного сотрудника — в Институте лесного хозяйства и почвоведения Академии наук Китая. В 1980-х годах он уезжает в США, где работает в Гербарии Гарвардского университета, затем поступает в аспирантуру на кафедру биологии растений и получает степень магистра естественных наук. Стал членом ряда американских научных обществ. За время своей научной деятельности А.И. Баранов опубликовал свыше 120 работ по специальности, перевел более 30 ботанических трудов с русского на английский. Большинство его работ относится к систематике растений, употребляемых в народной и научной медицине Китая и России. Одной из первых его работ, опубликованных еще в Харбине, является статья “К изучению Хуан-шаня под Харбином”, напечатанная в сборнике научных трудов Организации исследователей-пржевальцев (1942). Помимо наиболее известных его трудов, изданных в Америке (“Справочник латинского языка для ботаников-таксиномистов” (1971) и “О семействе бегониевых” (1981), хочется отметить его труды по истории русского краеведения в Маньчжурии: “Русские краеведы в Маньчжурии” (Сб. Харбинского коммерческого училища КВЖД. Сан-Франциско, 1959. № 6) и “Харбин как центр краеведческой работы русских в Маньчжурии”. Ч. 1 (Журн. “Политехник”. Сидней, 1989. № 12).

В последней из указанных выше работ А.И. Баранова отмечается, в частности, сколько нового внесли в сельское хозяйство Северной Маньчжурии русские агрономы и ботаники, работая на опытных полях Маньчжурского сельскохозяйственного общества, а затем и Ботанического сада в тесной связи с ОИМК и Краеведческим музеем. Благодаря их исследованиям и селекционной работе, в Маньчжурии впервые появились новые сельскохозяйственные культуры: сахарная свекла, помидоры, хрен, укроп, репчатый лук, лен. Они же первые наладили в Маньчжурии ягодное садоводство, а также плодоводство, пчеловодство и виноделие на базе местного амурского винограда.

1. Комплекты “Вестника Азии” и “Вестника Маньчжурии” имеются в российских и китайских библиотечных фондах.
2. Проф. В.Л. Комаров (1869—1945), ученый-ботаник, был первым исследователем природы Маньчжурии — в 1896 г. он был участником экспедиции в Маньчжурии по поручению Русского географического общества.
3. Баранов А.И. Некролог памяти Б.В. Скворцова // Политехник, Сидней, 1984. № 11.
4. Жернаков В.Н. К восьмидесятилетию Б.В. Скворцова // Русская жизнь 1976. 27 янв.
5. Таскина Е. Неизвестный Харбин. М., 1994. С. 74.
6. Жернаков В.Н. Тарас Петрович Гордеев. Окланд, 1974.
7. Там же.
8. Сборник научных работ пржевальцев. Харбин, 1942.

Питание как жизненное условие повседневности русского населения Харбина (конец XIX—50-е гг. XX в.)

© 2007

И. Капран

История повседневности стала актуальной проблемой в современной мировой исторической науке с конца 60-х гг. XX в. Основоположителем историко-антропологического направления принято считать Э. Гуссерля (1859—1938). Он первым из философов обратил внимание на значимость таких теоретических понятий, как "сфера человеческой обыденности", повседневность, "жизненный мир" и др.¹ Продолжателем идей Э. Гуссерля стал А. Шюц (1899—1959), который ввел в научный оборот понятие "здоровый смысл" как коллективный опыт людей². Постепенно в американской и европейской исторической науке сложилось несколько подходов к изучению истории повседневной жизни, объединивших междисциплинарность, связь с психологией, социологией, этнологией.

В современной российской историографии понятие "повседневность" как предмет исторических исследований используется с начала 1990-х гг. Этой теме были посвящены работы А.Л. Юрганова, М.М. Крома, Ю.А. Полякова, В.Д. Лелеко, Н.Л. Пушкаревой и др.³ К концу 90-х гг. XX в. история повседневности сформировалась в новое направление российской исторической науки. По мнению академика Ю.А. Полякова, в общей истории повседневности необходимо выделить направления: историко-демографическое, гендерное, жизненных условий, досуговое⁴.

С точки зрения теории повседневности, тема "Повседневная жизнь русского населения Харбина в конце XIX в.—50-х гг. XX в." рассматривается автором как исследование жизненных условий — питания, одежды, жилища, лечения — в контексте проблемы адаптации русских в инокультурной среде, представляющей своеобразный феномен в истории русского зарубежья.

Среди исследователей дальневосточного зарубежья ведущим типом адаптации принято считать аккультурацию, т.е. приспособление человека к иной этнической среде. Этнокультурное взаимодействие, сложившееся в Харбине в конце XIX в.—50-х гг. XX в., по нашему мнению, подходит под определение стратегий аккультурации: сепарация, т.е. отрицание иммигрантом культуры страны-реципиента и сохранения собственно этнической культуры, и интеграция, т.е. идентификация иммигрантом культуры страны-реципиента и собственной этнической группы⁵.

Отличие регионального адаптационного процесса русского населения Харбина рассматривается в данной статье на примере такой жизненно важной потребности, как питание.

Базой исследования послужили опубликованные и неопубликованные материалы, значительную часть которых составили архивные источники. В Государственном архиве Хабаровского края хранятся документы Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии и Харбинского комитета помощи русским беженцам, вывезенные из Харбина в 1945 г., дающие представление о нуждах и проблемах русских в Маньчжурии в 20—40-е гг. XX в. Использовались материалы Государственного архива Российской Федерации из коллекции документов, известных как Русский заграничный исторический архив в Праге, переданный в 1946 г. в СССР. Здесь хранятся документы о работе КВЖД в 1918—1924 гг. и положении служащих в это время.

Отдельные документы периода строительства КВЖД были обнаружены в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока. Они использовались для определения статуса служащих КВЖД и условий их проживания. Несомненный интерес в ряду неопубликованных источников представляют устные интервью бывших харбинцев: Зуева М.К. (Россия), Менько Л. (США), Ямасита Н. (Япония) — представителей последнего поколения русских харбинцев, переживших японскую оккупацию и освобождение Советской Армией в детском и юношеском возрасте; они сохранили непосредственное восприятие харбинских реалий тех лет.

Опубликованные источники — это воспоминания бывших харбинцев, характеризующие жизнь русских в различные периоды истории русской диаспоры в Харбине⁶.

Важными источниками были не только харбинские периодические издания: газеты “Харбинский вестник”, “Новости жизни”, “Рупор”, “Заря”, “Свет” и журнал “Рубеж”, но и современные периодические издания, выпускаемые бывшими харбинцами в России и в других странах (газета “На сопках Маньчжурии”, журнал “Русская Атлантида”, журнал “Политехник”, литературно-исторический журнал “Австралиада. Русская летопись”, с 1994 г. публикующий на своих страницах информацию о русских в Австралии, среди которых выходцы из Харбина и Китая составили значительную часть, а также эмигрантская пресса, в частности газета “Русская мысль”. Это ежемесячное литературно-политическое издание выпускалось вначале в Софии, затем в Праге до 1927 г. С 1947 по 1991 г. газета выходила в Париже. На ее страницах были опубликованы воспоминания харбинцев старшего поколения, переселившихся в Маньчжурию до революции в России. На страницах “Нового журнала”, издаваемого в Нью-Йорке, в 60—70-е гг. XX в. значительное место занимают публикации мемуарного характера.

Особенностью демографической ситуации в русской колонии Харбина был стремительный рост ее численности. Если в 1910 г. русских в Харбине проживало 50 тыс. чел., то в 1920 г., после массовой эмиграции из России, не менее 150 тыс. чел., а в 1930 г. — 110 тыс. чел. Более 10 тыс. чел. до 1931 г. составляли штатные служащие и рабочие КВЖД, получавшие от 6 до 15 млн руб. в год, в то время как средняя зарплата русского на небольшом предприятии составляла 472 руб. в год, что обеспечивало минимальный доход⁷. Оклады служащих КВЖД были достаточно высокими, и свои сбережения они вкладывали в экономику Маньчжурии, обзаводились домашним хозяйством, открывали мелкие предпри-

ятия, строили дома. Это была самая многочисленная и экономически устойчивая группа русского населения Харбина.

До 1920 г. питание железнодорожных служащих и военнослужащих Заамурского округа Пограничной стражи обеспечивали столовые-чайные, предлагавшие обед и ужин для дежурных кондукторов и военнослужащих железнодорожного батальона⁸. В Железнодорожном и Гарнизонном собраниях работали рестораны, снабжавшие обедами высшее гражданское и военное руководство, публика поскромнее собиралась также в определенные дни на семейные вечера⁹. Ежедневный домашний стол военных и железнодорожников состоял из блюд русской кухни, но во многих обеспеченных семьях и семьях среднего достатка поварами служили китайцы, приучая русских к своим ароматным специям, благодаря которым привычные блюда меняли вкус¹⁰.

В 1920-е гг., в период притока беженцев из России, в Харбине активно стали открываться пункты общественного питания: кафе-шантаны, рестораны, закусочные. Однако в их меню предпочтение отдавалось русской, французской, грузинской кухням. В летний и зимний периоды берег реки Сунгари становился местом проведения досуга всего населения города. На берегу работали популярные кафе-рестораны "Пляж", "Яхт-Клуб", "Бар Лукулл" и забегаловки с комичными названиями "Вася, заходи", "Яша — свой человек". Эти заведения соответствовали любому вкусу и кошельку. В Харбине можно было получить обед не только в роскошном ресторане, но и в частном доме (так называемые домашние обеды). Этими пунктами питания пользовались студенты, водители автобусов, все, кто хотел быстро и недорого поесть¹¹.

Особенностью питания русских в Харбине было соседство с традиционной китайской кухней. В их рацион постепенно входили традиционные для китайцев, но экзотические для русских блюда: бобовые ростки в сое, жареное тофу, кукурузные блины — тянь-бины и т.д. Кроме того, русских круглый год снабжали овощами, фруктами, зеленью торговцы-китайцы, которые разносили их по домам. Малообеспеченные эмигрантские семьи питались в основном овощами, практически за копейки¹². Основное снабжение русского населения продуктами обеспечивали гастрономические магазины (самый известный "Чурин и К^о"), базары в каждом районе города, мелкие лавочки. Разнообразные продукты питания предлагали специализированные русские и иностранные фирмы. Так, датская "Вассард" и японская "Мицуи" торговали соевыми бобами, английская "Вести" мороженой дичью и птицей. Чайная торговля была в руках Ф. Чистякова. Табачная фабрика И.А. Лопато была известна всему русскому населению. Растительные масла "Acetco" и "Гвоздика" выпускались заводами Кабалкина Р.М. и Бородина И.Д.¹³.

На рацион питания русского населения оказывало влияние изменение политической ситуации в Маньчжурии. Так, в период японской оккупации 1932—1945 гг. в Маньчжурии питание русских эмигрантов резко ухудшилось. Проблему снабжения русского населения продовольствием решали хозяйственный отдел БРЭМ (Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии) и Продовольственная комиссия. В докладе председателя Продовольственной комиссии М.Н. Гордеева губернскому съезду констатировалось, что в 1942 г. таких продуктов, как гречневая крупа, растительное и сливочное масло, мясо на каждого русского было недостаточно. Часто случались перебои с печеным хлебом из-за недостатка муки¹⁴. Введение карточной системы несколько упорядочило распределение продуктов, но не улучшило питания русских. Как вспоминает И.А.

Дьяков: “К праздникам населению выдавали по распределительным карточкам только водку и хлеб, иногда более энергичные доставали кусочек колбасы, полугнилой рыбы или что-нибудь в этом роде. Приобретать остальные продукты (муку, мясо, крупы, чай, сахар и пр.) было запрещено под страхом репрессий, вплоть до смертной казни (например, за рис)”¹⁵. Важнейшие продукты питания были доступны только богатым людям, покупавшим их по высоким ценам. Соответственно, это развивало спекуляцию. Русские харбинцы, имевшие свое подсобное хозяйство, были более обеспечены продуктами.

Несмотря на сложную ситуацию на продовольственном рынке, когда была запрещена торговля рисом и мясом, праздничный стол в православные праздники состоял из традиционных блюд русской кухни: на Пасху — кутья, на Рождество — окорок.

Отличительная особенность питания русских в Харбине заключалась в повседневном параллельном бытовании русской и китайской кухни, привлекавшей европейцев своим многообразием и вкусовым отличием. Бывшие харбинцы до сих пор готовят некоторые китайские блюда, такие как пельмени, тофу, фунчеза¹⁶. Однако официального распространения в русской колонии Харбина китайская кухня не получила. В рекламах ресторанов и кафе, предлагавших русскую, грузинскую, французскую кухню, никогда не упоминались китайские блюда. В популярном литературно-художественном журнале “Рубеж” за 1926—1935-е гг., где в рубрике “Страничка женщины” печатались кулинарные рецепты, нами не было обнаружено ни одного рецепта китайской кухни и даже какого-либо упоминания о ее существовании.

На примере повседневного питания просматривается взаимовлияние культур — русской и китайской. Китайцы у русских научились печь хлеб. В их лексике появились новые слова “леба” — хлеб, “гэвасы” — квас, “базаша” — базар, “бечика” — печка¹⁷. Благодаря многолетнему общению с русскими, китайское население стало выращивать многие овощные (капусту, свеклу, морковь, картофель) и садовые (сливы, абрикосы, малину) культуры¹⁸.

Долговременное соседство с китайской кухней радикально не изменило вкуса русских, но привнесло своеобразный колорит в их жизнь. Таким образом, в сложном адаптационном процессе межэтнического взаимодействия русских и китайцев в Харбине даже на примере питания, где взаимовлияние двух культур прослеживается более наглядно, чем в других областях повседневной жизни, в большей степени наблюдаются элементы сепарации и в меньшей степени интеграции.

-
1. *Какабадзе З.М.* Проблема “экзистенциального кризиса” и “трансцендентальная феноменология” Э. Гуссерля Тбилиси, 1966. 94 с.; *Ионин Л.Г.* Понимающая социология: историко-критический анализ. М., Наука, 1979. 116 с.
 2. *Пушкарева Н.Л.* Предмет и методы изучения “Истории повседневности” // *Этнографическое обозрение*. 2004. № 5. С. 3—7.
 3. *Юрганов П.Л.* Опыт исторической феноменологии // *Вопросы истории*. 2001. № 9. С. 36—51.; *Кром М.М.* Герменевтика, феноменология и загадки русского средневекового сознания // *Отечественная история*. 2000. № 1. С. 94—101.; *Поляков Ю.П.* Человек в повседневности // *Отечественная история*. 2000. № 3. С. 125—132.; *Лелеко В.Д.* Пространство повседневности в европейской культуре. СПб: Ун-т культуры и искусств, 2002. С. 3—301; *Пушкарева Н.Л.* Предмет и методы изучения “Истории повседневности” // *Этнографическое обозрение*. 2004. № 5. С. 3—19.

4. Поляков Ю.П. Человек в повседневности // Отечественная история. 2000. № 3. С. 125—132.
5. Ставров И.В. История этнокультурного взаимодействия народов России и Китая в Маньчжурии в 1930—1940 годы // Четвертые Гродековские чтения “Приамурье в историко-культурном и естественно-научном контексте России”, 22—23 апр. 2004 г. Хабаровск: ХККМ им. Н.И. Гродекова, 2004. С. 80—84.
6. Крузшитерн-Петерец Ю.В. У каждого человека своя Родина // Россияне в Азии. Торонто, 1994. № 1. С. 17—133; Гинце М.П. Русская семья дома и в Маньчжурии. Сидней, 1986. 332 с.; Золотарева Т. Маньчжурские были. Сидней, 2000. 229 с.; Рачинская Е. Перелетные птицы. Сан-Франциско, 1982. 89 с.; Абросимов И. Под чужим небом. М.: Мол. гвардия, 1990. 350 с.; Ильина Н. Дороги и судьбы. М.: Сов. писатель, 1985. 471 с.; Орлов Е. Дым отечества. Красноярск: Оператив. типогр., 2001. — 264 с.; Ильина-Лаиль О. Восточная нить. СПб.: Звезда, 2003. 286 с.; Лопато Л. Волшебное зеркало воспоминаний. М.: Захаров, 2003. 227 с.; Лобода И. Харбиночка. Хабаровск: Дальневосточ. нар. акад. наук, 2002. 72 с.
7. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК), ф. 830, оп. 1, л. 218, л. 13—15; Лазарева С. И. Из истории хозяйственно-экономической деятельности русских эмигрантов в Маньчжурии (1920—1939-е гг.) // Российские соотечественники в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Материалы Третьей научно-практ. конф. 5—7 сентября 2001 г. Владивосток. 2003. С. 69.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 6081, оп. 1, л. 81. С. 716.
9. Крузшитерн-Петерец Ю.В. У каждого человека своя Родина // Россияне в Азии. Торонто, 1994. № 1. С. 17—23.
10. Гинце М.П. Русская семья дома и в Маньчжурии. Сидней, 1986. 33 с.
11. Политехник. 1979. № 10. С. 232.
12. Дземешкевич Л. Дон Кихот Харбинский. Омск, 2001. С. 59.
13. Юбилейный сборник Харбинского биржевого комитета. Харбин, 1934. С. 375.
14. ГАХК, ф. 830, оп. 1, л. 59, л. 23—115.
15. Дьяков И.О. О пережитом в Маньчжурии за веру и отечество. М.: Св. Троице-Сергиева лавра, 2000. С. 46.
16. Интервью с бывшими харбинцами Зуевым М.К., Менько Л.Г., июль 2005 г.; Интервью с Каневской Г.И. о поездке в Австралию в 1998 г.
17. Василенко Н.А. История российской эмиграции в освещении современной китайской историографии. Владивосток, 2003. С. 203.
18. Политехник. 1979. № 10. С. 75.

**Образ россиян в глазах китайцев и образ
китайцев в глазах россиян на сопредельной
территории***

© 2007

Т. Алагуева, К. Васильева, А. Островский

В 2006 г. Институт Дальнего Востока РАН совместно с Читинским филиалом, созданным на базе Читинского государственного университета, при поддержке РГНФ провели социологический опрос российской молодежи в Чите и российских и китайских граждан в Забайкальске, который является пограничным переходом в Читинской области на границе с КНР. Целью данного социологического опроса было выявление образа россиян в глазах простых китайцев, которые регулярно выезжают на заработки в Россию. Параллельно проводился опрос среди россиян, которые проживают в данной местности и также регулярно выезжают в Китай, с целью выявить образ китайцев в представлениях россиян. Подавляющее большинство опрошенных китайцев проживает на территории г. Хулуньбуир (Хайлар) (Автономный район Внутренняя Монголия) с прилегающими к нему уездами, городами, поселками и аймаками, а среди россиян — на территории сопредельной Читинской области. Опрос позволил провести сравнение не только взглядов опрошенных китайцев и россиян, проживающих на сопредельных территориях с практически одинаковыми природными условиями, но и сделать сопоставительный анализ их социального положения и уровня доходов. Параллельно проводился социологический опрос среди городской молодежи Читы, большую часть которой составляли учащиеся.

Всего в Чите по итогам социологического опроса было получено 300 анкет, заполненных гражданами РФ, а в Забайкальске — 73 анкеты, заполненные гражданами КНР, и 138 анкет — гражданами РФ. Репрезентативность данной выборки определяется тем, что в нее попали жители РФ и КНР, регулярно контактирующие друг с другом, и за сравнительно длительный период контактов у

Алагуева Т.Г., аспирантка ЧитГУ;

Васильева К.К., доктор философских наук, ЧитГУ;

Островский А.В., доктор экономических наук, ИДВ РАН.

* Подготовлено при поддержке РГНФ. Проект № 06-03-03205е

них на уровне обыденного сознания сложились определенные собирательные образы нации, проживающей по другую сторону границы.

В Забайкальске большую часть опрошенных жителей КНР составляли мужчины (72,4%), а среди жителей РФ — женщины (85,6%). Преобладающую часть респондентов — как китайцев, так и россиян представляли люди в возрасте от 24 до 40 лет: 68,5% среди граждан КНР и 63,7% среди граждан РФ. Значительную часть составили проживающие в уездных центрах и поселках (чжэнь) — для граждан КНР (75,0%) и в районных центрах и поселках — для граждан РФ (94,8%). Значительная часть опрошенных на вопрос о материальном положении давала ответ “Имеем средний достаток”, то есть относила себя к среднему классу. Но если среди опрошенных граждан КНР таких насчитывалось 55,4%, то среди граждан РФ — 76,5%. Однако ответ на следующий контрольный вопрос: “Примерный уровень ежемесячного дохода на одного члена семьи” показал завышенную самооценку россиянами своего уровня жизни, так как у большей части опрошенных средний доход на одного члена семьи варьировался в пределах от 1500 до 5000 рублей в месяц (58,9% полученных ответов). В то же время, как показал аналогичный опрос жителей КНР, у большей части опрошенных средний доход на одного члена семьи варьировался в пределах от 700 до 3000 юаней в месяц (60,0%), что по переводному курсу рубля к юаню через американский доллар составляет от 2340 до 9750 рублей в месяц, то есть в 1,6—1,9 раз больше. К этому следует добавить, что средний уровень потребительских цен в магазинах и на рынках Хайлара и Маньчжурии заметно ниже цен на аналогичные товары в Читинской области в целом и в Забайкальске в частности.

Среди жителей КНР, участвовавших в социологическом опросе, в основном преобладали работники коммерческих структур и работники торговли и сферы услуг — 67,3%, а среди жителей РФ — работники государственных учреждений и интеллигенция — 64,2% всех опрошенных россиян. Обращает на себя внимание низкий уровень образования граждан КНР — 82,2% опрошенных имеют незаконченное среднее, полное среднее и среднее специальное образование, в то время как среди российских граждан при высокой доле лиц со средним и средним специальным образованием — 65,0% большую часть составили люди с высшим образованием — 22,4%.

Как показал опрос в Забайкальске, основной целью выезда жителей КНР в Россию была работа на территории РФ (63,2%), в то время как большую часть жителей РФ, выезжающих в Китай, составили желающие купить для себя потребительские товары по более низким ценам, чем на российской территории — 54,0%. Другая часть россиян выезжает в Китай с туристическими целями — 31,7% опрошенных, хотя, на наш взгляд, покупка товаров для себя и семьи составляет для жителей приграничных регионов важную часть туристической поездки в Китай. Основная масса опрошенных, как среди жителей РФ, так и КНР, выезжают в сопредельную страну достаточно часто — от одного раза в месяц до нескольких раз в год (64,0% опрошенных россиян и 87,0% опрошенных китайцев).

В Чите цели выезда российских жителей в КНР несколько отличаются от ситуации в Забайкальске. Из опрошенных нами 300 читинских респондентов 67% бывали в Китае, при этом большая часть этого числа — 64% посещает соседнюю страну несколько раз в год. Молодежь едет в основном отдыхать (61,4%), сделать покупки (21,8%) или же посетить косметологические кабинеты, сшить одежду (10%) и т.п. Ежемесячно выезжают в Китай 6% от общего числа опрошенных. Некоторые респонденты (9,4%) обучались в Китае, проживая там совместно с родителями или же без них. Как мы видим, различия по частоте и целям поез-

док в Китай между опрошенными жителями Читы и Забайкальска связаны, во-первых, с относительной отдаленностью Читы от российско-китайской границы, с другой стороны, с тем, что большую часть опрошенных жителей Читы составляет молодежь, в основном студенты. Тем не менее, в том и другом случае, основной контингент опрошенных составляют люди, регулярно общающиеся с населением на сопредельной территории и имеющие свой взгляд на характер и образ жизни своих соседей.

По вполне понятным мотивам нам хотелось узнать мнение российских респондентов о том, как они оценивают отношение китайского населения к россиянам. Среди опрошенных в Чите это отношение как дружелюбное оценили 5%, как агрессивно настроенное — 10,7%. Не свойственный, казалось бы, молодежи взвешенный подход проявили почти 72% (71,7%) респондентов, выбрав вариант ответа: “есть и дружелюбно, есть и агрессивно настроенные”. В пункте “свой вариант” встречались следующие ответы: агрессивно настроены только в Маньчжурии — 4 (1,33%); и по одному ответу: Китаю нужны от России только деньги; настроены агрессивно, но делают вид, что дружелюбно; совершенно нас не уважают.

В Забайкальске большая часть российского населения также смешанным образом оценивает отношение китайского населения к россиянам: “есть дружелюбное, есть и агрессивно” (69,0% опрошенных). В то же время значительная часть китайских респондентов отношение россиян к китайцам оценивает как “дружелюбное” — 44,3%, и немалая часть как “есть дружелюбное, есть и агрессивно” — 28,6%. При этом многие китайские респонденты конкретизировали свои претензии к порядкам на российской территории следующим образом: “Плохо относятся милиция и служба безопасности, вымогают деньги, но русские в целом хорошие”, “Мы работаем в Забайкалье, милиция и бандиты требуют деньги и товар, не дашь денег, работать не будешь, в этих условиях трудно работать”.

Значительная часть опрошенных китайцев в Забайкальске (62,7%) утвердительно отвечала на вопрос “Происходили ли у вас размолвки с русским населением?”, в то время как среди российского населения на этот вопрос положительно ответили лишь 39,6% опрошенных. Жители КНР в основном обижались на то, что их обругали (58,2% давших положительный ответ на вопрос о размолвках с российским населением), а жители РФ — на то, что китайские торговцы пытаются им подсунуть бракованный товар (69,1% жителей РФ, давших положительный ответ). На аналогичный вопрос для российского населения в Чите: “Происходили ли у вас размолвки (ссоры) с китайским населением?” “Да” ответили 45% опрошенных, “Нет” — 44% опрошенных, 11% ответили “Не припомню”. На следующий вопрос: “Если да, то на какой почве?” ответы распределились следующим образом:

- Вас обругали (обозвали) — 21,35%
- Пытались продать (вернуть) некачественный товар — 47,9%
- На национальной почве — 9,37%
- На бытовой почве — 2,6%
- Размолвок не происходило — 18,75%.

Лишь в одном случае был получен от одного из респондентов в Чите конкретный ответ: “Китаец хотел мне продать три пары ботинок за 1500 юаней” (то есть за 200 долл. США. — Прим. авт.).

На этот вопрос ответили только 64% опрошенных, что весьма показательно. Вероятно, уточнение фактов конфликта, показалось нашим респондентам мало значимым. Характерно, что наблюдались буквально единичные ответы о

конфликтах на национальной почве: один ответ среди жителей Китая и два ответа среди жителей России. При этом большая часть опрошенных жителей России считают, что конфликт могут спровоцировать и те, и другие: 55,2% в Забайкальске, 59,3% в Чите; часть опрошенных полагает, что конфликт начинают русские: 20,8% в Забайкальске, 18,8% в Чите. В то же время 16,7% опрошенных в Чите ответили, что конфликт начинают китайцы. Однако среди опрошенных китайцев существуют значительные разногласия по вопросу, какая из сторон возбуждает конфликт. Винят в этом самих себя — 20,4% опрошенных, россиян — 22,2%; считают, что виноваты обе стороны — 22%. Как видим, ответы не свидетельствуют об однозначной вине какой-либо из сторон. Российские жители при ответе на этот вопрос проявили сдержанность и житейский опыт.

На открытый вопрос: “Какие черты характера вам нравятся у китайского населения?” молодежь Читы отдала предпочтение трудолюбию — 101 (33,7%). Среди русского населения Забайкальска в качестве положительных черт китайцев были выделены такие, как коллективизм (60,7%) и целеустремленность (54,8%). Среди респондентов из Читы 21 человек (7%) считают, что вообще нет черт характера, которые могут нравиться. Два респондента сочли, что у китайцев, как и у других народов мира, особых черт характера и вовсе нет. Нашим респондентам нравится в китайцах: дружелюбие — 13 (4,3%), гостеприимство — 9 (3%), доброжелательность, верность традициям и уважение к ним — по 2,3%. Привлекают респондентов такие качества характера, как сплоченность, коллективизм, целеустремленность — по 2%. Кроме того, в числе положительных качеств названы приветливость, скромность, стремление создать удобства для человека, веселый нрав, доброта, общительность, трудовая активность, уважительность, вежливость, отзывчивость, уступчивость, широта души, уважение к старшим, уважение к преподавателю, ответственность, национальная терпимость, аккуратность, выносливость, неприхотливость, дисциплинированность, патриотизм, обаяние, простота, уважение к старшим, отзывчивость, взаимопомощь, услужливость, расторопность, усидчивость, сверхактивность, улыбочивость, гуманность, чистоплотность, чувство юмора, сообразительность, мудрость, стойкость.

В числе ответов были и такие: “с ними можно договориться”; “они имеют жизненные ценности”; “за два юаня сделают все”; “быстро строят дома, но не качественно”; “если к ним относиться хорошо, то и они будут добрыми”; “строят качественно”; “чувство национального единства”; “любовь к родителям”; “любовь к стране”; “любовь к детям”; “соблюдение принципа: один за всех и все за одного”; “развитость технологий изготовления полезных вещей”; “пить не умеют”; “мне нравится соблюдение ими законов”; “по населению Маньчжурии нельзя судить обо всех китайцах”. Некоторым респондентам (4,6%) нравится в китайцах их “желание казаться вежливыми”. Наконец, 4% от числа респондентов не знают о том, какие же черты характера китайского населения им нравятся. В Забайкальске в ответ на вопрос: “Какие черты характера вам нравятся у китайского населения?” большая часть респондентов назвали трудолюбие (43,0%), на второе место вышел ответ — “Все не нравится” (12,0%).

Наша анкета также включала и закрытый вопрос: “Какие черты Вам больше всего нравятся в китайцах?” (выберите не более 3-х). Респондентам были предложены следующие варианты ответов:

- честность — 5%
- душевность, доброта, отзывчивость — 13,6%
- целеустремленность — 48%
- коллективизм — 58%

- оптимизм — 29,6%
- скромность — 10,3%
- непримиримость к недостаткам — 16,6%
- что-то другое: трудолюбие (12 ответов); никакие (3); по одному ответу — простота в отношениях к людям; предприимчивость; приветливость; мне все равно.
- “не знаю” ответили 13% опрошенных.

Как видим, в условиях закрытого вопроса трудолюбие “набрало” всего 4%, на первое же место вышел коллективизм (174 ответа). Между тем как в ответах на поставленные по-другому вопросы о характере китайцев трудолюбие лидировало в большинстве ответов. Данная ситуация обусловлена, вероятно, тем, что в числе предлагаемых респондентам вариантов ответов были и такие, которые, по мнению студентов, являются с трудолюбием однопорядковыми. К таким относятся коллективизм и целеустремленность. Нами замечено, что во многих ответах респондентов причинно связываются такие качества китайцев, как трудолюбие, коллективизм и упорство в достижении цели.

Следующий вопрос был составлен как “оппозиционный” предыдущему и сформулирован таким образом: “Какой недостаток у китайцев внушает Вам наибольшее неприятие?” (выберите 3 ответа). При опросе жителей Читы мы получили такой результат:

- угодничество — 39%;
- трусость — 22%;
- равнодушие — 26,3%;
- корыстолюбие — 43,3%;
- пьянство — 10,6%;
- тунеядство — 4,6%;
- эгоизм — 28,3%;
- что-то другое — 3; нечистоплотность — 14 ответов (4,6%); все устраивает меня в китайцах — 4 ответа; наглость — 4; агрессивность — 3; жадность — 2; назойливость — 2.

Отдельные ответы негативно характеризуют приезжающих в Россию китайских мигрантов: отмечались их недружелюбие; хитрость; то, что из России сделали рынок сбыта некачественных товаров; громко разговаривают; живут в неподобающих условиях; манеры поведения; лживость; интерес к русским территориям; говорили, что в Маньчжурии они неаккуратные, навязчивые, агрессивные, а в Пекине — дружелюбные. “Не знаю” ответили 49 респондентов (16,3%). Среди отмеченных недостатков у китайцев российские респонденты в Забайкальске отметили корыстолюбие (39,4%), угодничество (37,0%) и эгоизм (31,5%). Отвечая на вопрос “какие черты характера китайцев вас раздражают”, отмечали назойливость (25%), наглость (15%) и некультурность (17%).

Ответы на данный вопрос требуют комментария. Они преломляются главным образом в тех специфических формах отношений, которые существуют у российского населения, непосредственно соседствующего с Китаем. Они носят характер так называемой челночной торговли. Для большей части населения региона современный китаец — прежде всего продавец товара. У респондентов, постоянно являющихся покупателями необходимых товаров, формируется свой взгляд на продавца. Поэтому в ответах обозначены те негативные, по мнению респондентов, качества, которые, якобы, присущи китайцам.

Другая группа вопросов была задана китайскому населению, посещающему Забайкальск, и содержит собирательный, усредненный образ россиян. Отвечая на вопрос, какие черты вам больше всего нравятся в русском населении,

значительная часть китайских респондентов выделила две основные положительные черты: душевность, доброта (75%) и честность (50%). Среди недостатков российского населения подавляющее большинство опрошенных китайцев назвали пьянство (72,4%). Три следующих по количеству голосов недостатка: корыстолюбие (27,6%), эгоизм (25,9%) и тунеядство (20,7%) были отмечены значительно меньшим числом китайских респондентов. Большой процент китайских респондентов отказался отвечать на вопрос о том, какие черты характера российского населения нравятся или не нравятся (примерно 70% анкет). Однако и по имеющимся анкетам ясно, что китайцам нравятся в российском населении дружелюбие, сердечность и искренность, а не нравятся — пьянство, грубость и действия милиции.

Особо следует остановиться на ответах россиян и китайцев на вопрос о возможности захвата российских территорий Китаем в будущем и враждебном отношении к друг другу. Надо отметить, что среди китайцев отказов отвечать на этот вопрос было намного меньше. Большая часть опрошенных жителей КНР считает, что такая возможность исключена (75,5%), 64,2% русских считают китайцев друзьями, скорее друзьями, чем врагами — 11,9%. Российские жители Забайкальска в отношении Китая настроены не столь благодушно. Большая часть опрошенных полагает, что «если власти пустят ситуацию на самотек, захват может произойти» (57,7% ответов), «это реально, и к этому все идет» (28,5%). Лишь небольшая часть российского населения рассматривает китайцев как друзей: 5,9% в Забайкальске и 3,3% в Чите; считают, что китаец скорее друг, чем враг: 19,8% в Забайкальске и 25% в Чите. Большая часть опрошенных: 41,9% в Забайкальске и 41% в Чите не задумывалась над этим, но значительная часть опрошенных: 25,0% в Забайкальске и 23,3% в Чите считают, что китаец скорее враг, чем друг, а 7,4% опрошенных в Чите и 7,3% в Забайкальске прямо числят его в категории врага. На наш взгляд, такие суждения вызваны поверхностным знанием населения о Китае, незнанием китайского языка, традиций и культуры, постоянным присутствием в российских средствах массовой информации рассуждений о китайской угрозе и сравнением результатов экономических реформ у себя в регионе и на сопредельной китайской территории, которые оказываются не в пользу российской модели реформ.

Мы задали нашим респондентам ряд вопросов, желая выяснить их отношение, в частности, к культуре Китая, к его обычаям и традициям. Отвечая на эти вопросы, жители Забайкальска сообщили, что совсем не знакомы с культурой Китая (24,1%), 36,5% кое-что знают и хотели бы узнать больше, а 29,2% знают только из уроков истории в школе. Результаты опроса в Чите показали большее знание респондентов о культуре Китая, нежели в Забайкальске, как следует из ответов, приведенных ниже:

- да, я хорошо знаком с культурой Китая — 6,6%
- знаю только из уроков истории — 21,6%
- кое-что знаю, но хотелось бы узнать больше — 46,6%
- к сожалению, не знаю совсем — 10,3%

Однако, как выяснилось из материалов опроса, китайцы знают о России еще меньше, большинство (65,4%) ответили, что они кое-что знают и хотели бы узнать больше, но лишь один человек из числа опрошенных ответил, что знает о России из уроков истории в школе. Но при этом большинство китайцев ответили, что с уважением относятся к культуре России — 83,9% и к традициям и обычаям России — 77,6%. При ответе на аналогичный вопрос об отношении к культуре и традициям Китая половина респондентов в Забайкальске и 65,2% в Чите ответили, что относятся с уважением к обычаям и традициям Китая, а 60,3% в Забайкальске и 65,6% в Чите относятся с уважением к культуре Китая. Как в Чите, так

и в Забайкальске равнодушие к культуре, обычаям и традициям Китая проявили 30% опрошенных. В результате опроса также выяснилось, что если многие китайцы в той или иной степени владеют русским языком: “говорю, но плохо” — 66,1% и “не говорю, но понимаю” — 14,3%, то большая часть российских респондентов не знает его совсем (63,2%) или знает отдельные слова (29,4%). Лишь один из 136 опрошенных жителей России дал ответ “говорю, но плохо”, двое — “да знаю и хорошо говорю на нем” и только семь человек — “не говорю, но понимаю”. В Чите респонденты лучше знают китайский язык, чем в Забайкальске. В целом понимающих язык, но не говорящих на нем, оказалось по 3% процента от общего числа опрошенных. 13% респондентов из Читы дали ответ “говорю, но плохо”, 32% ответили, что знают отдельные слова и выражения, а 48% совсем не знают китайского языка. В ситуации, когда подавляющая часть российского населения, регулярно общающаяся с китайским населением, не знает китайского языка, трудно говорить о знании культуры, обычаях и привычках народа и перспективах развития сотрудничества.

Об этом свидетельствуют и ответы на вопрос: “Китайцы — надежные партнеры?”. Большая часть российских респондентов ответила “разные встречаются” — 73,0% в Забайкальске и 70% в Чите, тем самым уклонившись от прямого ответа на вопрос из-за недостаточного знания предмета или отсутствия личного опыта деловых контактов. Большинство китайских респондентов на этот вопрос ответило четким и ясным “да” — 58,7% и 30,2% опрошенных ответили, как и большинство российских респондентов, — “разные встречаются”. В целом ответы на эти вопросы свидетельствуют об отсутствии определенного уровня доверия между российским и китайским населением в бытовом и общественном сознании. Поэтому в обозримой перспективе общение между жителями приграничных районов РФ и КНР будет сводиться либо к туризму, либо к поездкам в Китай за дешевым товаром, в этих условиях вряд ли можно надеяться на развитие долгосрочного сотрудничества.

Косвенно эти предположения подтверждаются ответами российских граждан на вопрос о том, в каких отраслях могут работать китайцы в других странах вообще и в России, в частности. Большая часть опрошенных россиян считают, что китайцы могли бы работать в строительстве и в торговле (74,6%). Сами же китайцы на первое место ставят торговлю (50,9%), далее следуют предпринимательство (41,8%), туризм (32,7%). Этому соответствует и реальная деятельность китайцев на российской территории, которая в основном связана не с работой в капитальном строительстве и в сельском хозяйстве, хотя и такие китайские бригады работают в России, а с торговлей. Часть китайцев перепродает в России потребительские товары по более высоким ценам, чем в КНР, другая часть, как правило, предприниматели и оптовые торговцы на вырученные от китайского ширпотреба деньги скупают в России лес, рыбу, металлы, лекарственное сырье и вывозят их в Китай. К сожалению, на российском рынке труда заработная плата становится ниже, чем в КНР, и при нынешних ставках, существующих на территории российского Дальнего Востока и Забайкалья, на работу в сфере капитального строительства и сельского хозяйства можно привлечь только полуграмотных крестьян, вытесненных с земли в ходе экономической реформы.

Поэтому большая часть опрошенных россиян отрицательно относится к тому, что китайцам разрешено работать в России. В частности, в Забайкальске ответ “скорее плохо, чем хорошо” дали 27,7% опрошенных, “плохо” — 15,3%, “скорее хорошо, чем плохо” — 27,0%, и только 12,5% опрошенных дали однозначный ответ “хорошо”. В Чите значительная часть опрошенных более позитивно относится к использованию китайской рабочей силы на российской территории, как показано ниже:

- хорошо — 13,6%;
- скорее хорошо, чем плохо — 37%;
- скорее плохо, чем хорошо — 19,3%;
- плохо — 10,6%;
- не знаю — 17,3%.

Больше 2/3 опрошенных в Забайкальске китайцев (69,8%) на поставленный вопрос дали однозначный ответ “хорошо”. По мнению китайских респондентов, Россия привлекает иностранных рабочих по трем основным причинам: они работают быстро (52,5%), работают качественно (52,5%) и являются дешевой рабочей силой (39,3%). В свою очередь, в ответах из России два ответа из трех совпали с ответами китайских респондентов: работают быстро (84,0% в Забайкальске и 82,6% в Чите) и дешевая рабочая сила (71,0% в Забайкальске и 85,6% в Чите), а третий ответ “выполняют тяжелую работу” (64,5% в Забайкальске и 60,6% в Чите) значительно расходится с китайскими ответами — всего 13,1% опрошенных. Среди других ответов на поставленный вопрос были и такие, как “сами не хотим работать” и “русские пьют и не работают”.

“Считают ли они необходимым учиться россиянам у китайцев? Если да, то чему?” — был одним из главных вопросов анкеты. Более 70% опрошенных в Чите считают, что учиться надо. Отрицают такую необходимость 14%, более 15% затруднились ответить. В Забайкальске желающих учиться у китайцев было еще больше: 72,8% опрошенных ответили положительно на вопрос о необходимости чему-либо учиться у китайцев. Большинство китайских респондентов — 70,2% также ответили “Да” на вопрос о том, нужно ли чему-нибудь учиться у русских. Большая часть российских респондентов как в Забайкальске — 46,6%, так и в Чите — 38,7% считают, что у китайцев необходимо учиться трудолюбию. Отметим, что трудолюбие признается практически всеми респондентами в качестве главной положительной черты китайцев. Далее, приведем по мере убывания названные студентами качества китайцев, которым россиянам надлежит учиться. Это оптимизм (16), уважение собственных национальных традиций (15), целеустремленность (13), коллективизм (12), уважительное отношение молодежи к старшим (6), доброта (5), сплоченность (5), умение быстро и качественно выполнять работу (4), взаимопомощь (4), высокая культура (3), умение хорошо организовать труд (3), умение работать на себя (3), усидчивость (3), трезвость (3), настойчивость (2), честность (2), мудрость (2), знание медицины (2), способность доводить начатую работу до конца (2), терпимость (2), достижение поставленной цели любым путем (2), взаимопонимание (2). По одному ответу “набрали” следующие качества: непримиримость к недостаткам; у этой нации есть свои особенности; у любого народа нужно учиться; у Китая есть чему учиться; многому у Китая, можно научиться; богатая история и культура и много можно позаимствовать; учась у Китая, можно совершенствоваться; умение размножаться; отзывчивость; взаимовыручка; дисциплина; выносливость; дружба народов; усердие; многовековой опыт полезен всегда; мудрость Востока; порядочность; скромность; умение брать хорошее; хитрость; стремление к благополучию. Многие отмечали, что у китайцев следует учиться предприимчивости и быстрому подъему экономики, а один респондент в ответе на этот вопрос раздраженно написал: “Китайскому народу — все надо, русскому — ничего не надо; в России все сокращают и закрывают, а в Китае везде нужны рабочие руки”. Что касается китайских респондентов, то они выделили то, чему следует учиться у русских — это честность, дружелюбие и искренность. Таким образом, результаты опроса показали, что население обеих стран считает необходимым учиться друг у друга лучшим чер-

там характера, а российское население — еще и экономическим реформам по китайской модели, в результате которых китайский народ стал жить лучше.

Отдельно был поставлен вопрос об отношении к бракам между русскими и китайцами. Половина опрошенных россиян из Забайкальска и 57% из Читы ответили на этот вопрос “безразлично”, но 30,2% из Забайкальска и 33% из Читы отнеслись к смешанным бракам отрицательно. В то же время всего 19,8% опрошенных из Забайкальска и 9,6% из Читы высказали положительное отношение к смешанным бракам. Среди китайских респондентов также большая часть (58,9%) выразили безразличное отношение, в то время как 28,6% положительно отнеслось к ним, а 12,5% — отрицательно. Китайские респонденты, отрицательно относящиеся к смешанным бракам, выдвинули две основные причины: “пьянство среди русских” и “проблемы межнациональных отношений”, то есть подчеркнули различие в быте и традициях. Российские же респонденты выдвинули в качестве основных возражений против смешанных браков такие доводы: “ну не нравятся они мне”, “могут привезти свою родню”, протест “против смешения рас” и “сохранение российской нации”, а также “угрозу демографического засилья китайцев”.

Наиболее сложным для российских и китайских респондентов был вопрос анкеты о том, что нужно сделать для укрепления дружественных связей между российским и китайским народом. Большая часть респондентов предпочла вообще не отвечать на этот вопрос — 58,3% российских и 79,5% китайских. Этот вопрос был открытым, и поэтому последовало множество вариантов ответа: не знаю (20), ничего не нужно делать (16), межкультурный обмен (11), взаимоуважение и терпимость друг к другу (9), не задумывался (9), достигать уважения между народами (7), узнавать больше о культуре Китая (6), не знаю и знать не хочу (5), пусть решает власть (5), разрешить им остаться на территории России для дальнейшей торговли, а не выселять до 1 апреля (5), дружбы никогда не будет (4), обмен студентами (4), единая таможенная система (3); упростить визовую систему (3), бесплатные путевки для студентов в Китай (3), мир во всем мире (3), сотрудничать (3), дружить (3), ограничить поток миграции (3), уважать их традиции, вести себя достойно в КНР и стремиться завести больше китайских друзей (2). китайцы должны более дружественно относиться к русским (2), тесное сотрудничество руководства двух стран (2), затрудняюсь ответить (2), развивать экономические и политические связи (2), а также множество разных индивидуальных предложений опрошенных, не совпадающих с другими. Однако если суммировать все ответы на этот вопрос с обеих сторон, то основными средствами для развития дружественных отношений между российским и китайским народом представляются расширение контактов на различных уровнях, уважение к другой стране, развитие двусторонней торговли, взаимное уважение и взаимопомощь, большее распространение знаний друг о друге. Как нам представляется, именно расширение знаний и информации друг о друге, желание узнать больше со стороны российского народа о Китае и китайского — о России, а также дальнейшее развитие торгово-экономических связей между двумя странами на различных уровнях — межгосударственном, региональном позволит обеспечить дальнейшее развитие российско-китайских межгосударственных отношений.

Экологическая статистика. Опыт Китая

© 2007

В. Лапердина

Валовой внутренний продукт (ВВП) считается основным макроэкономическим показателем состояния страны. Отражая результаты экономической деятельности, он, однако, не учитывает всех сторон развития и его побочных явлений. Вот почему во многих странах зародилось сомнение: в полной ли мере понятие "ВВП" удовлетворяет потребности?

Сомнение это было порождено возросшим вниманием к экологии одновременно с появлением понятия "пределы роста", концепции "устойчивого развития".

Под "устойчивым" подразумевается развитие, удовлетворяющее потребности настоящего, но не ставящее под угрозу способность будущих поколений удовлетворять их потребности. В экономическом плане устойчивое развитие подразумевает оптимальное использование ограниченных ресурсов, а в экологическом — целостность биологических и физических систем.

Появление экологической статистики

На заре экологизации существовали резкие противоречия во взглядах на процесс развития между индустриально развитыми и развивающимися странами. Первые, достигнув определенных высот в экономической деятельности, уже пришли к необходимости приложения сил к очищению планеты, вторые находясь на стадии "догоняющего" экономического развития, рассчитывали преодолеть бедность за счет усиленного использования природных ресурсов. Сейчас некоторые развивающиеся страны также столкнулись с серьезными экологическими проблемами, необходимостью их решения.

В Европе начало работы по экологической статистике восходит к 1970-м гг. Первенствовала в этом Норвегия. Серьезную работу в области экологического учета проделали Швеция, Нидерланды, Германия, Франция, Филиппины. Экологические статистические проекты были развернуты также в Финляндии, Мексике, Таиланде, Индонезии, в Папуа Новой Гвинее¹.

В развитых странах используются, в основном, следующие показатели:

- объем загрязняющих выбросов по секторам экономики в физическом выражении;
- реальные расходы на охрану окружающей среды по секторам;
- предполагаемые расходы на дальнейшее погашение негативного воздействия загрязнения по секторам;
- продукция природоохранной индустрии;

- экологические налоги, платежи и субсидии;
- запасы и изменения в запасах в физическом и стоимостном выражении лесов, минералов, энергетических ресурсов, рыб, земли и др.;
- физические и стоимостные потоки использованных по отраслям природных ресурсов;
- стоимостная оценка нерыночных товаров и услуг, проистекающих от окружающей среды;
- стоимостная оценка деградации окружающей среды;
- скорректированные макропоказатели (например, “зеленый” ВВП, устойчивый национальный доход или чистые сбережения)².

Большинство развитых стран работает сейчас над статистикой энергоресурсов, загрязнения воздуха в привязке к проблеме изменения климата и для приведения ситуации в соответствие с нормами Киотского протокола.

Система комплексного экологического и экономического учета

В 1993 г. был сделан шаг в направлении стандартизации и унификации экологических счетов. Статистическими органами ООН предложено дополнить систему национальных счетов (СНС) комплексным экологическим и экономическим учетом (СЭЭУ). Совместно с МВФ и Всемирным банком выработано руководство по СЭЭУ. При принятии экологических счетов преследовались следующие цели³:

- способствовать переходу экономики к новой модели устойчивого развития;
- провести секторальный анализ взаимосвязи экономики и окружающей среды;
- усилить охрану окружающей среды;
- создать новые способы и систему организации данных.

Рассмотрим четыре типа счетов, которые предлагает СЭЭУ⁴:

1. Счета физических и смешанных потоков (объемы загрязнения окружающей среды, топливно-энергетических ресурсов и материалов) образуются посредством выделения из таблиц затраты—выпуск СНС данных об использовании энергии и материалов в производственных целях; счета физических потоков учитывают четыре позиции: продукты или товары и услуги данной и других экономик; минеральные, энергетические, водные и биоресурсы, предоставляемые окружающей средой и используемые в процессе промежуточного потребления, формирования капитала и конечного потребления, также могут выступать в качестве “продуктов”, если экспортируются или импортируются;

— затраты экосистемы, т.е. ресурсы, используемые для выращивания растений и животных, а также затраты на промышленную и бытовую активность (например, пролет самолета над территорией другого государства);

— выбросы, сопровождающие экономическую деятельность при незначительной стоимостной оценке, могущие загрязнять воздух, воду, почву.

Путем слияния счетов физических и стоимостных потоков сформированы смешанные счета, представленные в виде матрицы (ибо используются разные единицы измерения — как физические, так и стоимостные).

2. Счета взаимодействия экономики и окружающей среды (расходы на охрану последней и управление ресурсами) являются стоимостными. Основная составляющая — расходы на охрану окружающей среды, учитываемые по завершённым мероприятиям в данной сфере, продукты природоохранной индустрии и пр.

3. Счета активов в физическом и стоимостном выражении (т.е. активы в виде природных ресурсов) фиксируют экологический капитал, рассчитанный в физических и денежных единицах. Здесь обращают на себя внимание три момента:

- Существует экологический капитал, который наряду с имуществом и активами индивидуальных и коллективных собственников носит экономический характер;

- учитывается весь экологический капитал, включая полезные ископаемые, почву, воду, биологические ресурсы растительного и животного происхождения;

- потребленные ресурсы и экономические издержки истощения природных ресурсов также подвергаются стоимостной оценке.

4. Показатели СНС, скорректированные на основе учета расходов ресурсов, ущерба, нанесенного окружающей среде, расходов на профилактические меры по ее охране (стоимостная оценка нерыночных потоков и агрегатов, корректируемых с учетом экологических факторов) входят в эту группу счетов. Наиболее популярный экологически скорректированный показатель — “зеленый” ВВП представляет собой чистый национальный продукт (ЧНП) при вычете стоимости невозполняемых ресурсов, потребленных в процессе развития экономики, и стоимости ущерба, нанесенного окружающей среде.

В каждой методике оценок есть свои ограничители. Зачастую практически невозможно реально оценить используемые ресурсы и ущерб, наносимый экологии.

Опыт Китая по экологическим расчетам

В Китае считают, что в рамках перехода к устойчивому развитию необходимо ввести экологически скорректированный ВВП, что позволило бы лучше планировать развитие, давало бы более точную картину проходящих в стране процессов. Для производства продукции в 2004 г. здесь расходовалось энергии в 4,3 раза больше, чем в США, в 7,7 раз больше, чем в Германии и Франции, в 11,5 раз больше, чем в Японии⁵. ВВП Китая в 2004 г. составил 4,4% от мирового ВВП, но для его создания было использовано 7,4% мировой нефти, 31% угля, 30% железной руды и 27% стального проката.

С 1949 г. по 1997 г. ВВП Китая вырос десятикратно, а количество потребленных минеральных ресурсов — в 40 раз. С 1990 г. по 2001 г. потребление нефти выросло на 100% с (118 млн до 235 млн т), спрос на природный газ увеличился на 40%, использование стали возросло на 143%, меди на 189%⁶. Некоторые ученые полагают, что от трех до семи процентов ВВП создается в Китае ценой деградации окружающей среды. Получается, что за десятилетие развития 40-60% годового ВВП должно было бы пойти на восстановление экологии⁷.

По запасам пресной воды Китай занимает четвертое место в мире, однако на душу населения здесь приходится лишь 2300 кубометров воды — 121-е место. Среднедушевое количество чистой воды в Китае составляет всего лишь 18,5% от среднемирового показателя, в то время как потребление ее — вдвое выше, чем в европейских странах. Китай входит в число стран мира, в наибольшей степени страдающих от нехватки водных ресурсов в расчете на душу населения. 400 из всех 668 городов страны испытывают трудности с водоснабжением, среди них 110 страдают серьезно. Загрязнение воды — самая серьезная экологическая проблема в стране⁸.

Площадь пустынь достигла 2,62 млн кв. км, или 27,3% территории. Ежегодно площадь пустующих земель увеличивается на 2460 кв. км. Из 2,2 млн кв. км пустыни более 1 млн кв. км раньше занимали луга, 77,26 тыс. кв. км — обрабатываемые земли, 1 тыс. кв. км — леса. Ежегодные убытки, которые Китай несет из-за опустынивания, выросли до 6,5 млрд долл., что равно 15,5% мировых убытков по данной позиции.

В 1998 г. лишь 12,7% площади Китая составлял лесной покров при среднем мировом показателе 22%.

Тревожно складывается городская экология. Выбрасываемые в воздух и воду вредные вещества, избыточная автомобилизация негативно влияют на здоровье людей. Две трети городов Китая окружены мусором, только вокруг Пекина — около 7000 мусорных свалок. В Янцзы и Хуанхэ ежегодно сбрасывается около 100 млн т мусора.

До сих пор основными загрязнителями окружающей среды были развитые страны. В 1992 г. страны, входящие в ОЭСР, с населением 17% от мирового выбрасывали 50% CO₂, но в 2000 г. этот показатель уменьшился до 46,3%. В 2004 г. на Китай приходилось 14% мирового выброса CO₂⁹. От бедственного состояния экологии Китая страдают и его соседи. Япония ежегодно оказывает Китаю помощь на экологические нужды, дабы сократить негативное воздействие на свою экологию.

В 1980-х гг. в Китае стали проводиться работы по экологическому учету, были развернуты расчеты стоимости ресурсов, использованных в экономической деятельности. Результаты однако, не были обнародованы. В 1994 г. Госсовет выдвинул идею экологического учета, но только 10 лет спустя этому проекту был дан официальный старт.

Итоговый доклад, подготовленный Главным управлением по охране окружающей среды и Государственным статистическим управлением Китая, увидел свет в сентябре 2006 г.¹⁰ Целью исследования, как гласил документ, были: переход к устойчивому развитию, строительство экологически безопасного и ресурсосберегающего общества. В марте 2004 г. ведомства приступили к работе по расчету “зеленого” ВВП, в 2005 г. началась экспериментальная работа в десяти провинциях и городах по расчету ущерба, наносимого загрязнением окружающей среды.

В докладе приведены данные за 2004 г. о физическом объеме загрязнения воды и атмосферы, выбросе твердых отходов. Рассчитана стоимость устранения загрязнения окружающей среды.

Надо заметить, что в Китае оценили только загрязнение и предполагаемые расходы на его устранение, тогда как, согласно СЭЭУ, экологические расчеты должны также включать и оценку стоимости затраченных невозполняемых природных ресурсов. Кроме того, учтены не все стороны деградации окружающей среды. Так, ущерб, нанесенный здоровью людей от шума, радиационного и теплового излучения, как и многие другие составляющие, остались неохваченными. В докладе, в сущности, не шла речь о получении “зеленого” ВВП, который подразумевает исключение из ВВП как затраты на ликвидацию загрязнения, так и стоимость использованных природных ресурсов.

Согласно фактам, содержащимся в докладе, серьезный вред экологии наносит промышленная деятельность, что касается и водных ресурсов, и атмосферы. На промышленность приходится также значительная доля твердых отходов. Наиболее вредными отраслями являются производство бумаги, выработка элект-

роэнергии, металлургия, химическая отрасль. Основной "поставщик" отходов — более развитый восточный район.

В 2004 г. ВВП Китая составил 15987 млрд юаней. На очистку водных ресурсов от загрязнения было потрачено 34,4 млрд юаней (0,22% ВВП), на устранение загрязнения атмосферы — 47,8 млрд юаней (0,29%), на переработку и захоронение твердых отходов — 18,3 млрд юаней (0,11%).

Что касается себестоимости деградации окружающей среды, то она в наибольшей мере проистекает от загрязнения воды — 55,9% общей себестоимости (286,3 млрд юаней), от загрязнения атмосферы — 42,9% (219,8 млрд юаней); от выбытия земли, использованной под захоронение твердых отходов, — 1,2% (650 млн юаней). Ущерб от 1441 экологической аварии, произошедшей в 2004 г., оценивается в 5,09 млрд юаней. В сумме ущерб от загрязнения достиг 511,8 млрд юаней, что соответствует 3,05% ВВП 2004 г.

Для исчисления "экологического ВВП" исследователи скорректировали ВВП на 1,8%, или на 287,5 млрд юаней — (сумма предполагаемых расходов на устранение загрязнения). Однако для того, чтобы произвести очистку от выбросов окружающей среды по состоянию в 2004 г., учитывая уровень существующей технической оснащенности, Китаю, как рассчитали специалисты, потребуются единовременные инвестиции в 1080 млрд юаней, что равно 6,8% ВВП 2004 г.

Важным моментом внедрения нового индикатора станет осознание экологической концепции чиновниками и местными властями. Проведению данного эксперимента власти некоторых провинций чинили препятствия.

Пока неясно, какую роль будет играть "зеленый" ВВП в экономическом развитии страны, насколько экологические расчеты помогут руководству Китая принять правильные решения по переходу к экологически безопасному устойчивому развитию.

1. Все примеры по странам взяты из Hecht J.E. *Lessons Learned from Environmental Accounting: Findings from Nine Case Studies*. Washington, 2000, P. 6-22.
2. Hecht J.E. *Lessons Learned from Environmental Accounting: Findings from Nine Case Studies*. Washington, 2000J-P. 6.
3. Hecht J.E. *Lessons Learned from Environmental Accounting: Findings from Nine Case Studies*. Washington, 2000J-P. 29-34.
4. *Handbook of National Accounting — Integrated Environmental and Economic Accounting 2003*. United Nations. European Commission. International Monetary Fund. Organisation for Economic Cooperation and Development. World Bank.
5. Научный взгляд на развитие определяет направление развития Китая. <http://russian.people.com.cn/31518/3737111.html>
6. China makes ecology a priority // *China Daily*. 2004. June, 29.
7. Environmental damage to be counted in GDP // *People's Daily Online*. 2004, September, 02.
8. Buckley L. Green GDP — The Real Chinese Revolution? <http://www.theglobalist.com/DBWeb/StoryId.aspx?StoryId=4156>
9. Japan should not wait for Russia's approval. <http://www.asahi.com/english/opinion/TKY200401060084.html>
10. Чжунго люйсэ гоминь цзинци хэсуань яньцзю баогао 2004. [Доклад о проведении национальных эколого-экономических расчетов в 2004 г.] Пекин, 2006.

Трансформация взглядов на рождение и воспитание детей в Китае в период политики реформ и открытости

© 2007

О. Манухина

Одной из главных целей создания семьи является рождение и воспитание детей. Так было и остается на протяжении всей истории существования института семьи. По словам всемирно известного философа и гуманиста Бертрана Расселла, "в настоящее время семья все еще сохраняет свое значение только по одной и никакой другой причине, потому что благодаря ей у людей появляются родительские эмоции"¹. И мужчины и женщины, когда у них рождаются дети, строят свою жизнь с оглядкой на них, беря на себя ответственность за их жизнь, экономическое благосостояние и воспитание.

В Китае всегда существовал культ детей, особенно мальчиков. Желание иметь многочисленное мужское потомство находило двойное обоснование: прежде всего, как необходимое средство поддержания генеалогической линии и, во-вторых, как конкретное выражение сыновней почтительности будущего отца по отношению к своим предкам. Подобные представления, несомненно связанные с религиозными и этическими воззрениями, имели и сугубо практическое значение: ребенок способствовал налаживанию близких отношений и взаимопонимания между супругами, как правило, мало знакомыми до свадьбы. Был существен и экономический аспект. Ребенок начинал вносить трудовой вклад в благосостояние семьи с раннего возраста, порой не достигнув и десяти лет. Более того, на плечи сыновей ложилась непосредственная обязанность по обеспечению уже состарившихся и утративших трудоспособность родителей. Дети в этом смысле являлись надежными гарантами спокойной старости.

Заклучив брак, молодые люди сразу же стремились обзавестись потомством. Само бракосочетание как официальный акт, хотя и предшествовало рождению ребенка, всегда подразумевало переход в родительский статус. Обеспечить непрерывность рода было главным мотивом, которым руководствовались родители при выборе невестки. Полноправное положение в новой семье женщина обретала только после рождения ребенка, прежде всего сына. До появления детей отношения свойства оставались сугубо номинальными. Отношения между родителем и ребенком, мужем и женой играли структурообразующую роль в любой семейной организации. Однако в традиционной китайской семье значение первых представлялось более существенным.

Особенности репродуктивного поведения современной китайской молодежи

В настоящее время в китайской семье в среднем два ребенка. Большинство двух детных семей проживает в сельской местности страны. С каждым годом увеличивается число однодетных семей, составляющих основное население городов. Согласно данным Государственного комитета по планированию рождаемости, к концу прошлого столетия свыше 55 млн семей получили свидетельство о наличии у них лишь одного ребенка². Благодаря политике ограничения рождаемости, а также социально-экономическим преобразованиям второй половины XX в. за последние два десятилетия репродуктивное поведение большей части населения Китая претерпело значительные изменения. Речь идет о повышении детородного возраста, отказе иметь многочисленное потомство, отсутствии ярко выраженных предпочтений, связанных с полом ребенка.

Опубликование в мае 1950 г. первого Закона КНР о браке и официальное повышение возраста вступления в брак значительно сократило число ранних деторождений, имевших повсеместное распространение в старом Китае. На основе данных Академии общественных наук Китая, в 2000 г. средний возраст рождения первого ребенка у женщин составил 25,5 лет³. Позднее деторождение является одним из жестких требований политики планирования рождаемости, благодаря которой не только в городе, но и в деревне откладывание рождения ребенка на более поздний срок стало очевидной тенденцией. В то же время необходимость получить специальное разрешение на рождение ребенка, а также соблюсти интервал в 3 — 4 года между первыми и вторыми родами вынуждают сельские семьи, несмотря на официальную пропаганду, как можно раньше обзаводиться потомством.

Согласно Всекитайской переписи населения 2000 г., коэффициент суммарной рождаемости снизился до 1,22⁴. Некоторые эксперты подвергают это значение сомнению, что на наш взгляд, вполне правомерно, и оценивают его в 1,8. Но даже в этом случае коэффициент суммарной рождаемости ниже уровня замещения и значительно ниже того показателя, который преобладал до начала политики ограничения рождаемости. В дореволюционном Китае в среднем каждая женщина рожала 5 — 6 детей⁵. Желание иметь много детей всецело отвечало интересам семьи. После 1949 г. традиционная установка на значительную численность семьи была подкреплена выдвинутым руководством КНР лозунгом “Чем больше людей, тем сильнее и богаче государство”. Таким образом, призыв к многодетности на благо государства и традиционные ценности способствовали сохранению высоких показателей рождаемости вплоть до 70-х гг. XX столетия.

На сегодняшний день большинство населения страны идеальным считает рождение двоих детей. В крупных городах высок процент и тех, кто хочет иметь лишь одного ребенка. В Шанхае число таких семейных пар составляет 30%, а около 4% вообще не хотят иметь детей, в большинстве случаев это супруги из однодетных семей⁶. Отказ иметь большое число детей обусловлен трансформацией целей деторождения. В наши дни рождение ребенка имеет целью получить удовольствие от общения с ним, испытать родительские эмоции. Безусловно, многие родители по-прежнему связывают с детьми надежды на обеспеченную старость, продолжение рода, увеличение количества рабочих рук, стабильность и процветание семьи, однако, эти традиционные ценностные ориентиры постепенно утрачивают свое первоначальное значение. При принятии решения о деторождении учитываются не только личные интересы, но и интересы будущего

потомства. Могут ли супруги сделать ребенка счастливым — вот один из определяющих факторов репродуктивного поведения современной китайской молодежи.

Затрагивая вопрос о предпочтениях родителей, связанных с полом ребенка, заметим, что здесь изменения не столь значительны, как в вопросе о желаемом числе детей. В Китае, главным образом в деревне, как и прежде сохраняется особое отношение к мальчикам. Об этом со всей очевидностью свидетельствует увеличивающийся с каждым годом дисбаланс полов новорожденных. Идеальным, с точки зрения сегодняшних китайцев, считается рождение младенцев обоих полов, однако, в условиях действующей демографической политики супруги предпочитают иметь мальчика. Опрос, проведенный в экономически развитом городе Китая Сямэнь, показал, что 77,64% семейных пар одинаково относятся к детям обоих полов, 16,39% отдают предпочтение мальчикам и только 5,97% — девочкам⁷. И хотя за годы существования КНР отношение к девочкам намного улучшилось, тем не менее социальное положение женщины оставляет желать лучшего.

Охрана здоровья матери и ребенка

22 мая 2000 г. правительство КНР официально опубликовало “Программу развития детей в Китае с 2001 по 2010 гг.”. Улучшение благосостояния детей в рамках повышения качественного состояния всей китайской нации выступает одной из провозглашенных руководством Китая стратегических задач модернизации страны. Это уже вторая такого рода программа. Первая была опубликована и проведена в жизнь в 90-е гг. прошлого столетия.

Работа с детьми в КНР осуществляется по нескольким основным направлениям, одним из которых является охрана здоровья матери и ребенка. В дореволюционном Китае этому вопросу не уделялось должного внимания, причинами тому были низкий образовательный уровень населения, его бедность, слабая социальная защищенность женщин и детей, отсутствие квалифицированного медицинского обслуживания. После 1949 г. решение данного вопроса вошло в число государственных задач, что и позволило значительно изменить отношение населения к охране здоровья матери и ребенка. По данным ООН, в конце прошлого века коэффициент смертности новорожденных детей в Китае составил 30%. За 50 лет смертность новорожденных сократилась более чем в 6 раз. Коэффициент смертности детей до 5-летнего возраста в 2001 г. достиг 36%, коэффициент материнской смертности снизился с 1500 на 10 тыс. рождений в начале 50 гг. до 50 — на 10 тыс. рождений⁸. По последнему показателю Китай занял 55 место в мире.

За полвека существования КНР китайскому руководству удалось добиться больших успехов в деле охраны здоровья матери и ребенка. Темпы улучшения основных показателей в этой области были выше не только, чем в развивающихся странах, но и в развитых. Тем не менее, они все еще остаются сравнительно неблагоприятными. Например, коэффициент смертности новорожденных в России в 2 раза меньше, чем в Китае. Большинство крестьянских детей рождаются не в больнице, а дома⁹. Рожая вне медицинского учреждения, женщина подвергает опасности как свою собственную жизнь, так и жизнь ребенка. Согласно данным 1998 г., из общего числа умерших рожениц 47% умерли дома или по пути в больницу¹⁰. Наиболее частая причина смерти рожениц — сильное кровотечение. Послеродовое кровотечение без помощи врачей приводит к смерти даже совершенно здоровых женщин.

В городе в отличие от деревни многие женщины и дети имеют возможность получить не только базовое медицинское обслуживание, но и связанные с ним дополнительные услуги, например, отдельную палату для матери и ребен-

ка, своего собственного врача, возможности для родственников присутствовать при родах или наблюдать за ними по телевизору и т.д. Стоимость родов колеблется от нескольких сотен до тысяч американских долларов. Нередко беременность и роды сопровождаются избыточным вниманием со стороны медиков, примером чему может служить “эпидемия” кесаревых сечений без достаточных медицинских показаний. Так, в Шанхае 50% детей рождаются с помощью кесарева сечения¹¹. Большинство женщин просят о такой операции с целью избежать боли при родах.

С 90-х гг. XX в. в Китае активно пропагандируется грудное вскармливание. В женских консультациях, роддомах, детских поликлиниках стены увешаны плакатами и лозунгами, призывающими матерей кормить ребенка грудью. Однако не все прислушиваются к советам докторов и даже, согласившись с их доводами, тут же кормят новорожденного из бутылочки. Нередко отказ от кормления грудью связан с отсутствием молока у матери из-за ограничений в еде с целью снизить набранный за время беременности вес.

Добровольная бездетность

Нежелание приносить жертвы ради рождения ребенка является одной из главных причин появления среди городского населения супружеских пар, которые отказываются иметь детей. На английском языке для обозначения такой разновидности семьи используется аббревиатура DINK (двойной доход и никаких детей). Как правило, это представители среднего класса, семьи, в которых муж и жена имеют хорошее образование и неплохую работу. В основном бездетные семьи проживают в крупных городах, таких как Пекин, Тяньцзинь, Шанхай, Гуанчжоу, Ухань и др. По статистике число бездетных супружеских пар в Китае уже превысило 600 тыс. чел.¹² В Пекине, Шанхае они составляют 10% всех семейных пар репродуктивного возраста¹³.

Анализируя феномен нового репродуктивного поведения части китайского населения, можно выделить несколько причин его формирования. Во-первых, в наши дни родительство, занимая определенное место в иерархии ценностей человека, оттесняется иными ценностями: профессиональными, стремлением к материальному благополучию и пр. Проведение политики реформ и открытости сопровождается изменением ценностных ориентаций в обществе в сторону гедонизма и индивидуализма. Заметное возрастание среди китайской молодежи стремления к высокому профессиональному статусу и карьере, повышенная тяга к благосостоянию и высокому уровню потребления — все это препятствует родительству. Формированию новой системы ценностей в немалой степени способствует и политика ограничения рождаемости. К настоящему времени уже выросло и вступило в брачный возраст поколение рожденных в однодетных семьях. В китайском обществе часто говорят о том, что дети, будучи единственными в семье (“маленькими императорами”), достаточно эгоистичны, избалованы, ленивы. Многие из них не имеют опыта общения с окружающим миром. Молодые люди, привыкшие с детства быть в центре внимания, не желают отказываться от этого и во взрослой жизни.

Другой причиной распространения бездетных семей в Китае является трансформация взглядов на роль и значение ребенка в семье. Активная пропаганда ответственности за жизнь ребенка формирует у молодых людей достаточно высокие требования к рождению и воспитанию будущего поколения. В то же время постоянный рост в условиях рынка материальных и нематериальных затрат на детей служит серьезным препятствием к их выполнению. Переход от традиционно-патриархальной семьи к супружеской (эгалитарной), изменение

целей создания семьи и рождения ребенка, в частности разъединение мотивов сексуальных отношений и деторождения, дают супругам повод оставаться бездетными. Отметим, что указанные причины появления бездетных семей в Китае, по существу, такие же, как и в других странах мира.

Отношение к бездетным супружеским парам в современном китайском обществе неоднозначно. Сторонники бездетных семей, как правило, это молодежь, призывают общество уважать право каждого на выбор образа жизни. Противники добровольной бездетности говорят о ее вреде для психического и физического здоровья супругов, негативном влиянии на внутрисемейные отношения, укрепление родства. Поскольку от деторождения чаще всего отказывается хорошо образованная часть общества, то это препятствует и повышению качества населения. Более того, несмотря на наличие определенных социальных гарантий пожилым людям, на официальную пропаганду ответственности каждого человека за свое обеспечение в старости и необходимости заботиться о ней заблаговременно, для большинства китайских семей дети продолжают оставаться гарантом благополучной старости.

Положение ребенка в семье

Изменение за последние десятилетия репродуктивного поведения граждан Китая сопровождается трансформацией взглядов на положение ребенка в семье. В традиционной семье главными были отношения между отцом и сыном. Сын должен был во всем повиноваться отцу. Внутрисемейные отношения строились по принципу главенства старшего над младшим, родителя над детьми. Главенство одного означало повиновение и подчинение другого. Закон сурово карал детей за сопротивление родительской воле, а тем более за оскорбление старших в роде. Немецкий ученый XIX в. А.Ф. Швейгер-Лерхенфельд писал по этому поводу следующее: "Сын — послушный слуга отца, он никогда не противоречит ему, самым точным образом исполняет все его поручения и почтительно сопровождает во время ходьбы, причем идет не рядом, но всегда позади него..."¹⁴. С раннего детства у ребенка воспитывали уважение к авторитету старших, прививали способность жить в "вертикально-организованной" общественной структуре, в которой семейный интерес и семейное начало всецело господствовали над индивидуальным.

В отличие от традиционно-патриархальной семьи в современной — главными являются отношения между мужем и женой. Строгая половая и возрастная иерархия уступают место равноправию и взаимоуважению всех членов семьи. К характерным особенностям эгалитарной семьи относятся автономность членов, диалог равных, усвоение ребенком современных ценностей, гармонизация его представлений о правах и обязанностях, развитие активности и самостоятельности и т.д. Отказ от взаимоуважения и взаимопонимания в детско-родительских отношениях в наши дни ведет к возникновению конфликтов, что было большой редкостью в старом Китае. Беспрекословное подчинение младшего старшему, непререкаемый авторитет отца не оставляли место для детско-родительских противоречий. Защитить права и интересы детей призвана законодательная система КНР, в частности Закон КНР о защите несовершеннолетних, Закон КНР о браке, Закон КНР об образовании и др. В законах говорится о праве детей на семейную среду и опеку, на воспитание, культурное развитие и досуг, а также праве на личную тайну, уважение к личности.

Воспитание и образование детей

В настоящее время, когда некоторые аспекты социализации детей принимают на себя общественные институты и профессионалы (врачи, няни, детские сады, школы и пр.), происходит ослабление воспитательной функции семьи. Тем не менее, одной из главных задач семьи по-прежнему является выполнение родителями этой функции. Для современной городской семьи китайцев характерно активное участие в воспитании ребенка обоих супругов. Не только будущие матери, но и отцы посещают специальные курсы по уходу за новорожденными. После рождения ребенка мужчине предоставляется оплачиваемый отпуск сроком от трех до десяти дней. Отцы все чаще сопровождают ребенка в школу, готовят ему обед, проверяют домашние задания. Благодаря росту общественной занятости женщин, повышению их социального статуса, официальной пропаганде ответственности обоих родителей за воспитание детей уходят в прошлое традиционные представления о распределении родительских обязанностей.

Источниками получения знаний о методах воспитания будущего поколения служат книги, журналы, телевидение. В городе все больше молодых людей обращаются за информацией к Интернету или в специальные учреждения. Безусловно, большую роль в воспитательном процессе играет опыт старшего поколения. В традиционном обществе обращение к старшим за советом было единственным путем получения информации о том, как растить ребенка. Сегодня из десяти китайских детей дошкольного возраста 5 — 6 в основном воспитываются бабушками и дедушками¹⁵. Сохранению традиционно-значимой роли отношений между поколениями в деле социализации младших способствуют такие факторы, как повышение социальной занятости населения, рост его мобильности (уход родителей на заработки), увеличение продолжительности жизни, уменьшение числа детей в семье, совместное проживание под одной крышей нескольких поколений сельских жителей.

Пореформенный период характеризуется усилением внимания как общества, так и семьи к качеству воспитания будущего поколения, постоянным ростом расходов на него. В 1978 г. крестьянской семье на одного ребенка (с момента его рождения до достижения 15-летнего возраста) требовалось 1196 юаней. В 1986 г. эта цифра увеличилась до 12 138 юаней, а в 1998 г. — до 32 856 юаней¹⁶. В условиях децентрализации и коммерциализации в сфере медицины и образования отмечается изменение соотношения государственных и частных расходов в пользу последних. Примерно половина дохода семьи, а нередко и больше тратится на младших членов. К основной статье расходов относится образование ребенка.

Осуществляя рыночные преобразования, китайское руководство особое внимание уделяет вопросам улучшения образования, повышения культуры народа и оздоровления окружающей среды. На протяжении тысячелетий получение образования в Поднебесной открывало путь к чиновничьей карьере, а следовательно, и к обогащению. До 1949 г. образование было платным и доступным лишь небольшой части населения. Посещать школы могли только мальчики, для большинства девочек путь к получению знаний был закрыт. По достижении семи—восьми лет они начинали готовиться к замужеству, постепенно усваивая правила повиновения мужу и старшим. Вся суть школьного обучения заключалась в овладении конфуцианской мудростью в сфере морально-этических установлений, таким образом образование носило гуманитарный характер. Идеалом, достойным подражания, считалась китайская древность. Помыслы учащихся были устремлены не в будущее, а в прошлое. Важно было знать наизусть конфуцианские книги. Они не давали знаний о природе и обществе, их предназначение

было иное — привить людям определенные моральные качества: чувство сыновней любви, почтительность, верность долгу и прилежание, преданность императору. Такая система образования не менялась из века в век.

Модернизация Китая конца XIX в. положила начало ломке традиционных методов обучения: к изучению конфуцианских канонов прибавились естественные науки и технические прикладные предметы. В новое время китайские реформаторы и революционеры рассматривали изменение образовательной системы как основу всех преобразований в обществе¹⁷. Однако сохранение вплоть до 80-х гг. прошлого столетия традиционно жесткого государственного контроля за образованием, попытки подчинить его нуждам политики значительно обедняли образовательный прогресс. При Мао Цзэду не знания, а партийная принадлежность служила проходным баллом при поступлении в институт, продвижении по службе. Многочисленным гонениям и физической расправе были подвергнуты самые широкие слои интеллигенции. Вот что говорит об этом один из очевидцев: "...отец был тогда в составе рабочей "агитбригады", работавшей в университете Цинхуа. Он ни одного иероглифа не знал, но "чистил" их как следует, так что я с детства знаю, что такое "великая культурная революция" — это когда "рабочий класс руководит всем"¹⁸.

Переход от аграрно-индустриальной модели командно-административной экономики к более демократичному высокоиндустриальному обществу с многоукладной рыночной экономикой послужил началом реформы образования. На смену преимущественно количественным показателям в образовании пришли качественные. Результатом развития стали не только материальные блага, но и сам человек. Активное сотрудничество Китая с внешним миром, реализация глобальной программы перехода в информационное общество поставили перед китайским руководством задачу подготовки высококвалифицированных специалистов мирового уровня.

В настоящее время никто не сомневается в том, что получение качественного всестороннего образования является залогом жизненного благополучия. И городские, и сельские семьи в равной мере стремятся дать своим детям хорошее образование. Для крестьян — это возможность, оставив свое земледельческое занятие, "выбиться в люди". Несмотря на распространение в стране обязательного девятилетнего образования, расширение возможностей поступления в высшие учебные заведения, родителям в процессе обучения ребенка приходится сталкиваться с немалыми трудностями. Так, за годы модернизации на рубеже XX и XXI вв. усилилось неравенство образовательных шансов для представителей разных слоев населения. Речь идет о разрыве регионов по темпам развития, качеству и эффективности образовательных систем, стремительном росте частных расходов на образование. С 1994 г. плата за учебу в высшем учебном заведении выросла с нескольких сот до 5—8 тыс. юаней в год¹⁹. При этом доходы населения увеличились менее чем в 4 раза. Чтобы ребенок стал образованным, родителям приходится брать непомерные кредиты, за которые они рассчитываются всю оставшуюся жизнь.

Другой проблемой в сфере образования является чрезмерная концентрация внимания общества и семьи на интеллектуальном развитии детей в ущерб их физическому и нравственному воспитанию. Итоги четырех обследований, проведенных в Китае с 1985 г., показывают, что за последние 20 лет состояние здоровья у подрастающего поколения продолжает ухудшаться. Доля близоруких в средних школах первой ступени обучения приблизилась к 60%, в средних школах второй ступени составила 76%, в вузах — 83%²⁰. От неумеренного потребления калорийной пищи в КНР возникла проблема детского ожирения. Де-

сятилетие назад услугами шанхайского центра лечения ожирения пользовались несколько сот человек в год, теперь — 10 тыс. чел., и среди них много детей²¹.

К ухудшению показателей состояния и развития организма у учащихся приводят следующие факторы: во-первых, современный образ жизни вынуждает детей и подростков все меньше заниматься физическим трудом; во-вторых, в погоне за знаниями у них не остается времени на занятия спортом и отдых. 70,1% опрошенных школьников из Гуанчжоу считают, что они очень перегружены учебной, 30,1% признали, что не получают радости от приобретения знаний²². Многие из них страдают от серьезного психологического прессинга. Об ухудшении нравственной атмосферы свидетельствуют частые драки, умышленные провалы занятий, издевательства над животными, эксипизм и суициды.

В условиях развития экономики знаний и необходимости скорейшей подготовки высококвалифицированных специалистов происходит ослабление традиционно значимой культурной функции образования, игнорирование гуманистической цели воспитания индивидуальности (“чжунчжи циндэ” ценить ум, игнорируя мораль). Опрос, проведенный Федерацией женщин Тяньцзиня, показывает, что 87,2% глав семей основным считают успехи ребенка в школе. Далее по порядку следуют состояние здоровья ребенка и его моральные качества²³. Смещение акцента с нравственного воспитания на умственное стимулирует появление в Китае поколения “маленьких императоров” — избалованных и эгоистичных детей и подростков из однопотных семей.

Проблема “маленьких императоров”

Согласно данным 5-й Всекитайской переписи населения, число единственных детей в семье составляет около 90 млн чел.²⁴. Большая их часть проживает в городе, что связано с твердо проводимой демографической политикой “одна семья — один ребенок”. Можно выделить следующие основные причины появления в Китае “маленьких императоров”:

- жесткие правительственные меры по ограничению рождаемости;
- культ детей в китайской культуре;
- значительный рост благосостояния граждан, особенно в крупных городах и приморских провинциях;
- открытие страны внешнему миру и движение по пути демократизации и либерализации;
- тяжелое детство старшего поколения, желание дать детям то, что сами не дополучили, будучи маленькими. Многие родители “маленьких императоров” помнят о голоде в период коммунизации деревни, невозможности иметь красивые игрушки и одежду, необходимости в ущерб полученного образования ехать в деревню или в труднодоступные горные районы страны и заниматься непосильным физическим трудом.

В настоящее время очень многие родители вкладывают практически все свои силы и сбережения в будущее единственного ребенка. Они стремятся сделать все, чтобы их чадо ни в чем не нуждалось: с раннего возраста нанимают первоклассных учителей, водят в американские рестораны быстрого питания (Макдоналдс, KFC), покупают модную одежду и самые лучшие игрушки. “Маленькие императоры” не только держат ключ от сейфа с семейными деньгами, но и нередко определяют политику транснациональных корпораций на китайском рынке²⁵.

Многотысячелетняя традиция устанавливала строгие правила поведения детей. Ребенка учили беспрекословному повиновению старшим, трудолюбию, терпимости, бережливости. Он должен был с благодарностью принимать то, что

взрослые давали ему на обед. Отказаться от еды значило проявить непочтение к старшим членам семьи. В отличие от традиционного общества в современном малолетние отпрыски очень часто диктуют семье свои вкусы. Родители питались, чтобы выжить, для детей еда — скорее удовольствие.

Наличие поколения избалованных детей и эгоистичных подростков — такая же реальность, как старение населения, увеличение продолжительности жизни, рост числа разведенных и никогда не вступавших в брак людей и трансформация демографического мышления. Появление “маленьких императоров” является результатом развития современного мира, где на первый план выдвигаются индивидуальность, стремление к гедонизму, многообразию стилей жизни. В России, где большинство семей однодетные, также существует такая проблема. Однако в отличие от Китая она не столь актуальна. Причины, по которым китайское общество уделяет особое внимание проблеме “маленьких императоров”, заключаются в следующем. Во-первых, быстрота и глубина изменений в детско-родительских отношениях, переход от сыновней почитательности к почитанию младших; во-вторых, отсутствие всеобщей социальной защищенности пожилых, для большинства из них основной опорой в старости по-прежнему являются дети; и в-третьих, из-за осуществления политики ограничения рождаемости неизбежен дальнейший рост числа “маленьких императоров”.

* * *

Во второй половине XX в. детско-родительские отношения в Китае прерпели самые глубокие изменения. Широко развернутое китайским руководством движение за равноправие и взаимоуважение всех членов семьи, пропаганда социальной заботы о женщинах и детях положили начало трансформации взглядов на роль и значение детей в семье. Ужесточение с начала с 1970-х гг. мер по контролю за численностью населения, начало политики реформ и открытости ускорили и углубили этот процесс. В наше время стала очевидной тенденция отказа большей части населения страны от ранних деторождения и многочисленного потомства. За годы реформ значительно ослабло значение религиозно-этических и экономических факторов при принятии решения о деторождении. Для современных детско-родительских отношений становятся характерны такие черты, как диалог равных, взаимоуважение, гармонизация представлений ребенка о правах и обязанностях, развитие его активности и самостоятельности и т.д.

О масштабности происходящих в пореформенном Китае изменений во взглядах на рождение и воспитание детей говорит появление сравнительно новой для китайского общества разновидности неполных нуклеарных семей DINK, а также рост числа “маленьких императоров” и связанный с ним переход от традиционного почитания старших к особому почитанию младших. Вместе с тем, несмотря на тенденцию к возрастанию, в будущем нет оснований о неразрешенности проблемы “маленьких императоров”. Движение Китая по пути рыночных реформ, его дальнейшая интеграция в мирохозяйственные связи актуализируют вопрос о роли национальных духовных традиций. Стремление властей осуществлять модернизацию при сохранении культурной идентичности и цивилизационной самобытности и при установке на социальную гармонию позволяет, как нам представляется, смягчить тенденцию к росту гедонизма и эгоизма у избалованных детей и подростков. В условиях рыночной конкуренции добиться успеха смогут только сильные духом, самостоятельные, но одновременно и способные к сотрудничеству и компромиссу личности, а отнюдь не “маленькие императоры”.

1. Расселл Б. Брак и мораль. М., 2004. С. 150.
2. Душэн цзыной яньюй душэн цзыной: Чжунго “душэн фуму сяньсян” яньцзю чжии [Изучение родителей из однодетных семей]. Шанхай, 2003. С. 60.
3. Тан Цань. Вого чэнсян шэхуэй цзятин цзегоу юй гуннэндэ бяньцянь [Изменение структуры и функций семейной организации в Китае] // http://www.sociology.cass.cn/shxw/jtyxbyj/t20051115_7447.htm.
4. Чжунго 2000 нянь жэнькоу пуча цзыляо [Материалы всеобщей переписи населения 2000 г.]. Пекин, 2002.
5. Гао Мэнтао. Чжунго нунцунь пинькунь дицюй фунюй шэнчжи цзянькан инсян иньсу фэньси [Анализ факторов, оказывающих влияние на репродуктивное здоровье женщин из бедных районов Китая] // Чжуаньсин шэхуэйчжун дэ Чжунго фунюй [Женщины Китая в обществе переходного типа]. Пекин, 2004. С. 121.
6. Душэн цзыной яньюй душэн цзыной... С. 9.
7. Сюй Аньци, Е Вэньчжэнь. Чжунго хуньинь яньцзю баогао = A research report of Chinese marriages. Пекин, 2002. С. 115 — 116.
8. <http://www.women.org.cn/allnews/06/437.html>. 2006
9. Бергер Я.М. Социальная сфера и демографический фактор // Китай: угрозы, риски, вызовы развитию/ Под ред. В. Михеева. М., 2005. С. 302; Гао Мэнтао. Указ. соч. С. 132; “Муцинь аньцюань” хэ шэнчжи цзянькан фуу [“Безопасность матерей” и медиплинское обслуживание женщин]. — <http://www.china.org.cn/chinese/zhuanti/woman/681178.htm>. 2006
10. Гао Мэнтао. Указ. соч. С. 132.
11. Душэн цзыной яньюй душэн цзыной... С. 69.
12. Чжунго циннянь бао. 2005. 22 авг.; Цзы Фэнчунь. Не в днягах счастье // Китай. 2006. № 2. С. 50.
13. Душэн цзыной яньюй душэн цзыной... С. 69; Дин Вэнь, Сюй Тайлин. Дандай Чжунго цзятин цзюйбянь [Значительные перемены в современной китайской семье]. Цзинань. 2001. С. 277.
14. Швейгер-Лерхенфельд А.Ф. Китай. Семейная и народная жизнь китайцев // Усов В.Н. Жены и наложницы Поднебесной. М., 2006. С. 318.
15. Душэн цзыной яньюй душэн цзыной... С. 65; Шэхуэй бяньгэ юй дайци гуаньси яньцзю [Социальные перемены и межпоколенные отношения]/ Гл. ред. Ван Шусинь. Пекин, 2004. С. 103.
16. Шэхуэй бяньгэ юй дайци гуаньси яньцзю... С. 60.
17. Боровская Н.Е. Государство и школа: Опыт Китая на пороге III тысячелетия. М., 2003. С. 14.
18. Чжан Синьсинь, Сан Е. Дракон меняет облик: Китайцы сегодня. М., 1992. С. 180.
19. 2006 нянь: Чжунго шэхуэй синши фэньси юй юйцэ = Analysis and forecast on China's social development/ Гл. ред. Жу Синь и др. Пекин, 2005. С. 362.
20. Синьхуа. 2006. 23 авг.
21. Савенков Ю. “Маленькие императоры” держат ключ от сейфа с семейными деньгами // Россия — Китай. XXI век. 2006. Февраль. С. 45.
22. Синьхуа. 2006. 27 июня.
23. Дин Вэнь, Сюй Тайлин. Указ. соч. С. 81.
24. Сун Цзянь. Чжунгодэ душэн цзыной юй душэн цзыной ху [Единственный ребенок и однодетная семья] // Жэнькоу яньцзю. 2005. Vol. 29, № 2. С. 16.
25. Савенков Ю. Указ. соч. С. 42 — 45.

Образование

Реформа образовательного рынка КНР после вступления в ВТО: былое Китая и думы о России*

© 2007

Е. Смолькова

Одним из центральных векторов мирового развития в настоящее время является научно-технический прогресс, основывающийся на информационно-телекоммуникационных технологиях. Во многих странах составной частью планов модернизации производства и создания новых технологий становятся вопросы повышения образовательного уровня и переподготовки кадров. Подобные тенденции не могут не влиять на систему национального образования каждого государства. В обзоре политики стран-членов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в области высшего образования подчеркивается: "Все больше и больше образование воспринимается в качестве ключевого фактора экономического развития"¹. В связи с увеличением тяги к образованию среди молодежи из различных социальных слоев и спроса на квалифицированных специалистов, системе высшего образования приходится устанавливать новые формы связи между обучением и миром труда. Так, сегодня уже можно говорить о том, что высшее образование в мире постепенно трансформируется из закрытой системы в многомиллиардную глобальную индустрию обучения и повышения квалификации, которая некоторыми учеными оценивается в 27 млрд долл.США².

Вступление в ВТО и необходимость изменений в национальной политике высшего профессионального образования.

Непосредственное влияние образования на развитие глобальной экономики и рынок труда, а также заметное увеличение доходов от учебных взносов во всем мире привели к тому, что начиная с января 2000 г., любая учебная деятельность, носящая коммерческий характер, согласно распоряжению Всемирной торговой организации (ВТО), стала относиться к сфере торговых услуг. Высшая школа, образование для взрослых и профессиональные тренинги регулируются переговорами стран-участниц ВТО, принципы такого регулирования включены

Смолькова Е.А., аспирантка Института Дальнего Востока РАН.

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 06-06-02065а

в специальные соглашения этой организации. Важно отметить, что положения ВТО не касаются базового обязательного образования (как правило, начальной и средней школ), которые чаще всего находятся в ведении государств и не предполагают вмешательство в эту сферу.

Государство по вступлении в ВТО должно внести изменения в национальную образовательную политику для обеспечения свободной регуляции импорта и экспорта образовательных услуг другими государствами-участниками ВТО. Предполагается, что с помощью соглашений ВТО каждому студенту из стран-участниц гарантируется доступность всех образовательных продуктов и образовательных учреждений, а у каждого вуза появляется возможность увеличить спрос на программы международного образования, привлечь значительное количество иностранных студентов, от которых зависит не только финансовое положение вузов, но и их престиж и популярность. Таким образом, можно говорить об окончании периода спонтанного внутригосударственного развития высшего образования и о начале периода жесткой конкуренции за рынки образовательных услуг, регулируемых правилами ВТО.

На сегодняшний день менее одной трети всех 145 членов ВТО обязались открыть доступ в национальный образовательный сектор. Большая часть стран лишь уточнили существующую политику, но не предложили ее дальнейшую либерализацию. Это связано с тем, что правительства, принявшие ГАТС, должны гарантировать отсутствие дискриминации между отечественными и иностранными поставщиками услуг, то есть позволить последним играть по правилам внутреннего рынка (так называемый режим наибольшего благоприятствования)³. Очевидно, что новые возможности в условиях конкурентной и быстроменяющейся среды высшего образования на международном рынке благоприятствуют прежде всего вузам мирового класса промышленно развитых стран. По мнению авторитетных специалистов, «сильнее всего отрицательное влияние контроля ВТО над высшим образованием скажется в развивающихся странах... Их «задают» зарубежные учебные заведения и программы, ориентированные на прибыль, а не на оказание содействия национальному развитию»⁴.

Мировой опыт глобализации образовательных рынков развивающихся стран показывает, что правительства зачастую видят в международном образовании форму культурного западного доминирования и поэтому стараются оставлять за собой право выбора методов регулирования внутреннего образовательного рынка, устанавливая отбор иностранных поставщиков, которым разрешается доступ к национальному рынку⁵.

Рассмотрим, основные действия правительств Китая и России для интеграции национального образовательного сектора в мировую экономику.

Реформа высшей школы КНР по вступлении в ВТО: пан или пропал?

Для согласования внутригосударственной образовательной политики КНР с документами и принципами деятельности ВТО в 1998 — 1999 г. в КНР было принято несколько правительственных документов, имеющих целью подготовить национальную систему образования к вступлению в ВТО. В основном новые законы КНР, исходя из основных требований ВТО к образовательной политике стран-участниц, были направлены на внесение изменений в общее законодательство, ослабление монополии образовательных ведомств на контроль за дея-

тельностью учебных заведений, наделение школ и вузов на центральном и провинциальном уровнях повышенными полномочиями в решении некоторых насущных проблем⁸. Реформирование затронуло те основные формы образовательных услуг, которые поддерживаются и поощряются ВТО: дистанционное обучение, обучение за рубежом, международные академические обмены, получение образовательных услуг иностранных вузов на территории своей страны. Рассмотрим каждую из этих форм в отдельности.

Дистанционное обучение: чтобы овцы были целы

В последние десять-пятнадцать лет в мире происходят фундаментальные перемены в образовательном процессе, затрагивающие все ступени получения знаний — начальное, профессиональное, высшее и дополнительное образование — и связанные с широким распространением и проникновением в повседневную жизнь информационных и коммуникационных технологий. Сегодня системы дистанционного обучения (СДО) приобретают все более важное значение, особенно для Китая с его обширной территорией, неравномерностью заселения и отсталостью сельских регионов. СДО предоставляют больше возможностей для получения знаний, особенно в условиях дефицита учителей иностранных языков, информатики и т.п. в малых городах и селах.

В предшествующие десятилетия сетевое дистанционное обучение в Китае развивалось довольно медленно, спутниково-телевизионная сеть обучения стала распространенной в КНР только с 1980-х гг. Некоторыми государственными документами по образованию от 1999 г. (План мероприятий по подъему образования навстречу XXI веку, документы десятой пятилетки 2001—2005 гг. и др.) было намечено создание в течение 3-х лет современной системы дистанционного обучения. Так, крупными университетами Китая была разработана и введена в действие Китайская образовательно-исследовательская сеть "The Chinese Education and Research Network" (CERNET). Сегодня она связывает с глобальным интернетом 95% всех вузов и учебных заведений страны. По данным информационного сайта этой сети, на декабрь 2004 г. CERNET был распространен во всех провинциальных центрах и многих крупных городах КНР — он охватывал более 200 городов и 1600 предприятий. Количество физических пользователей превысило 12 млн чел.

Для того, чтобы сохранить результаты усилий по созданию инфраструктуры для отечественного дистанционного образования, Китай договорился со странами-участницами ВТО *не открывать* внутренний рынок образовательных услуг дистанционного обучения для иностранных школ и вузов. Китайское правительство оставило за собой право суверенитета в наделении иностранных инвесторов правом прямого набора китайских студентов на обучение дистанционным программам. Однако китайский студент может самостоятельно обучаться в иностранном вузе через Интернет или другие коммуникационные средства, хотя диплом по окончании такого обучения официально Министерством Просвещения КНР нострифицироваться не будет. Очевидно, что у такой политики китайского руководства есть *несколько причин*.

— Во-первых, Китаю, в случае открытия доступа на свой образовательный рынок способом трансграничной поставки, было бы трудно отслеживать качество иностранных дистанционных программ. По отношению к отечественным учреждениям дистанционного образования Китай проводит ежегодные провер-

ки качества. Подобная аттестация по отношению к зарубежным программам означала бы легитимизацию оттока капитала из страны в виде оплаты дистанционных услуг зарубежных вузов.

— Отсюда вытекает вторая причина запрета в Китае иностранных дистанционных услуг в чистом виде: неполная свобода управления иностранным капиталом в этой стране (высокие налоги на вывоз прибыли за границу, строгая регламентация зарубежных инвестиций на законодательном уровне) и другие проблемы технического обслуживания инвестиций. Все это естественным образом вносило бы неразбериху в процесс создания зарубежными вузами на территории Китая инфраструктуры для СДО, что могло сказаться на качестве, стоимости и системе взимания оплаты за образовательные услуги.

— Еще одна причина непринятия обязательств ВТО по трансграничной поставке образовательных услуг заключается в озабоченности китайского правительства судьбой отечественной СДО. Китайским образовательным учреждениям, относительно недавно наладившим внедрение средств электронного образования в классический учебный процесс, будет нелегко конкурировать с иностранными вузами, занимающими уверенную позицию на международном рынке дистанционного образования. Китайские вузы дистанционного образования пока могут похвастаться не очень многочисленной аудиторией в Сингапуре и Малайзии (Нанькинский университет, Шанхайский транспортный университет), в некоторых африканских странах. Причиной подобного отставания от иностранных интернет-школ может быть не только качество китайского образования, но и слабое технологическое оснащение дистанционных программ.

Технологии в обмен на потребителей

Подобный обмен приветствуется китайским правительством, которое одновременно с развитием отечественного электронного образования поощряет взаимодействие западных технологий сетевых учебных программ. И здесь, как и в дистанционном образовании, КНР строго придерживается ограничений в открытии своего потребительского рынка для программно-обеспечения иностранных компаний. Последним для распространения своей продукции необходимо создавать совместные компании с китайскими организациями. Причем благодаря огромному потенциалу китайского образовательного рынка (по количеству пользователей и планам правительства КНР по их увеличению) китайская сторона может выбирать партнеров из числа самых влиятельных и мощных компаний мира. Пожалуй, самым ярким примером подобного сотрудничества можно назвать основание в 2003 г. совместной компании CERNET-Blackboard по разработке программного обеспечения для СДО на китайском языке. За три года работы на китайском рынке продукт этой компании начали использовать 27 провинций, городов и автономных округов Китая, а также 105 известных китайских образовательных учреждений (прибыль американской компании от такого сотрудничества оценивается в 3—5 млн долл.). Что касается китайской стороны, то помимо прибыли в денежном выражении, она также получает качественное улучшение технологического обслуживания дистанционной связи студента с преподавателем — на таком современном программно-обеспечении можно создавать очень гибкие СДО, удовлетворяющие потребности конечного пользователя. Это является весьма важным фактором для повышения престижа заочных программ обучения и увеличения набора студентов.

Строгая позиция китайского руководства в допуске иностранных поставщиков на национальный рынок СДО основана на позициях пользы и выгоды. По всей видимости, такая ситуация не будет меняться до тех пор, пока у китайского правительства есть козырь в лице многомиллионных пользователей отечественного дистанционного образования. По оценкам международной аналитической компании IDC, занимающейся исследованиями ИТ рынка, к 2009 г. объем капиталовложений в области образования составит 4,4 млрд долл. США⁷. Если учесть, что на сегодня 90% дистанционного программного обеспечения используется китайскими вузами для научно-исследовательской работы, а рынок использования дистанционных систем в помощь классическому учебному процессу только зарождается, то в дальнейшем можно прогнозировать еще больший спрос на иностранное программное обеспечение. В этой связи, вероятнее всего, китайское правительство будет стараться сохранить свое преимущество в управлении огромным рынком потребителей и будет по-прежнему сдерживать иностранную экспансию строго регламентированной политикой. Кроме того, Китай стремится развивать СДО своими силами: уже сейчас здесь функционируют системы программного обеспечения, разработанные китайскими компаниями и вузами (например, мультимедийная система Лунтэн, система аудиторного и сетевого обучения Тянькун, система университета Цинхуа и Пекинского университета). Однако пока эти программы значительно уступают международным системам по функциональности, стабильности работы и совместимости с другими программами информационной инфраструктуры вуза.

Обучение за рубежом и академические обмены: “Дьявола бояться — в “Праде” не ходить”

Китай не устанавливает никаких ограничений в отправке своих студентов в другие страны-участницы ВТО на обучение и тренинги, а также не препятствует приему иностранных студентов в вузы КНР. Иностранцы имеют право преподавать в Китае, однако только по приглашению или по контракту с учебными заведениями. Иностранцы должны иметь как минимум степень бакалавра с соответствующим дипломом и не менее двух лет профессионального стажа.

История вопроса

Китайское правительство разрешает и поддерживает академические обмены с другими странами с 1978 г., когда Дэн Сяопин провозгласил целью поездок китайской молодежи за рубеж приобретение управленческих навыков, овладение научными и технологическими данными. Временными правилами об обучении за рубежом за свой счет от 1984 г. правительство Китая ввело более либеральную политику, расширяющую возможности поездок за рубеж.

Сегодня на фоне относительно низкого охвата высшей школой молодежи учебного возраста (лишь 19%, для сравнения: в США — 82%, в странах ЕС — в среднем около 55%, в России — 68%⁸) при строго квотированном государством наборе абитуриентов в вузы (так, в 2002 г. Министерством просвещения КНР планировался набор только половины абитуриентов вузов от общего количества подавших документы на поступление⁹), а также при сравнительно низком уровне качества образования в китайских учебных заведениях потребность в образовании восполняют учебные заведения других стран мира.

Строго ограничиваемая правительством страны в последнее десятилетие система прихода иностранных учебных заведений в Китай замедлила процесс прямого импорта иностранных образовательных услуг. Однако облегченная система разрешений для выезда за границу создала условия для массового оттока китайских студентов на обучение в иностранные вузы. Всего в период с 1978 по 2004 гг. количество студентов, выехавших из Китая за границу на учебу, составило 810 тыс. чел., что определило его мировое лидерство по потреблению образовательных услуг¹⁰. И если в конце 1980-х гг. Министерство просвещения КНР еще пыталось встать на защиту отечественного генофонда и лоббировало запрет на свободный выезд на обучение за рубеж, то под влиянием факторов глобализации и демократизации общества в последнее десятилетие правительству КНР остается только смириться с утечкой мозгов, одновременно используя демократические средства для их возвращения.

Все способы хороши

В последнее десятилетие политические лидеры КНР неоднократно заявляли о необходимости создания комплексных мер для привлечения на работу в Китай отечественных исследователей и ученых, получивших опыт обучения или исследовательской работы в иностранных вузах (так называемых “вернувшихся”). По статистике Министерства кадров КНР, за 20 последних лет ассигнования на поддержку “вернувшихся” составили 0,2 млрд юаней (около 25 млн долл. США). На эти средства поддерживаются научно-исследовательские работы более 4 тыс. обучавшихся за границей, более 1 тыс. получили гранты на краткосрочную научную работу в Китае. Кроме того, активно ведется создание на территории КНР инновационных парков с различного рода привилегиями для открытия бизнеса вернувшимися на родину — на конец 2003 г. в стране действовали 110 таких парков, в состав которых входили более 6 тыс. предприятий с общим доходом от технико-промышленной торговли в размере 32,7 млрд юаней (около 4 млрд долл. США)¹¹. В дополнение к этому Министерством кадров КНР была создана в Интернете “Информационная сеть для китайских талантов, обучавшихся за границей”, ставшая средством для общения и китайских студентов за рубежом. Правительство КНР также пытается активно задействовать провинциальные муниципальные власти в поддержке “вернувшихся” на местах. Так, например, законодательство Гуанси-Чжуанского автономного района предусматривает выдачу подъемного капитала в размере 4—6 тыс. долл. США каждому “вернувшемуся”. В Гуанчжоу муниципальные власти города обещают 12 тыс. долл. США.

За подобными действиями китайского правительства стоит просчитанная политика — использование труда и знаний “вернувшихся” обходится казне значительно дешевле, чем прямая закупка соответствующих технологий из-за рубежа. Кроме того, создание условий для новых научных разработок на территории Китая — превосходная школа и практика для начинающих китайских ученых.

Если звезды зажигают, значит, это кому-то нужно

Особенно способным счастливчикам из числа “вернувшихся” удается найти свое призвание в качестве помощников и советников высшего руководства Китая. Для многих это — исполнение мечты, взлелеянной многотысячелетними

традициями Китая. Вспомним, первого китайского поэта Цао Юаня, великого полководца Чжугэ Ляна и многих других, для которых быть правой рукой императора было делом всей жизни. Руководящие лица страны постоянно подчеркивают, что студенты и исследователи, вернувшиеся из-за границы — главный источник пополнения политических кадров¹². Действительно, в последние годы международные связи этих ученых и близкие контакты с политической элитой КНР помогают им становиться все более влиятельными в разработке национальной политики страны. В конце 1990-х гг., например, лидер КНР Цзян Цзэминь назначил на важные руководящие посты в КНР троих ученых из Шанхая, которые провели долгие годы в США в качестве приглашенных исследователей. Они помогали Цзяну Цзэминю в решении таких ключевых вопросах, как идеологическая эволюция и правовые споры относительно вступления Китая в ВТО. Считается даже, что один из этих специалистов, Ван Хунин, был главным разработчиком теории “трех представительства”, изложенной Цзяном Цзэмином.

Окончание следует

1. Globalization and Linkages to 2020: Challenges and Opportunities for OECD Countries. Paris: OECD, 1996.
2. Олдермен Д. Глобализация высшего образования: несколько замечаний по поводу свободного рынка и национального интереса // Высшее образование в Европе. 2001. Т. 26, № 1.
3. Snape R. Reaching effective agreements covering services. // ед. А/ Krueger. The WTO as an International Organization. Chicaco and London: University of Chicago Press, 1998.
4. Альтбах Ф. Высшее образование и ВТО: безумие глобализации // Вестник высшей школы. 2001. № 6.
5. Ziguras C. The Impact of the GATS on Transnational Tertiary Education: Comparing Experiences of New Zealand, Australia, Singapore and Malaysia // The Australian Educational Researcher. Vol. 30, N 3. 2003. P. 89.
6. Боровская Н.Е. Не было хлопот — вступили в ВТО. // Поиск. 2000. 23 сентября.
7. Blackboard чжа гэнь чжунго чжидо [Путь заселения в Китай компании Blackboard] // Чжунгоюаньчэнцзяюй. 2006. 26 июля.
8. Global Education Digest 2006. Comparing Education Statistics Across the World. UNESCO Institute for Statistics. Montreal: 2006 <http://www.uis.unesco.org/TEMPLATE/pdf/ged/2006/GED2006.pdf>
9. Гаокао цзэнь ме бянь [Как изменятся вступительные экзамены в вуз в 2002 году] 31.03.2002. — <http://edu.sina.com.cn/1/2002-03-31/22398.html>
10. Говай сюэвэй чжэншу хо гаодэн цзяюй вэньпин цзян ю саньжэньлюбужэнь [Иностранные дипломы о присуждении ученой степени или дипломы о высшем образовании: три вида будут признаваться государством и шесть — нет] // ИА Синьхуа. 2005. 18 августа.
11. Гули люсюэшэн хуэйго [Поощрять студентов, обучающихся за границей возвращаться в Китай] // Информационный центр Госсовета КНР. 2004. 30 сентября. <http://www.china.org.cn/chinese/zhuanti/qkjc/648434.htm>.
12. Ху Цзиньтао: люсюэ жэньюань яо вэй цзуго сяньдай хуа шиэ цзо гунсянь [Ху Цзиньтао: лица, обучающиеся за границей, должны вносить вклад в дело модернизации родины] // ИА Синьхуа. 2003. 30 окт.

Письмо в редакцию

В редакцию журнала "Проблемы Дальнего Востока" поступил материал, присланный из Китая жителем Автономного района Внутренняя Монголия Цзян Минли с изложением его понимания процесса развития и будущего китайско-российских отношений. Этот материал заинтересовал редакцию прежде всего потому, что позволяет составить представление о том, как рядовой китайский гражданин видит себе сегодня прошлое и будущее отношений Китая с Россией, в том числе и под влиянием официальной идеологической и пропагандистской линии Пекина.

Ниже излагается основное содержание указанного материала.

Будем всегда вместе

О себе Цзян Минли пишет, что он родился в 1940 году в деревушке неподалеку от города Цицикар в Северном Китае. В детстве он и его семья пережили все тяготы "японского рабства" в марионеточном государстве Маньчжоу-го.

В пятилетнем возрасте в завершающий год Второй мировой войны он стал свидетелем вступления в Маньчжурию советской Красной Армии, которая в короткие сроки разгромила и заставила капитулировать японскую Квантунскую группировку. Цзян Минли с искренней теплотой вспоминает о встречах с красноармейцами, которые "были очень добры к простому китайскому человеку", делились с ребятами своим пайком. Особенно запомнился ему вкус русского черного хлеба. Эти первые впечатления о Красной Армии и Советском Союзе "глубоко запечатлелись в его памяти, стали неизгладимыми".

После окончания средней школы Цзян Минли поступил в технический университет. За годы обучения в школе и университете он изучал краткую историю ВКП(б), приобрел знания об истории царской России, а также об Октябрьской революции и Советском Союзе.

До 1960 года, пишет Цзян Минли, идеологическая работа в Китае велась в духе китайско-советской дружбы, а лозунгами были — "учиться у советских старших братьев", "сегодня Советского Союза — это наше завтра", "необходимо отстаивать сплоченность международного коммунистического движения" и т.п. Если бы в 1957 году кто-либо в Китае осмелился отозваться негативно о Советском Союзе, то был бы заклеен как "правый элемент", и такое клеймо, по требованию Мао Цзэдуна, закреплялось навсегда.

Однако с 1960 года, в результате серьезных разногласий между китайскими и советскими руководителями, развернулась открытая полемика по вопросам марксистско-ленинской теории и стратегии международного коммунистического движения.

Одним из важных пунктов разногласий был вопрос об оценке личности И.В. Сталина. В Китае категорически разошлись по этой проблеме с XX съездом КПСС. Судя по высказываниям Цзян Минли, тогдашняя оценка КПК роли и личности Сталина в основном сохраняется в Китае и поныне. Цзян Минли пишет о Сталине как о преданнейшем соратнике В.И. Ленина, проявившем талант полководца в гражданской и Второй мировой войнах, но в то же время имевшем крупные недостатки, отмеченные Лениным. Однако авторитет Сталина был столь велик, что партия вопреки совету Ленина избрала его Генсеком ЦК ВКП(б). После смерти Ленина Сталин долго сдерживал свои недостатки и, выполняя заветы Ленина, успешно руководил экономическим строительством и укреплением власти. Однако в 1937 году он провел в СССР грандиозную чистку, в ходе которой подверглись пыткам и были истреблены тысячи кадровых работников партии, военных и простых людей. "Из вождя он превратился в царя-диктатора". Его трагедия состоит в том, указывает Цзян Минли, что все свои действия он считал необходимыми для укрепления власти. Он имел большие заслуги, но не избежал и ошибок. Мао Цзэдун выступил против огульных обвинений Сталина во всех грехах, т.к. это наносило вред международному коммунистическому движению. Конечная оценка в Китае деятельности Сталина была зафиксирована формулой: 30% негативного и 70% положительного.

Международные разногласия привели к осложнению межгосударственных отношений. В 1960-е годы по указанию Мао Цзэдуна КПСС была объявлена "политической партией современного ревизионизма", а Советский Союз — государством "социал-империализма". Вслед за этим на большом протяжении совместной границы от Северо-Восточного Китая до Синьцзяна произошла серия вооруженных столкновений, среди которых наиболее ожесточенные разгорелись на острове Чжэньбаодао (Даманский) в марте 1969 г. и чуть было не привели к вооруженному конфликту между двумя странами. В Китае развернулась активная подготовка к тотальной войне с Советским Союзом. 1 октября 1969 г., пишет Цзян Минли, в Чжанцзякоу (пров. Хэбэй) и на других важных участках "были откинута крышки снарядных ящиков и оставалось лишь зарядить снарядами орудия!" По приказу Линь Бяо усилилось производство вооружений, велась мобилизация в армию.

В то же время в Китае началась массовая политическая чистка. Из городов в сельскую местность выдворялись так называемые "объекты диктатуры", в том числе кадровые работники. На самолете из Пекина в провинцию Хэнань был сослан председатель КНР Лю Шаоци, который вскоре там умер. После его кремации "члены специальной комиссии" по этому поводу даже устроили "праздничный банкет".

В это время, пишет Цзян Минли, личные дела всех тех, кто получал образование в Советском Союзе, были отосланы в органы общественной безопасности. В их числе находились личные дела и будущих руководителей КНР Цзян Цзэминя и Ли Пэна. Ссылаясь на "сведущих людей", Цзян Минли утверждает, что если бы СССР действительно нанес по Китаю удар, то все эти люди — "объекты диктатуры" — были бы истреблены в первую очередь.

Что касается лично Цзян Минли, то по его признанию, 20 лет враждебно-го отношения в Китае к Советскому Союзу оказались не в состоянии вытравить из его души глубокое чувство дружбы к советскому народу. Он в позитивном духе оценивает Октябрьскую революцию и образование СССР, а также грандиозные успехи советского народа, достигнутые в ходе пятилеток и борьбы с внешними врагами. Эти достижения, по его словам, позволили Советскому Союзу стать "одной из сверхдержав".

КПСС и советское правительство, пишет Цзян Минли, действуя в соответствии с учением Маркса о том, что "не освободив все человечество, пролетариат не может обрести свое окончательное освобождение, как в ленинский, так и в сталинский периоды существования СССР последовательно поддерживали борьбу всех народов — в том числе и китайского — за независимость, свободу и демократию".

В начальный период после образования китайской компартии советское правительство финансировало ее и "вырастило для революционного дела Китая десятки тысяч политических и военных кадровых работников". Подробные данные приводятся о советской помощи в период борьбы китайского народа против японской агрессии в 1931–1945 гг. Вскоре после разгрома советской армией японской квантунской военной группировки в Северо-Восточном Китае захваченные ею японские вооружения "были тайно переданы войскам китайских коммунистов в этом регионе (3600 тяжелых орудий, 50 тыс. пулеметов, 800 тыс. винтовок, несколько самолетов и броневиков), а также ряд военных заводов и около 100 складов вооружения. Это помогло создать сильную миллионную армию КПК, которая совершила победоносный поход от провинции Хэйлуцзян до острова Хайнань.

Мао Цзэдун согласился с предложением Сталина о скорейшем провозглашении Китайской Народной Республики, чтобы предотвратить вмешательство ООН. После образования КНР между двумя странами был заключен Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи, важнейшая статья которого, как подчеркивает Цзян Минли, фактически предусматривала возможность оказания всесторонней советской помощи Китаю в случае, если бы он подвергся агрессии. "В условиях империалистического окружения это давало гарантию безопасности новому Китаю".

Одновременно СССР начал оказывать Китаю большую поддержку в восстановлении и реконструкции народного хозяйства. По просьбе Китая Сталин направил туда советских специалистов, которые помогли в составлении первого китайского 5-летнего плана.

СССР передал Китаю КВЖД и 20 совместных предприятий, помог создать авиационное училище. Когда разразилась война в Корее и Китай решил направить туда своих добровольцев, "Сталин поддержал эту справедливую борьбу против агрессии" и снабдил Китай и КНДР тысячами тяжелых орудий, танков и самолетов. Десять советских авиационных дивизий вели воздушные бои в Корее, вся эта помощь оказывалась Советским Союзом на безвозмездной основе.

Цзян Минли напоминает также о посылке 5 советских авиадивизий в Восточный Китай в 1950 г., чтобы парализовать налеты с Тайваня гоминьдановской авиации на Шанхай и другие китайские центры. Эта задача была успешно решена в короткие сроки. СССР передал Китаю 65 управляемых снарядов и на этой базе были созданы китайские ракеты "земля-воздух", которыми в 1965 г.

были сбиты 4 тайваньских разведывательных самолета У-2. Это положило конец разведывательным полетам гомиьндановцев над материковым Китаем.

Главным содержанием первой китайской пятилетки стало строительство 156 крупных объектов металлургии, машиностроения, электроники, химической, военной и в других основных отраслях экономики. "Китаю в то время были не по плечу большие инвестиции, и он опирался главным образом на низкопроцентные советские кредиты, предоставлявшиеся на 15-20 лет. Причем техническую документацию предприятий и подготовку кадров Советский Союз обеспечивал безвозмездно". И это в условиях, когда СССР сам еще не преодолел последствия разрухи после Второй мировой войны.

"Советская помощь Китаю в то время была поистине бескорыстной, воплощая в себе дух пролетарского интернационализма". "В процессе пятилетки во всех экономических ведомствах, университетах, научно-исследовательских учреждениях, военно-технических родах войск от полка и выше трудились советские специалисты.

Первый атомный реактор, первый ускоритель элементарных частиц, первая ракета были получены Китаем от Советского Союза. Советские специалисты участвовали на первых порах в научно-производственных работах по китайской атомной бомбе и ракетам".

Большой вклад внес СССР и в подготовку кадров для Китая. Цзян Минли называет среди учившихся в советских вузах таких видных китайских руководителей, политических и военных деятелей, как Ли Пэн, Ван Юнчжи, Ван Ганьчан, Лю Хуацин, Цао Ганчуань.

Цзян Минли приводит слова Генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао из выступления на торжественном открытии "Года России" в Китае 21 марта 2006 года: "Нам особенно не следует забывать, что в великой борьбе китайского народа против японского милитаризма многие героические сыновья и дочери России пожертвовали на китайской земле самым дорогим — собственной жизнью. Нам особенно не следует забывать, что в первые годы после образования нового Китая российский народ протянул китайскому народу руку помощи и оказал многостороннее содействие в строительстве нового государства. Эта дружба, скрепленная кровью и искренностью, крепко запечатлелась в сердцах народов двух стран, став важным источником силы для развития китайско-российских отношений".

20-летнее противостояние Китая и России (1960—1980 гг.) "целиком и полностью", как подчеркивает Цзян Минли, было вызвано конкуренцией отдельных китайских и советских руководителей за гегемонию в международном коммунистическом движении. Как только ушли отдельные руководители, так ситуация стала изменяться к лучшему. В 1980-е гг. между двумя странами усилились консультации по двусторонним отношениям. Любопытно, отмечает Цзян Минли, что с восстановлением отношений в 1989 г. первое, о чем подумали китайские руководители, была закупка новейших советских вооружений.

С этого времени Китай и Россия начали стремиться к тому, чтобы изменить ситуацию, когда торговые связи отставали от политических. Благодаря обоюдным усилиям торговый оборот непрерывно рос и достиг 29 млрд долл. Сейчас дело идет к отметке 60 млрд долл.

Происходит активное сотрудничество в сфере науки и техники, образования и культуры. Количество китайцев, обучающихся в России, превысило 10 тыс. человек. Между главами правительств КНР и России достигнуто согла-

осие о взаимном изучении в двух странах языка и литературы. Проведение в 2006—2007 гг. национальных годов призвано поднять отношения между Китаем и Россией на новую ступень

Для укрепления взаимопонимания между молодыми поколениями и углубления сотрудничества двух стран будут открыты объединенные университеты и аспирантура.

После превращения стран Восточной Европы и СССР в капиталистические государства возглавляемая США организация НАТО не только не была распущена, но наоборот — расширилась на Восток и сразу же интегрировала в свои ряды Восточную Европу. Вслед за этим расширение НАТО распространилось в пределы бывшего Советского Союза, охватив три прибалтийские республики. Затем НАТО поддержало так называемые “оранжевые революции” в Грузии, на Украине и в центральноазиатской Киргизии. В результате с запада до юга Россия оказалась в полукольце стратегического окружения.

Китай с 1949 г. также неизменно существует в условиях окружения со стороны США и ведет строительство, преодолевая интенсивный американский прессинг. Поскольку ныне под влиянием США оказалась западная часть Центральной Азии и Монголия на севере, то угроза Китаю по сравнению с прошлым еще более возросла.

Стратегическая угроза Китаю и России со стороны США, естественно, заставляла две страны сблизиться друг с другом. Таков, по мнению Цзян Минли, исторический фон появления китайско-российского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве и включения в него положения “всегда дружить и никогда не враждовать”, всегда быть добрыми соседями, надежными партнерами и близкими друзьями.

В настоящее время, когда между Китаем и Россией уже нет политических разногласий, когда существуют добрососедство и экономическая взаимодополняемость, в условиях окружения и давления со стороны США отношения между двумя странами будут еще более тесными, а сотрудничество в экономической области, сфере высоких технологий и военное взаимодействие позволят отразить агрессию, откуда бы она ни исходила*.

* Такова точка зрения автора. Вместе с тем, в статье 7 Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР от 16 июля 2001 г. отмечается, что “военное и военнотехническое сотрудничество между Договаривающимися сторонами... не направлено против третьих государств”. — Прим. ред.

ДИСКУССИИ

Еще раз о "вихре вокруг Лю Гогуана"

© 2007

Э. Пивоварова

Публикация О. Борох и А. Ломанова в связи с вышедшей год назад в Китае книгой "Реальные записи о "вихре вокруг Лю Гогуана" привлекла внимание многих исследователей.

Напомним, что один из крупнейших экономистов современного Китая Лю Гогуан выступил с тревожными заявлениями о том, что за последние годы в КНР "западная мысль уже вытеснила марксизм в экономической науке" и что "эти тенденции угрожают социалистическим устоям китайского общественного строя и власти КПК в целом"². Напрямую не высказывая собственного отношения к этим высказываниям маститого ученого, авторы публикации, однако, отмечают по ходу изложения его взглядов, что в 1992 г. Дэн Сяопин наказал не вести споры о том, "под какой фамилией" проводятся китайские преобразования — "капитализма" или "социализма", потребовав сосредоточиться на борьбе с левым уклоном", однако Лю Гогуан ныне утверждает, что в противодействии левому уклону уже достигнуты большие успехи, и теперь настала пора борьбы с набирающим влиянием правым уклоном "буржуазной либерализации"³.

Намек на то, что позиция Лю Гогуана противоречит наказу Дэн Сяопина, налицо, ввиду чего ряд других важных указаний последнего уместно воспроизвести. Это тем более важно, что многие высказывания Дэн Сяопина проистекали из научных разработок китайских теоретиков, включая того же Лю Гогуана, который на протяжении 11 лет рыночных реформ (1982-1993 гг.) занимал пост президента Академии общественных наук Китая. Именно в те годы шел трудный и мучительный процесс переосмысления прочно устоявшихся представлений о сущностных чертах развития социалистического общества, с построением которого КНР уже несколько десятилетий связывала надежду на преодолении отсталости и бедности.

Интенсивный теоретический и практический поиск, которым отмечен период после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978г.), выявил группу противоречий, связанных с попытками соотнести сложившиеся в рамках классического марксистско-ленинского наследия представления о социализме с социально-экономической реальностью Китая. Выводы, сделанные на этой основе

Пивоварова Элеонора Петровна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ИДВ РАН.

китайскими экономистами, стали расцениваться как “вызовы” и “прорывы” в экономической теории социализма. Не претендуя на безусловность и окончательность, эти “вызовы” и “прорывы” выдвигали на первый план сущность и особенности китайской действительности, заставившие по-новому оценить многие моменты экономической теории социализма, ими же постепенно определялась модель “социализма с китайской спецификой”.

Безусловно, что такие “вызовы” и “прорывы” в экономической теории социализма творили ученые, обладающие не только богатыми научными знаниями и творческим мышлением, но и немалым мужеством, ибо первопроходцы часто наталкиваются на беспощадную критику и “справа”, и “слева”. И знаменательно, что у руля экономической науки тогда стоял Лю Гогуан.

Мудрость Дэн Сяопина и продолжателей его дела заключалась в том, что в экономической политике государства находили отражение (и получали официальное благословение) те выводы и рекомендации китайских ученых, которые выражали национальные интересы страны, а потому способствовали движению ее по пути социально-экономического прогресса.

Обобщая в 1988 г. итоги первого десятилетия хозяйственной реформы, Лю Гогуан констатировал, что в КНР дореформенного периода дух “опоры на практику” потускнел в ущерб “опоре только на книгу”: в результате, подчеркнул он, экономические труды стали всего-навсего орудием толкования текущей политики. В этом, по его мнению, заключалась одна из важнейших причин застоя в экономической теории до 3-го пленума 11-го созыва, идеологические установки которого “раскрепощать сознание, извлекать истину из фактов” “сыграли роль восточного ветра для китайских ученых-экономистов”. В результате, по словам Лю Гогуана, “экономическая наука постепенно стала избавляться от пут догматизма, вновь повернулась к реальной действительности и, погрузившись в нее, поставила новые проблемы, нащупанные в практике реформы и политике открытости”⁴.

Хотя по пути переосмысления социализма пошли в 80-е годы почти все социалистические страны, можно сказать, что КНР действительно сумела выйти за короткий промежуток времени на передний край реформ в социалистическом мире, смело поставив такие кардинальные вопросы теории, как необходимость развития при социализме товарного хозяйства, дифференциации доходов, конкуренции внутри страны и на международной арене, плюрализма форм собственности и распределения⁵. Характерно, что соавторство Лю Гогуана присутствует практически в каждом из указанных “прорывов”.

То, что авторы публикации на китайскую книгу о “вихре вокруг Лю Гогуана” напомнили о неодобрительном отношении Дэн Сяопина к спорам о том, “под какой фамилией” проводятся в КНР преобразования⁶, представляется правомерным. Но стоило ли намекать на то, что “Лю Гогуан “по сути призвал к пересмотру этой руководящей установки” (именно так написал один из авторов в более позднем издании ИДВ РАН)⁷. В данном случае Дэн Сяопин говорил о тактике, а не о стратегии преобразований. К тому же есть смысл сопоставить аргументацию Дэн Сяопина и Лю Гогуана.

Аргументация Дэн Сяопина звучала так: “Плановая экономика не есть аналог социализма, ибо при капитализме тоже есть планирование, а рыночная экономика не есть аналог капитализма, ибо при социализме тоже есть рынок”; и план, и рынок — лишь экономические рычаги, “несколько большее использование планирования либо рынка не служит сущностным различием между социализмом и капитализмом”⁸. На неправомочность противопоставления плана и

рынка, указывал и Лю Гогуан, когда в статье, написанной совместно с другим крупным экономистом (Чжао Жэньвэем) и частично опубликованной еще в 1979г.⁹, написал, что социалистическая экономика противостоит не рыночным отношениям, а стихийному или анархическому состоянию производства, что рыночная экономика не всегда пребывает в стихийном и анархическом состоянии — а это зависит от того, в условиях какой собственности осуществляются рыночные отношения. В условиях социалистической общественной собственности их можно осознанно контролировать, чтобы служили социалистической плановой экономике. То есть, доказывал Лю Гогуан уже в начальный период реформы, “социалистическая экономика является такой плановой экономикой, которая существует в условиях товарно-денежных отношений, она противостоит лишь стихийному рынку и натуральному хозяйству, но не рыночным отношениям, находящимся под осознанным контролем людей”¹⁰.

Лю Гогуан стоял и у истоков “радикального прорыва” в экономической теории, выразившегося в отказе от постулата, будто социализм должен базироваться единственно на общественной собственности на средства производства, обосновывал необходимость формирования при социализме плюральной структуры собственности. Поистине революционный характер носила опубликованная в начале 1986г. в газете “Цзинцзи жибао” статья Лю Гогуана, содержащая решительный вывод, что без реформы отношений собственности, в том числе государственной, не будет успеха в реформе экономической системы КНР¹¹. После длительных дискуссий, на специальном совещании по вопросам собственности, прошедшем осенью-зимой 1985г., Лю Гогуан сообщил о научном признании важнейшего “прорыва” в экономической теории социализма, касающегося отношений собственности.

Признав наличие в реформируемом Китае тенденции к формированию плюральной структуры собственности, ведущие ученые КНР пришли к выводу, что в отличие от прежних прогнозов марксистско-ленинской науки, предполагавших постепенное вытеснение несоциалистических форм хозяйствования и движение социализма к созданию единой всенародной собственности, объективная реальность требует и в будущем сосуществования различных по формам собственности типов хозяйств.

Количественные границы каждого из типов хозяйств должны, по мнению Лю Гогуана, определяться эволюционным процессом рыночного естественного отбора: те из них, которые в условиях равной рыночной конкуренции проявят свою эффективность, будут далее существовать и развиваться, а тех, что не смогут функционировать без постоянной государственной поддержки, неизбежно ждет банкротство. В целом же экономику можно квалифицировать как социалистическую до тех пор, пока преобладающий удельный вес (или господствующие позиции) составляют общественные формы собственности, особенно (и главным образом) в ключевых отраслях производства.¹²

Как видим, Лю Гогуан глубоко прав, говоря сегодня о больших успехах в противодействии левому уклону¹³. И его личные заслуги в этом несомненны.

Задаваясь вопросом, почему летом 2005г. Лю Гогуан дал толчок дискуссии о месте марксизма в преподавании и исследовании экономической теории, есть смысл обратиться к заветам Дэн Сяопина. Ведь стратегия китайских реформ, формировавшаяся на идеях основательно переосмысленного марксизма, является общим детищем и Дэн Сяопина, и тогдашнего вице-президента АОН Китая Лю Гогуана, других ученых. И за нынешние результаты ее они в ответе.

Свой стратегический наказ Дэн Сяопин сформировал во вступительном слове на XII съезде КПК в сентябре 1982г.: “Сочетать всеобщую истину марксизма с конкретной реальностью нашей страны, идти собственным путем и строить социализм с китайской спецификой — таков основной завет, сделанный нами на основе обобщения длительного исторического опыта”¹⁴. Указав два года спустя в одной из своих речей, что социализм должен покончить с бедностью и поставив при этом вопрос о необходимости “обеспечить развитие производительных сил и улучшение жизни народа при нынешней отсталости Китая”, Дэн Сяопин возвращается к проблеме, какого пути для этого надо придерживаться — социалистического или капиталистического.

Ответ на это гласил: “Капиталистический путь позволит разбогатеть горстке людей, составляющих несколько процентов населения Китая, но ни в коем случае не остальным 90 с лишним процентам людей. Поэтому мы должны твердо идти по пути социализма. Осуществление социалистического принципа распределения по труду не приведет к появлению, с одной стороны, слишком богатых, а с другой — слишком бедных людей. Таким образом, поляризация не произойдет у нас и через 20 — 30 лет при развитых производительных силах”¹⁵. Его заключительное резюме: “Если наша политика вызовет поляризацию, то это будет означать, что мы проиграли. Если у нас появится какая-нибудь новая буржуазия, то это будет означать, что мы действительно свернули на ошибочный путь”¹⁶.

Именно во избежание такого “проигрышного” итога, как нам представляется, забил Лю Гогуан тревогу по поводу все быстрее нарастающей в последние годы имущественной дифференциации в китайском обществе.

Ведь и Дэн Сяопин, и китайские ученые, совершавшие “прорывы” в экономической теории социализма во время выработки модели “социализма с китайской спецификой”, прекрасно понимали, что неизбежным итогом признания ими частных хозяйств и рыночных отношений в качестве слагаемых нового общества станет не только экономический прогресс, но и имущественная дифференциация. Главный наказ Дэн Сяопина заключался в том, чтобы не допустить в стране поляризации — “обогащения одних и обеднения других”, чтобы при “появлении отдельных буржуазных элементов” не сформировался “класс буржуазии”, ибо это означало бы “крах реформ”¹⁷.

Верность намеченному пути, по Дэн Сяопину, гарантирует сохранение доминирующего положения социалистической общественной собственности и предотвращение поляризации в обществе. “Нельзя, — добавляет он, — игнорировать и роль государственной машины”, которая в КНР “отличается большой мощью”, и “в случае отклонения от социалистической ориентации вмешается и выправит положение”¹⁸. А потому можно сказать, что Лю Гогуан верен и этому наказу Дэна, когда говорит о “недопустимости” звучащих ныне в стране предложений “минимизировать роль правительства, ограничить вмешательство и контроль со стороны государства”¹⁹.

Известно, что по мере углубления реформы главными инструментами экономической политики в КНР становятся макрорегулирование и макроконтроль. Макроэкономическое управление стало и ведущей темой в исследованиях Лю Гогуана. Он поднимает вопросы необходимости урегулирования, ликвидации перекосов не только в экономике, но и в сфере социальной, как наиболее болезненно отражающейся на настроениях людей.

Вопросы нарастающих социальных противоречий между городом и деревней, между различными регионами страны и между разными слоями населе-

ния стали постоянными темами обсуждения руководством уже со времени 3-го пленума ЦК КПК 16-го созыва (2003 г.). Центральным вопросом состоявшегося в октябре 2005 г. 5-го пленума ЦК КПК 16-го созыва стала необходимость сокращения растущего имущественного расслоения среди населения страны и предотвращения поляризации китайского общества — всего того, с чем Дэн Сяопин связывал угрозу “краха китайской реформы”.

Дэн Сяопин признавал, что в стране “есть люди, которые беспокоятся, как бы Китай не превратился в капиталистическую страну” и считал, что их опасения не лишены оснований. Рассеивать такие опасения он призывал не пустословием, а фактами и “утверждением высоких идеалов коммунизма в сознании одного-двух последующих поколений”, не позволяя подросткам и молодежи “идти в плен к гнилой буржуазной идеологии”.²⁰ К этому же призывает и Лю Гогуан, когда говорит о недопустимости принимать — в духе западной теории не-олиберализма — предпосылку “экономического человека” и соглашаться с тем, будто “природа человека неизменно своекорыстна”.²¹

На наш взгляд, высказывания Лю Гогуана свидетельствуют не столько о “глубокой идеологической окраске”²², сколько о высокой нравственности его позиций. Лю Гогуан сохранил, как нам представляется, верность практически всем главным “наказам” Дэн Сяопина и сегодня мужественно старается не допустить того, чтобы реформа, уже значительно продвинувшая Китай по пути социально-экономического прогресса, свернула, выражаясь словами Дэн Сяопина, “на ошибочный путь” и “проиграла”²³.

-
1. См.: Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 5. С. 173—179.
 2. Там же. С. 173
 3. Там же. С. 174
 4. КНР на путях реформ. М.: Наука, 1989. С. 32
 5. См.: Цзинцзи яньцзю. 1988. № 11. С. 11—12.
 6. См.: Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 5. С. 174.
 7. ТДВ. Экспресс-информация. 2006. № 12. С. 12.
 8. Жэньминь жибао. 1992. 21 окт.
 9. См. Цзинцзи яньцзю. 1979. № 5.
 10. См.: Лю гогуан. Лунь цзинцзи гайгэ юй цзинцзи тяочжэн [Экономическая реформа и урегулирование хозяйства]. Нанкин, 1983. С. 95-124.
 11. См.: Цзинцзи яньцзю. 1979. № 1. С. 1-28.
 12. Цзинцзи жибао. 1986. 4 янв.
 13. См.: Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 5. С. 174.
 14. Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. Пекин, 1987. С. 3.
 15. Там же. С. 61.
 16. Там же. С. 112.
 17. Там же. С. 134.
 18. Там же. С. 135.
 19. См.: Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 5. С. 174.
 20. Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. Пекин, 1987. С. 113.
 21. См.: Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 5. С. 174.
 22. Там же.
 23. См.: Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. Пекин, 1987. С. 112.

Научная жизнь

Исследования индийских китаеведов

Институт исследований Китая (ИИК)* — специализированное научно-исследовательское учреждение, основанное в 1990 г. в Нью-Дели (Индия). Его история берет начало в 1969 г., когда стали осуществляться регулярные проекты и встречи в рамках Группы китайских исследований. Эта "группа" на протяжении длительного времени являлась неформальным форумом, который объединял ведущих ученых китаеведов из Университета Джавахарлала Неру, Университета Дели, Центра изучения развивающихся обществ, Института экономического роста и других исследовательских учреждений Индии. По мере усиления интереса к Китаю в индийском обществе, и осознания необходимости систематических фундаментальных китаеведческих исследований форум был преобразован в академический институт.

Проекты ИИК, включающие изучение экономической политики, внешней торговли, политической и социальной трансформации Китая, сравнительные исследования модернизации в Китае и Индии, пользуются поддержкой Министерства иностранных дел и индийского правительства. Институт проводит регулярные семинары, конференции с участием китайских коллег, дипломатов и политиков обеих стран. Среди последних работ Института, опубликованных в период с июля 2005 по декабрь 2006 г., необходимо отметить следующие:

"Пять принципов мирного сосуществования" в двухсторонних договоренностях и в контексте международных отношений

Данная работа Санджива Кумара входит в серию материалов, посвященных 50-летию юбилею исторического "Соглашения о пяти принципах мирного сосуществования" ("Panchsheel Agreement"), подписанного между Индией и Китаем в 1954 г. В сборнике представлены исторические документы, соглашения, коммуникации за период 1954 — 2004 гг., в которых прослеживается эволюция концепции "пяти принципов мирного сосуществования" (на языке хинди — "панча шила"), их влияние на климат международных отношений в целом. Среди опубликованного — выступления выдающихся государственных деятелей двух стран, содержащие оценки и критические замечания по поводу указанных принципов, или ссылки на эти принципы как на уникальный метод разрешения конфликтов.

Особый интерес представляет вводная статья С. Кумара. Автор делает акцент на значение "пяти принципов" в двухсторонних отношениях Индии и Китая — двух ведущих азиатских держав, население которых составляет свы-

* The Institute of Chinese Studies (ICS).

ше 1/3 мирового. Он приходит к выводу, что “Принципы мирного сосуществования”, проверенные на практике в этом бурно развивающемся регионе, могут быть полезным и действенным методом разрешения конфликтов в мировом масштабе.

Индо-тибетская граница.

Торговля в районе индийского штата Гимачал-Прадеш

Эта работа Судха Вазана посвящена анализу исторической трансформации торговой деятельности и образа жизни народов, проживающих в районе индо-китайской границы, у пограничных пунктов Шипки Ла и Каурик, расположенных с индийской стороны. По утверждению автора, приграничная торговля в данной местности, сведения о которой можно найти в исторических хрониках XVII в., отвечает интересам коренных жителей, как со стороны Индии, так и со стороны Тибетского автономного района КНР. Тот факт, что в последнее десятилетие торговые связи там заметно активизировались, свидетельствует об экономическом оживлении данного региона.

Торговая деятельность в этом районе была восстановлена и узаконена “Меморандумом о возобновлении приграничной торговли между Индией и Тибетским автономным районом КНР от 13 декабря 1991 г. Автор анализирует импортно-экспортные потоки через указанные пограничные пункты, состояние дорог, описывает бытовые и социально-экономические проблемы местных жителей. В заключение он приходит к выводу, что хотя торговля в этом районе пока осуществляется в ограниченном объеме, развитие ее маршрутов, улучшение качества дорог, отвечают интересам коренного населения, так как все это может привлечь в регион туристов и паломников, а значит и дополнительные источники финансирования.

Перспективы участия Китая в Форуме “ВСИМ”*

Тематический выпуск под редакцией Равни Тхакура приурочен к шестой встрече в рамках Форума региональной экономической кооперации “ВСИМ” (БКИМ — Бангладеш, Китай, Индия, Мьянма), проходившей в марте 2006 г. в Нью-Дели. Примечательно, что Равни Тхакур определяет БКИМ, или Форум “куньминской инициативы”, как одну из составляющих общей стратегии Китая, направленной на расширение зоны своего влияния, определившей выступление с инициативой о создании ШОС на северо-западном направлении в 2001 г. Роль “моста” в Центральную Азию выполняет Синьцзян, а “южный шелковый путь” берет свое начало в провинции Юньнань. Данный аналитический обзор позволяет ознакомиться с ключевыми трудами китайских исследователей, посвященных изучению потенциала региональной кооперации между Китаем и Южной Азией, в частности, между северо-восточными штатами Индии и провинцией Юньнань (КНР).

Отдельные разделы работы посвящены обзору основных принципов сотрудничества в рамках БКИМ, анализу геостратегического положения провинции Юньнань, ее экономической кооперации с Индией, а также перспективам развития сотрудничества между Китаем и Индией в сфере информационных технологий.

Рецензии

Тихвинский С.Л. Избранные произведения: в 5 книгах. М.: Наука, 2006.

В 2006 г. увидело свет пятитомное издание избранных произведений патриарха отечественного китаеведения академика С.Л. Тихвинского, официальная презентация которого состоялась в октябре того же года на проходившей в Москве XVI Международной научной конференции "Китай, китайская цивилизация и современность". Автор, откликнувшись на предложение руководства издательства "Наука", отобрал наиболее значимые работы прошлых лет, посвященные истории Китая, других стран Восточной Азии, истории отношений России с азиатскими соседями, ярким страницам отечественного китаеведения и востоковедения, многим драматическим моментам в истории XX в., а также личным впечатлениям от многочисленных встреч с политиками, дипломатами, военными, учеными, деятелями культуры и образования, с простыми людьми в десятках стран мира. Получилось очень внушительное издание из пяти весьма увесистых томов, каждый из которых посвящен одной крупной теме в научной деятельности С.Л. Тихвинского. Оно будет, несомненно, представлять интерес как для профессиональных историков, хорошо знакомых с предыдущими изданиями вошедших в пятитомник работ автора, так и для тех читателей, которым только предстоит открыть для себя творчество этого глубокого исследователя. Первым данный пятитомник дает возможность увидеть основные работы академика в отнесенительно полном виде. Собранные в од-

ном издании и сгруппированные по темам, они дают возможность проследить становление научного метода автора и эволюцию его подходов к изучаемым проблемам. Для второй группы читателей это издание представит все разнообразие исторических периодов и пляду известных деятелей Китая, при анализе особенностей которых работы академика Тихвинского остаются наиболее авторитетными, а подчас и единственными в русскоязычной литературе крупноформатными исследованиями. Таковы, к примеру, его монографии, посвященные Кан Ювэю, Сунь Ятсену, Чжоу Эньлаю. Возможно, подбирая свои публикации для данного издания, автор в первую очередь имел в виду именно эту вторую категорию читателей, и прежде всего тех, кто сейчас делает первые шаги в китаеведении, востоковедении и — в более широком плане — в изучении исторической науки.

И он, безусловно, прав, поскольку мы наблюдаем сегодня стремительный рост интереса к Китаю, его истории, культуре, языку, в связи с чем предпринятая издательством "Наука" инициатива переиздания основных сочинений нашего известнейшего китаеведа-историка представляется весьма своевременной.

В современных условиях, когда растущий спрос читающей публики на книги по Китаю, ограничиваемый, к сожалению, коммерческими интересами издательств, зачастую удовлетворяется за счет переводов с английского языка, причем, как пра-

вило, невысокого качества — непременно должны сохраняться критерии и эталоны фундаментальности и глубины анализа. Примером этого остаются вошедшие в пятитомник статьи и монографии.

При этом следует отметить, что издание снабжено большим количеством иллюстративного материала, включающего редкие фото крупных исторических деятелей Китая, зарисовки и карикатуры из периодической печати разных лет, картографический материал, фотографии из личного архива автора.

Первый том нового издания посвящен истории Китая до XX в. Главной работой здесь является исследование “Движение за реформы в Китае в конце XIX в. и Кан Ювэй”. Работа была первоначально издана в 1959 г., однако недавно автор дополнил ее новыми историографическими материалами на основе обобщения опубликованных в последние десятилетия в Китае и за рубежом исследований по данной тематике.

В этот том вошли также работы С.Л. Тихвинского, посвященные международным отношениям Китая в древности и средневековье, истории маньчжурского владычества в Китае, татаро-монгольских завоеваний в Азии и Европе, политике “самоусиления” в Китае, деятельности И. Бичурина, российско-китайским отношениям в период до XX в. и проч.

Второй том открывает монография, посвященная деятельности и внешнеполитическим воззрениям Сунь Ятсена. Фигура Сунь Ятсена является вообще очень важной для всего творчества академика Тихвинского. Свою интерпретацию идейного и политического наследия этого крупнейшего деятеля современного Китая Сергей Леонидович отстаивал на протяжении многих лет в большом количестве работ. Кроме того, в этот том включены статьи: “Современная зарубежная историография о Сунь Ятсене”, “Китайский буржуазный нацио-

нализм — идеология Синьхайской революции”, “Национализм и классовая борьба в Китае в новое время”, “Советский военный советник в Китае” (А.И. Черепанов), “Первый договор СССР с Китаем”.

Главной темой третьего тома пятитомника является история Китая периода с 1919 по 1949 г., то есть, начиная с патриотического движения “4 мая” до момента создания Китайской Народной Республики. Центральной работой в этой книге является фундаментальная монография, посвященная деятельности Чжоу Эньляя в предреволюционный период: “Путь Китая к объединению и независимости. 1898–1949. По материалам биографии Чжоу Эньляя”. Данная монография, основанная на использовании автором обширной литературы и источников, фактически выходит далеко за рамки жанра исторической биографии: это самостоятельный авторский взгляд на всю историю китайской революции. Если рассматривать эту работу как продолжение предшествующих монографий С.Л. Тихвинского, то получается, что воссоздана бурная история Китая за целое столетие — с середины XIX в. до создания КНР в 1949 г. Кроме того, в третий том вошел целый ряд статей разных лет, посвященных новейшей истории Китая: “Маньчжурская революционная база”, “Проблемы новейшей истории Китая”, “Переписка Чан Кайши с И.В. Сталиным и К.Е. Ворошиловым, 1937–1939 годы”, “Переписка И.В. Сталина с Мао Цзэдуном в январе 1949 года”, “О “секретном” демарше Чжоу Эньляя и неофициальных переговорах КПК с американцами в июне 1949 года”, ряд историографических работ. Часть из них являются публикациями уникальных документов, осуществленных автором на основе ценных архивных материалов. В частности, публикуя документы из Архива Президента РФ, автор опровергает расхожие мнения и домыслы западной и китай-

ской историографии о якобы безразличном и скептическом отношении советского руководства к КПК и имевшемся у него желании остановить наступление коммунистов к югу от Янцзы.

Работы, вошедшие в четвертый том избранных произведений С.Л. Тихвинского, объединены темой "Отечественная и всемирная история". Большой интерес представляет очерк о деятельности советских дипломатов в годы Второй мировой войны — тема, которую автор знает не понаслышке. Еще один сюжет, связанный с деятельностью автора как практического дипломата — история послевоенной нормализации отношений Советского Союза с Японией. Этот раздел тома, который называется "Россия—Япония: обречены на добрососедство", является монографией, воспроизводящей непростою историю дипломатических и межгосударственных контактов со "страной восходящего солнца", а также авторский анализ некоторых страниц развития отношений в последующий период. Здесь представлены некоторые исследования, посвященные внешней политике СССР во взаимоотношениях с КНР и США. Заключительная часть четвертого тома воспроизводит целый ряд статей, историографических работ и рецензий, касающихся истории мировых войн, истории развития человечества, Тихоокеанского региона, творчества лидеров Индии и т.д.

Завершает издание пятый том, который С.Л. Тихвинский назвал "Воспоминания дипломата и заметки историка. Автор о себе, своих коллегах — историках и дипломатах". В первой части тома академик Тихвинский отдает дань памяти своим учителям — академику В.М. Алексееву и китаеведам петербургской школы. В этом разделе говорится и о жизненном и творческом пути ряда известных коллег автора — А.А. Губера, В.М. Хвостова, А.Л. Нарочницкого, Лю Даняня, Дж.К. Фэйрбенка, В.С.

Мясникова и др. Автобиографический характер носит вторая часть этого тома. Здесь автор вспоминает свое детство, юношеские и студенческие годы, работу на дипломатическом, научном и преподавательском поприще. Большой интерес представляют страницы, подробно воспроизводящие время, когда у автора впервые появился интерес к изучению стран Востока. В этой связи он упоминает прочитанные в детстве японские сказки, книги русских путешественников об Азии, дачное соседство с академиком В.М. Алексеевым, своим будущим учителем, приезд в Ленинград художника Сюй Бэйхуна, гастроли в СССР театральной труппы Мэй Ланьфана и др. Вспоминая тот период, автор особо выделяет наиболее ярко врезавшиеся в память эпизоды, среди которых — первая лекция в Ленинградском институте философии, истории, литературы и лингвистики (впоследствии филфак Ленинградского университета), куда в группу китайского языка С.Л. Тихвинский поступил летом 1935 г. "На всю жизнь, — пишет он, — запомнилась первая лекция в институте... В аудиторию вошел академик Василий Михайлович Алексеев... Поздравив нас с началом студенческой жизни, он сразу же взял мел и стал писать на доске китайские иероглифы, предложив нам списывать их в свои тетради..." (Кн. 5. С. 170). Из 28 студентов, зачисленных вместе с автором в китаеведческую группу в 1935 г., до конца 3-го курса дошли только два человека. Но и С.Л. Тихвинскому не довелось пройти полный курс университетского обучения: осенью 1938 г. по комсомольскому набору он был командирован в Москву на работу в Народный комиссариат иностранных дел. Практически сразу молодой китаевед попал в самую гущу событий, происходивших в советско-китайских отношениях. В середине 1939 г. ему поручили переводить встречу И.В. Сталина и других членов руководства

страны с председателем китайского Законодательного юаня Сунь Фо (сыном Сунь Ятсена). Впоследствии Сергею Леонидовичу довелось участвовать практически во всех ключевых событиях в истории двусторонних отношений СССР и Китая, многие из которых он с большим количеством деталей и метких наблюдений воспроизводит на страницах «Воспоминаний дипломата». Из этих воспоминаний читатель, к примеру, может узнать немало уникальных подробностей из жизни дипломатического корпуса в Чунцине в период антияпонской войны, о работе советских дипломатов в Бэйпине в годы гражданской войны, о неделях и днях, предшествовавших провозглашению КНР в октябре 1949 г., участию автора в установлении дипломатических отношений между СССР и КНР, о встречах с деятелями Гоминьдана и КПК, государственными деятелями Запада, дипломатами, крупными синологами и востоковедами. Обширный автобиографический материал, охватывающий более полувека в истории XX столетия, завершается высокой оценкой, которую дает автор важному событию в российско-китайских отношениях, произошедшему в самом начале века XXI — подписанию Президентом Российской Федерации В.В. Путиным и Председателем КНР Цзян Цзэмином в 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Этот завершающий фрагмент позволяет автору перебро-

сить мостик от событий истории в будущее.

Подводя итоги своим размышлениям об истории российско-китайских отношений в XX столетии, о собственном опыте наблюдателя и участника описываемых событий, С.Л. Тихвинский отмечает: «Мне довелось быть свидетелем, а порой и участником многих важных событий, происшедших в Китае. Главным из них стало провозглашение 1 октября 1949 г. на многотысячном торжественном митинге на площади Тяньаньмэнь в Пекине нового государства на китайской земле — Китайской Народной Республики. Через 50 лет, 1 октября 1999 г., я вновь был приглашен на трибуны площади Тяньаньмэнь для участия в праздновании полувекового юбилея республики... Россию и Китай связывает общность исторических судеб, и хотелось бы выразить надежду на то, что мои воспоминания послужат делу дальнейшего упрочения добрососедства между нашими странами. Эти воспоминания обращены в будущее, тем, кто будет развивать российско-китайские отношения в XXI в.»

Учитывая тот неподдельный и глубокий интерес, который всегда вызывают труды академика С.Л. Тихвинского у отечественной и зарубежной научной общественности, хочется пожелать ему, чтобы данный пятитомник, который является очень полезным и своевременным изданием, со временем пополнился его новыми работами.

*А.Н. Карнеев,
кандидат исторических наук*

**Политическая система и право КНР в процессе реформ (1978—2005) /
Руководитель авторского коллектива Л.М. Гудошников. М.:
Русская панорама, 2007. 464 с.**

Фундаментальный труд, в написании которого приняли участие многие известные специалисты ИДВ РАН и ряда других исследовательских и образовательных институтов нашей страны, состоит, в соответствии с его заглавием, из двух практически равнозначных частей. Первая из них посвящена политической системе, вторая — системе правовой.

Основное впечатление в результате прочтения первой части состоит в том, что политическая и общественная жизнь современного Китая значительно разнообразнее и богаче, чем это представляется некоторым поверхностным наблюдателям. Коммунистическая партия Китая, сохраняя абсолютный контроль за всеми проявлениями коллективной и, тем более, массовой активности не только в политике, но также в социальной практике и культуре, тем не менее, допускает, а в некоторых случаях и поощряет определенные формы более или менее автономной политической и общественной деятельности.

Такая позиция вполне понятна и оправданна. Реформистский курс руководства КНР и растущая открытость страны внешнему миру привели к многократному усложнению социальной структуры, диверсификации интересов и массового сознания, к возникновению новых противоречий и конфликтов в обществе. Все это требует от политического руководства столь большой и разнообразной страны немалой гибкости в проведении своего генерального курса, использования различных общественных институтов, постоянного обновления идеологического арсенала, чтобы не только не утратить своей легитимности, но и, напротив, понизить уровень турбулентности и укрепить социальный фундамент власти. Тем самым необходимость поддержания устойчивости политической системы включается в качестве неперемennого элемента готовность к постоянной ее эволюции, не исключая перемен и в самой правящей партии. Вместе с тем, как убедительно показано в книге, такая тенденция на пра-

ктике реализуется далеко не всегда однозначно и, тем более, не беспроблемно.

В связи с этим авторы правомерно уделяют должное внимание процессу размежевания функций и органов доминирующей партии и государства, поскольку их слитность или нечеткая идентификация служили важной причиной ригидности и неповоротливости политической системы. На важность движения в этом направлении еще в начале реформ неоднократно указывал Дэн Сяопин. Тем не менее, процесс шел и продолжает идти очень неровно, а в разные периоды и по разным причинам вообще останавливается или даже идет вспять. Сегодня, как отмечается в рецензируемой монографии, концентрация власти в руках партии по некоторым направлениям усиливается, что демонстрирует "еще более высокий, чем, прежде уровень совмещения партийных и государственных постов" (С. 46). Более того, как полагает автор раздела, посвященного компартии, Н.Л. Мамаева, "в настоящее время партийный Центр не акцентирует проблему разграничения функций партии и правительства, как это имело место, по сути, до середины 90-х годов" (С. 49). Подчеркивается, в частности, что беспрецедентное усиление влияния КПК на формирование и направление деятельности ВСНП в известной мере противоречит статьям и духу Конституции КНР.

В книге более или менее детально характеризуются различные компоненты политической системы КНР, включая органы государственной власти, Народный политический консультативный совет Китая, некоммунистические партии, общественные и неправительственные организации, низовые органы самоуправления, а также политические институты особых административных районов и Тайваня.

В монографии отмечается численный рост традиционных некоммунистических партий и их возрастающее участие в органах законодательной, исполнительной и судебной власти. Эти партии ни в коей мере не яв-

ляются оппозиционными по отношению к КПК. Они в полной мере принимают ее руководящую роль. Клуб их носит закрытый характер: спонтанное появление новых, тем более радикальных, членов не предвидится. Тем не менее, как обоснованно утверждает автор соответствующего раздела Г.А. Степанова, представляя интересы различных социальных групп китайского общества, некоммунистические партии вносят свой вклад в политическую стабильность и сплочение китайской нации. Автор уверена, что КПК и впредь будет повышать их роль в политической и общественной жизни страны.

Переход от государственной плановой экономики к экономике, построенной на принципах рыночной конкуренции, как показано в книге (автор раздела — Т.М. Емельянова), существенно усложнил деятельность профсоюзов. Выполняя, как и другие массовые общественные организации роль "приводных ремней", они обязаны поддерживать проводимые правящей партией многие жесткие реформы, которые далеко не всегда положительно сказываются на материальном положении трудящихся. С другой стороны, они не могут не испытывать растущего давления со стороны значительных групп работников, которые переживают наибольшие трудности. К ним относятся, прежде всего, подвергающиеся массовым увольнениям рабочие и служащие государственных предприятий, а также приезжающие в город на заработки крестьяне. Стараясь снизить социальную напряженность, профсоюзы участвуют в повторном трудоустройстве тех, кто лишается работы, в материальной поддержке наиболее остро нуждающихся. Нелегкие проблемы возникают и в сфере соблюдения предусмотренных законом норм охраны труда и условий его безопасности, особенно на предприятиях с иностранным капиталом и в частном секторе, где собственники и менеджеры нередко стремятся получить максимальную прибыль, предельно эксплуатируя рабочих.

Схожие задачи решают и другие массовые общественные организации, в частности, призванные отстаивать права таких огромных групп населения, как женщины или молодежь. Женщины, в прежние времена традиционно подвергавшиеся разноплановой дискриминации, в годы рыночных реформ часто становятся первыми жертвами структурной безработицы. Для

молодежи наряду с не менее остро стоящими вопросами трудоустройства и получения необходимой общеобразовательной и профессиональной подготовки стала актуальной необходимость сохранения нравственного здоровья, преодоления губительного воздействия массовой культуры и криминала.

Самостоятельный интерес представляет содержащийся в монографии анализ деятельности неправительственных организаций (В.Г. Ганшин). Именно эти быстро растущие в последние годы объединения граждан по их интересам — деловым, профессиональным, благотворительным, научным, любительским, экологическим, общегражданским и иным — в наибольшей мере демонстрируют меняющиеся взаимоотношения между всемогущим и беспредельным прежде симбиозом партии и государства и понемногу набирающим силу, обретающим свою структуру обществом. Хотя такие организации в Китае никак нельзя считать самостоятельными и независимыми от правящей партии и всей политической системы страны, тем не менее, они, очевидно, значительно способствуют развитию автономной гражданской инициативы и разносторонней самодеятельности индивидов и многих социальных групп, содействуют социальной самоорганизации и самоуправлению. Процесс этот в любом переходном обществе является исключительно сложным и неоднозначным, особенно в связи с неизбежными попытками различных политических сил, как отечественных, так и зарубежных, взять его под свой контроль. Не является в этом отношении исключением и Китай, где власть делает все от нее зависящее, чтобы не допустить враждебной политизации неправительственных организаций, но направить их деятельность и социальное творчество в русло общепользованных преобразований, упрочения внутренних скреп в обществе и расширения отвечающих политике открытости внешних связей.

Непростую эволюцию отношений между авторитарным государством и обществом, постепенно принимающим гражданские черты, демонстрирует развитие низовых органов самоуправления. В книге прослежен поиск оптимальных форм самоуправления в городских и сельских районах, их экспериментальное испытание. Среди трудностей, на которые наталкивается

становление самоуправления, отмечается не только немалое противодействие со стороны администрации и чиновничества, но и значительная пассивность населения, которое проявляет слабый интерес к участию в делах общины. Это явление знакомо и по российскому опыту. "Осуществляемое в порядке эксперимента и регулируемое сверху создание общин, — пишет автор раздела Т.М. Емельянова, — идет медленно и с большим трудом. Однако, если со временем удастся наладить эффективную работу этих организаций, община может превратиться в важную социально-активную ячейку в городах в новых условиях. Но, как представляется, это будет не скоро, т.к. самоуправление, в полном объеме этого понятия, с большим трудом входит в жизнь КНР" (С. 165). Что касается комитетов сельского населения, то их становление осложнено не меньшими препонами.

Анализ строения и функционирования политической системы КНР удачно дополняется рассмотрением специфики политического статуса и политических институтов особых административных районов и Тайваня (Г.А. Степанова совместно с Л.М. Гудошниковым). Первый из этих разделов помогает лучше понять контуры политической толерантности Пекина, обозначаемые при решении важнейших для него вопросов национального единения. Второй раздел предоставляет важный аналитический материал для достаточно распространенных в настоящее время размышлений о принципиальной возможности или невозможности повторения в той или иной степени континентальным Китаем пути от авторитаризма к демократии, который пройден Тайванем, а также — о перспективах сопряжения политических систем и политических процессов на континенте и на острове.

Вторая часть рецензируемого труда характеризует важнейший для современного Китая процесс построения правового государства. Основу этой части составляет раздел о конституционном праве, написанный руководителем авторского коллектива. В разделе прослеживается эволюция конституционного закрепления тех изменений в общественных отношениях КНР, прежде всего, экономических, которые стали стремительно нарастать с переходом страны к курсу, нацеленному на строительство рыночной экономики. Это касается в первую очередь трансформации сис-

темы собственности, появления и развития ранее отсутствовавших секторов многоукладной экономики, в особенности — частного хозяйства. Соответственно, вносимые в Конституцию поправки фиксировали и коррекцию социального, политического и имущественного статуса связанных с этими секторами граждан. Построенное на этой основе экономическое законодательство позволяет Китаю успешно развивать свое народное хозяйство и внешнеэкономические связи, в том числе в рамках таких организаций, как ВТО.

В разделе, посвященном административному праву и административному процессу (Л.М. Гудошников совместно с В.И. Антоновым и А.В. Шитовым), особый интерес, на наш взгляд, представляет достаточно подробный разбор созданной в КНР системы государственной службы, многие характеристики которой выглядят в определенной мере поучительными, в т.ч. и для российской практики. Использование экзаменов и испытательного срока при заполнении вакансий неруководящих должностей, практика регулярных аттестаций для оценки деятельности чиновников вряд ли сколько-нибудь существенно помогли сократить коррупцию в рядах госаппарата, однако они регламентировали требования к его подготовке и квалификации и способствовали необходимой ротации кадров, вливанию в аппарат "свежей крови". Об этом свидетельствует, в частности, огромное число молодых людей, желающих принять участие в ежегодных конкурсах на замещение тех или иных вакантных мест в правительствах и ведомствах.

Налоги — один из важнейших рычагов, с помощью которых государство имеет возможность основательно влиять на направление и интенсивность практических всех социально-экономических процессов. Поэтому понятно, что в разделе, посвященном налоговому праву (автор — Р.А. Шепенко), затрагиваются самые различные сферы приложения налоговой политики, разные виды и формы налогов и налоговых льгот, характеризуются налоговые акты общегосударственного и местного значения, внутренние и международные. Немало внимания уделено многообразным санкциям за уклонение от уплаты налогов.

Уголовному праву и уголовному процессу отведены два отдельных раздела. В первом из них (автор — Н.Х. Ахметшин)

подробно рассматривается процесс разработки Уголовного кодекса, адекватного тем огромным изменениям во всех областях жизни китайского общества, которые произошли с началом нового реформистского курса. Отмечаются такие важные особенности Уголовного кодекса 1997 г., как отказ от применения уголовного закона по аналогии, высокая детализация видов преступлений, утверждение демократических принципов справедливости и равенства граждан перед законом. Важной спецификой уголовного законодательства в КНР, которую, по мнению автора, было бы полезно позаимствовать и в России, служит установление уголовной ответственности не только физических, но и юридических лиц за конкретные виды преступлений. "Появление в Уголовном кодексе такой системы свидетельствует о стремлении законодателя поставить заслон широкому распространению в стране организованной преступности в области промышленного производства, кредитно-финансовых и валютных операций, таможенного контроля и т.п. Оно вызвано реальными условиями современного развития общества, состоянием преступности в сфере экономики в целом" (С. 292).

Раздел об уголовном процессе посвящен по преимуществу анализу Уголовно-процессуального кодекса КНР и в этом отношении перекликается с выше охарактеризованной главой, а в некоторых случаях и использует те же примеры. Его автор П.В. Трошинский выделяет восемь главных принципов китайского уголовного процесса, призванных составлять основу деятельности государственных органов и должностных лиц, ответственных за расследование и судебное разбирательство уголовных дел. Это, во-первых, принцип законности, за соблюдением которого следят органы народной прокуратуры. Во-вторых, — презумпция невиновности, провозглашенная в качестве принципа впервые лишь в 1996 г. В-третьих, — принцип гласности судебного разбирательства, действующий во всех делах, кроме специально оговоренных законом и подлежащих рассмотрению в закрытом порядке (связанных с государственной тайной, интимной жизнью граждан и уголовной ответственностью несовершеннолетних). Это, далее, такие принципы, как равенство всех граждан перед законом и судом, обеспечение подозреваемому

и обвиняемому права на защиту, независимость суда и прокуратуры, осуществление судопроизводства на языках, распространенных в районах компактного проживания тех или иных национальностей и, наконец, состязательность сторон в уголовном процессе. Провозглашение этих основополагающих принципов, разумеется, чрезвычайно важно, хотя само по себе оно не решает вопроса об их неукоснительном соблюдении. Так, на практике принцип законности, как отмечается в главе, далеко еще не стал "альфой и омегой" в деятельности китайского правоприменителя, а декларация о независимости суда и прокуратуры не избавляет их деятельность от вмешательства всемогущих партийных органов.

Подобным же образом разведены и разделы, посвященные гражданскому праву и гражданскому процессу. Первый из них (Е.Г. Пашенко) и по объему, и по детальности анализа соответствует тому значению, которое имеет гражданское право для становления рыночных отношений в Китае. Главная трудность здесь состоит в том, что в Китае практически отсутствуют традиции гражданского права. В древности право было только уголовным и не могло быть иным в прежних социально-экономических условиях. Сегодня Китай осваивает нормы западного гражданского права, уходящего своими корнями в принципиально иную историческую и культурную почву. Чуждые прежде Китаю договорные отношения между субъектами призваны заместить отношения, которые в прошлом регулировались не законом, а непосредственно этикой. Гражданское право делает акцент на индивидуе, на его правах, традиционная же китайская культура — на общности, на долге и обязанностях. Как совместить эти два во многом противостоящих подхода — вопрос первостепенной важности для создания гражданского общества, построения правового государства и одновременного сохранения этических оснований китайской культуры. В разделе подробно, поглавно и постатейно разбираются некоторые основополагающие акты гражданского законодательства, прежде всего "Общие положения гражданского права КНР", Закон КНР "О договорах" и Закон КНР "Об авторском праве".

В разделе о гражданском процессе (автор — Д.А. Максимов) соответственно рассматривается предыстория и история создания Гражданского процессуального

кодекса КНР 1982 и 1991 гг., их основное содержание, а также иные источники гражданского процессуального права КНР. Анализируются принципы гражданского процессуального права, подсудность гражданских дел, виды гражданского судопроизводства и стадии гражданского процесса. В целом отмечается, что нынешнее состояние гражданского процессуального права отстает от быстро трансформирующихся социально-экономических условий и даже от тех поправок, которые уже внесены в Конституцию КНР.

Становление рыночной экономики в Китае кардинально меняет систему трудовых отношений, что в той или иной мере, раньше или позже находит отражение и в трудовом праве. Крупнейшей переменной в этой сфере стал переход от пожизненного найма работников к трудовым договорам. Усложнение структуры собственности в многоукладной экономике умножило трудовые конфликты как на государственных, так и на негосударственных предприятиях и, соответственно, обусловило необходимость создания примирительных механизмов и выработки соответствующих процедур. Специфическая модель развития, избранная Китаем на начальных этапах, обусловила отставание социальной сферы от темпов экономического роста, что позже актуализировало, в частности, задачу создания полноценной системы социального страхования. Все эти вопросы с разной степенью проникновения в их суть служат предметом рассмотрения в разделе, посвященном трудовому праву (О.Б. Городовиков совместно с Л.М. Гудошниковым).

Та же прорывная модель развития на стадии индустриализации, используемая Китаем, предельно обострила и проблемы экологии. Перечень этих проблем весьма внушителен, многие из них несут серьезную угрозу не только будущим, но и нынешним поколениям населения как самого Китая, так и значительно более широких ареалов континента и планеты в целом. Эта ситуация так же, как и постепенное осознание ее в китайском руководстве, достаточно четко фиксируются в разделе о природоохранном праве КНР (Е.В. Бирюлин). Охарактеризованы и основные природоохранные акты. К сожалению, меньше внимания уделено правоприменительной практике, а она, как свидетельствуют не только западные, но и многие китайские источни-

ки, оставляет желать много лучшего. Этому способствуют и многие недостатки самого природоохранного законодательства.

Несоответствие ресурсной базы Китая его грандиозным планам наращивания экономического потенциала особенно наглядно проявляется в ограниченности площади пахотнопригодных земель. В последние годы эта извечная проблема стала еще более острой как в связи с разрушением природной среды, так и вследствие наступления урбанизации и индустриализации на пашню. Эти процессы, равно как и попытки остановить их посредством законодательства, показаны в разделе о земельном праве (Л.А. Волкова). Освещены также и законодательные меры, направленные на закрепление и совершенствование предоставленного крестьянам права на земельный подряд.

Приведенная выше краткая характеристика содержания рецензируемого труда является, по нашему мнению, веским основанием для того, чтобы сделать вывод, что его появление на свет представляет собой существенный вклад отечественной науки в исследование тех сложнейших процессов, которые происходят в области политического и правового строительства современного Китая. Нет сомнения в том, что продвижение в анализе этих процессов служит важным фундаментом и стимулом для углубленного изучения многих смежных областей общественной жизни нашего великого соседа, что в конечном счете необходимо и для практического укрепления нашего всестороннего сотрудничества.

Как уже отчасти показано выше, книга не свободна от недостатков. Возможно, главный упрек, который можно адресовать авторам, по крайней мере некоторым из них, касается очевидной небрежности в оформлении справочного аппарата, что недопустимо в академическом издании. Здесь налицо полный разбой. При ссылках на китайские источники в одних случаях, как и положено, сначала дается транскрипция названия, а затем — в скобках его перевод на русский язык, в других же это правило игнорируется, и сразу следует русское наименование или же русское название предшествует китайскому, отчего возникает вопрос: на каком языке осуществлена публикация. Английские названия иной раз даются не в оригинале, как требуется, а почему-то в русской транскрипции. Немало ошибок в транскрипции. В некоторых

разделах ссылок вообще нет, в других автор ссылается только на свои собственные работы, что представляется достаточно странным, особенно учитывая документальный предмет исследования.

Как правило, разделы написаны добротным научным языком, логично и доказательно. Тем более огорчают некоторые пассажи, где автор испытывает воздействие пропагандистской риторики.

В отдельных случаях исследование является хронологически неполным. Иногда даже создается впечатление, что для публикации использованы какие-то старые разработки. Учитывая быстро меняющуюся обстановку в Китае, это не может не влиять на правомерность заключений.

Книга создана коллективом авторов, которые, работая каждый в своей области, за многие годы выработали свои собственные взгляды и подходы к исследуемым проблемам. Это вполне понятно и естественно. Столь же естественно и понятно, что отсюда проистекает неизбежная дискуссионность некоторых содержащихся в книге положений. Об одном из них хочется сказать особо ввиду его исключительной важности. Речь идет о выводе, который содержится в заключении. "При монополии на власть одной партии, — говорится в нем, — вряд ли возможно построение в Китае классического правового государства" (С. 463). При этом, правда, признается, что "возможно формирование все более широкой и профессиональной системы и поддержание высокого уровня законности" (Там же). Этот чрезвычайно значимый тезис ни в основном корпусе книги, ни в излишне кратком, полуторастраичном заключении никак не развернут и не обоснован. Между тем он вызывает немало вопросов. Что такое "классическое правовое государство"? Каким требованиям оно дол-

жно удовлетворять? Нет ли здесь политики этого понятия, подспудного стремления увязать его с учреждением либеральной демократии по западным шаблонам? Главным поводом для таких сомнений служит реальное присутствие в китайском культурно-историческом и этническом ареале по крайней мере двух случаев, когда наличие абсолютно правового государства ("классического" или нет — другой вопрос) при отсутствии принятых на Западе стандартов демократии является общепризнанным. Это — Сингапур и Гонконг. В доказательство этого можно, например, сослаться на рейтинги стран мира, составляемые такими либерально-консервативными западными институтами, как Heritage Foundation и Wall Street Journal или Cato Institute и Fraser Institute. В обоих рейтингах по показателю "экономическая свобода" Гонконг находится на первом месте в мире, а Сингапур — на втором среди 155 и 130 стран соответственно. Напомним, что среди факторов, гарантирующих экономическую свободу, важнейшее место занимает правовая структура государства и защищенность прав собственности. Если такое сочетание удалось здесь, отчего же Китаю с его нынешним авторитарным характером власти, априори отказывать в возможности построить правовое государство? Разумеется, в столь огромной стране это сделать неизмеримо сложнее, но принципиально это дела не меняет.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что отмеченные недостатки ни в коей мере не отменяют главного вывода о высокой значимости рецензируемого труда для отечественного китаеведения. Дискуссионность же некоторых положений книги лишь указывает на важность дальнейшего углубленного исследования поставленных в ней проблем.

**Лузянин С.Г. Восточная политика Владимира Путина.
Возвращение России на "Большой Восток" (2004 — 2008 гг.). М.:
АСТ; Восток-Запад, 2007. 447 с.**

Работ по исследованию отношений России с так называемыми восточными странами, в особенности их современного состояния и тех изменений, которые в этих отношениях происходят — немного. В отличие от отношений России с Европейским Союзом или Соединенными Штатами. Еще меньше работ, в которых были бы приняты попытки анализа политики России на восточном направлении. Поэтому появление книги доктора исторических наук, профессора С.Г. Лузянина "Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на "большой Восток" (2004—2008 гг.)", вышедшей в издательстве "АСТ" (М., 2007) тиражом 5 тыс. экз., можно считать заметным событием в востоковедении.

Книга, безусловно, полезна — она аналитична и содержит огромный фактический материал, относящийся к самому последнему времени. И, естественно, "может быть рекомендована в учебном процессе в профильных вузах", как подчеркнуто в аннотации. Особенно следует отметить наличие хорошего справочного материала, выделенного курсивом в отдельные блоки (*досье*).

Важно отметить также, что автор книги пытается в каждом случае показать движущие силы современной российской политики, особо выделяя ее экономическую составляющую. А в главе I содержатся "базовые факторы, влияющие на процесс формирования и реализации восточной политики России" (С. 15).

С.Г. Лузянин отмечает в качестве базового фактора "доминирование президента и его администрации при формировании внешней политики на Востоке", которое за шесть лет не только сохранилось, но и усилилось. При этом он затрудняется оценить влияние этого фактора с точки зрения эффективности, указывая на то, что "среди экспертов существует мнение, что глава государства при принятии стратегических внешнеполитических решений становится "заложником" своего ближайшего, не всегда компетентного окружения" (С. 17). С мнением неназванных экспертов можно поспорить — на наш взгляд, это сильное

упрощение картины. Однако более важным представляется второе наблюдение автора — о том, что "персонификация восточной внешней политики закономерно порождает другую тенденцию — президент становится основным лоббистом экономических интересов России" (С. 18). Заметим, что это заключение на самом деле относится не только к восточной политике, но и к внешней политике в целом.

С.Г. Лузянин совершенно справедливо полагает, что "главным двигателем как на заключительном, так и подготовительном этапах практически всех коммерческих сделок, заключенных российскими компаниями за последние 6 лет на азиатских рынках, включая военные контракты, был президент" (Там же). Однако объясняет это в основном сохранением "советской" традиции, по которой "вопросами торговли и экономики послу-де заниматься не пристало, так как есть руководитель торгпредства и его аппарат" (С. 19). Именно поэтому, как считает автор, президент Путин, выступая в 2004 г. на совещании послов и постоянных представителей России за рубежом, особо подчеркивал "исключительное значение экономической составляющей работы загранучреждений (<http://www.kremlin.ru/text/appears/2004/07/74399.shtml>)".

На наш взгляд, сказанное президентом на совещании вытекало скорее не из того факта, что послы не занимаются решением экономических задач, а из поставленной еще годом раньше в ежегодном Послании Президента Федеральному собранию задачи повышения конкурентоспособности страны на международной арене. Выступая на совещании, В.В. Путин прежде всего призывал всех участников международной деятельности России активизировать усилия по выполнению этой задачи. "Российская дипломатия как никогда прежде должна сегодня помогать решению общенациональных задач. В их числе повышение конкурентоспособности нашей экономики, кардинальное увеличение ВВП, интеграция России в мировую хозяйствен-

ную систему... И приоритеты здесь: защита национальных экономических интересов, повышение инвестиционной привлекательности России, противодействие дискриминации на внешних рынках” (Там же).

Дело в том, что экономические интересы в современных международных отношениях, действительно, очень сложно отделить от собственно внешней политики. Недаром С.Г. Лузянин указывает на то, что “послы США в иностранных государствах не стесняются заниматься активной лоббистской деятельностью, “опускаясь” в личных беседах и переговорах с геополитических высот до проблем поставки куриных окорочков и иных чисто коммерческих вопросов” (С. 19). На самом деле, этим в США занимаются не только послы, но и сам президент — на экономическую подоплеку решения о вторжении в Ирак неоднократно указывалось. Можно добавить и пример сравнительно недавнего времени — на последнем саммите Россия—ЕС в Саратове председатель Еврокомиссии Жозе Мануэл Баррозу и особенно канцлер Германии (страны, председательствующей в ЕС) Ангела Меркель говорили отнюдь не только о марше “несогласных” и экологии, но и напрямую лоббировали экономические интересы ЕС и отдельных стран Союза (в частности, Польши).

Экономическая составляющая международной политики в современном мире, где геополитические интересы тесно переплетаются с необходимостью обеспечения национальных экономик достаточным количеством ресурсов и важностью контроля путей их транспортировки, становится едва ли не самой важной. Это делает известные положения классиков марксизма о соотношении политики и экономики более чем актуальными. Забавно, что я писал об этом в приложении к советско-китайским отношениям более 20-ти лет назад в своей диссертации “Основные факторы, определяющие перспективы советско-китайских отношений”, приводя известную цитату В.И. Ленина: “Самые глубокие корни и внутренней, и внешней политики нашего государства определяются экономическими интересами, экономическим положением господствующих классов нашего государства” (В.И. Ленин. ПСС. Т. 36. С. 327). И если в советское время экономические интересы выражались в очень сильной степени опосредованно, будучи иногда искажаемы до неузнаваемости элементами надстройки,

прежде всего идеологическими клише и логикой глобального противостояния, то сегодня, с вступлением России в капиталистическое “настоящее”, разглядеть за внешней политикой экономические интересы тех или иных групп уже намного легче. Что и пытается сделать С.Г. Лузянин, анализируя интересы тех или иных лоббистских групп в российской элите и их претворение в жизнь в российской внешней политике. Остается лишь пожалеть о том, что основной акцент на эту составляющую российской политики сделан только в первой главе (“Российские политико-экономические интересы на “Большом Востоке” в начале XXI века”). В дальнейшем — при переходе к анализу конкретных отношений с теми или иными странами — автор от анализа движущих сил российской политики отходит, предпочитая ограничиваться изложением “фактологической” стороны дела.

Точно так же остаются непонятными и главные причины существенной переориентации основных усилий российской дипломатии с Запада на Восток, произошедшей в годы правления В.В. Путина. То есть того процесса, кульминация которого, как мне кажется по собственному опыту работы во властных структурах, наступила в середине 2003 — начале 2004 г. Автор рецензируемой книги этого рубежа вроде бы не замечает, предпочитая сравнивать политику образца 2004—2008 гг. с деятельностью предыдущего президента — Б.Н. Ельцина, а не с политикой первого срока В.В. Путина. А единственной причиной, по которой внешняя политика России в этот период претерпела существенные изменения, считает “личностный фактор”.

С.Г. Лузянин пишет о том, что “президент ввиду специфики своего служебного опыта долгое время был более открыт Западу, чем Востоку. На Западе (в Германии) он достаточно долго работал, воспринял нюансы и специфику западной психологии и политической культуры” (С. 26). Поэтому “достаточно долгое время ему было проще общаться с западной, чем с восточной политической элитой” (С. 27). К тому же “сказывалось его питерское происхождение, традиционно ориентированное на европейскую культуру и шкалу ценностей” (Там же). Впрочем, в сноске к этому пассажи автор, как кажется, сам себе возражает: “Конечно, нельзя сказать, что московское происхождение изначально ориентирует на некое “азиатское видение”. Однако в лю-

бом случае “московский взгляд” более консервативен и традиционен в оценках исторической роли Европы. Продолжая эту логику, видимо, самый приближенный к Восточной Азии взгляд может исходить от политика сибирского, а еще лучше дальневосточного происхождения” (С. 27, сноска 15).

С.Г. Лузянин исходит из того, что за время между 2000 и 2006 гг. президент Путин трансформировался из “тихого упрямаца” в “самодостаточного человека и политика”, а в его личности при в целом сохранившейся “западности” возникли устойчивые элементы “человека Востока” (С. 28). Другими словами, “президент образца 2000 г. и 2006 г. — это в каком-то смысле разные психологические типы” (Там же). Впадая в определенную апологетику, автор пишет о том, что “уметь постоянно учиться, независимо от должности — важная черта личности, которой обладает президент. В 2006 г., несомненно, перед нами предстает человек “сделавший себя”, человек-лидер. Эта эволюция четко укладывается в известные восточные каноны “самосовершенствования на пути к гармонии восприятия мира” (Там же, орфография и пунктуация автора).

При том, что в умении учиться второму президенту РФ, действительно, не откажешь, представляется, что это все же очень упрощенное понимание происходивших в российской политике в период первого срока В.В. Путина процессов. Достаточно вспомнить некоторые события 2003 г. Экономический подъем в РФ, тупик в отношениях РФ с Евросоюзом (споры по поводу транзита через Литву и визовые проблемы со странами Шенгенской зоны в целом), вторжение США в Ирак и соответствующая реакция российской стороны и международное сообщество, дело “Юкоса”, арест Михаила Ходорковского и реакция на эти события в США и Европе, дело Леонида Невзлина и проблемы “Открытой России” и РГГУ — это лишь наиболее яркие страницы, которые существенно способствовали переоценке ценностей в российском руководстве. Наряду с этим продолжался процесс “равноудаления олигархов”, способствовавший тому, что на место “прозападного лобби” пришли люди и структуры, интересы которых были более дифференцированы.

К большому сожалению, увлеченность С.Г. Лузянина восточным направлением российской внешней политики привела к тому, что в книге все вышеуказанные

события оказались незамеченными, сведясь исключительно к “личностному фактору” (вкуче с усилением России в целом — как справедливо указано, “после 2004 г. у России появились ресурсы для некоей реализации себя как реальной правопреемницы СССР в дальнем зарубежье” (С. 14).

Традиционный страноведческий анализ российской внешней политики, выделяющий в отдельные блоки двусторонние отношения с различными странами, не дает возможности увидеть внешнеполитические процессы во всем комплексе, то есть как некую сумму импульсов и потоков, исходящих от различных акторов международного процесса, каждый из которых преследует собственные субъективные цели. При этом результирующая сумма возникает не как простое сложение различных устремлений и действий тех или иных правительств и лидеров, а как нечто, что происходит часто помимо их воли, но в результате объективных процессов. Именно в этом контексте был бы возможен анализ внешнеполитической стратегии России в целом, частью которой является российская восточная политика. В противном случае вывод С.Г. Лузянина о том, что “современная российская восточная политика — пока в большей степени дискретный и импульсивный процесс оперативного реагирования на возникающие вызовы и текущие события” (С. 432), абсолютно оправдан.

Что касается разделов, составленных из основной части книги и посвященных двусторонним отношениям РФ с различными странами “большого Востока”, то при обилии исключительно интересной фактуры эти отношения очень часто оказываются как бы повисающими в воздухе, поскольку не вписаны в общий контекст отношений и в регионе, и в мире. И здесь можно согласиться с критиками книги, указывающими на ее сугубо страновой подход. Структура книги более характерна для учебника. В результате “каждая глава, каждый подраздел описывают отношения России с какой-либо одной страной. Причем описание это максимально статично, в нем нет никакой динамики. Есть только Россия (под которой подразумевается президент Путин) и отдельный ее партнер. А поскольку Россия лишена национальных интересов (в силу лоббистского характера ее внешней политики), то и партнер выступает только как покупатель или продавец определенных товаров” (Нерсесов Д. Как нельзя писать о Востоке —

http://www.politcensura.ru/cenzory/persesov_dmitrij). Динамическая картина развития систем взаимопереплетающихся интересов различных игроков на мировой арене в большинстве случаев отсутствует.

Это, действительно, недостаток книги, однако, думается, что автор и ставил перед себе цель написать прежде всего учебное пособие для профильных вузов. И с этой задачей, как нам кажется, вполне успешно справился. Что же касается исследователей, которые знакомы с общим контекстом, то они могут вписать предоставленную автором книги фактуру в общий контекст самостоятельно, продолжив таким образом изучение проблемы.

Впрочем, в книге не всегда используется сугубо страноведческий подход. Приятным исключением является анализ и оценка перспектив Шанхайской организации сотрудничества, заметно отличающиеся от сложившегося предвзятого, как нам кажется, взгляда на эту организацию (в вышедшей в 2005 г. объемной монографии "Китай: угрозы, риски, вызовы развитию", написанной большим коллективом авторов, Шанхайской организации уделено минимальное внимание, причем подчеркивается, что ШОС "находится в тупике" и, по сути, обречена превратиться в "формально существующую и малопригодную для действий организацию"). С.Г. Лузянин пишет, что, несмотря на внутренние дискуссии, ШОС выросла из "регионального костюма" и примеряет большие "геополитические одежды". Сфера интересов организации сегодня — Центральная и Северо-Восточная Азия, а в среднесрочной перспективе — еще и Южная Азия и Средний Восток. Одновременно в структурах организации фактически произошла своеобразная институализация треугольника Россия — Индия — Китай с учетом того, что Индия стала наблюдателем" (С. 338—339).

К этому можно добавить, что западные страны просто упустили момент, когда эта организация, создававшаяся первоначально, как декларировалось, для решения пограничных проблем, стала очень влиятельной в мире. Подтверждением этого может служить тот факт, что и США, и ЕС в 2005 г. несколько раз обращались в ШОС с просьбой о получении статуса наблюдателя, однако получили вежливый, но твердый отказ. В то время как Индия, Пакистан, Иран и Монголия такой статус получили без особых проблем.

Официальные лица ШОС с чисто восточной невозмутимостью не устают подчеркивать региональный характер данной структуры, однако сегодня уже очевидно, что влияние и рамки организации в последние год-два вышли за этот уровень. Как подчеркивал президент России летом 2005 г., члены ШОС — это уже три миллиарда человек, обсуждающие свои проблемы без участия и оглядки на США и Европу.

Вместе с тем представляется, что раздел, посвященный ШОС, писался до юбилейного саммита организации в Шанхае летом 2006 г. (весь китайский раздел, частью которого является рассуждения о роли ШОС, заканчивается мартовским визитом Владимира Путина в Пекин). В то время как саммит позволил вывести организацию на новый уровень сотрудничества, который характеризуется консолидацией ее внутренней структуры и наполнением ее реальными делами (это, кстати, то, в чем упрекали ШОС сторонние наблюдатели — много деклараций и отсутствие конкретного наполнения). ШОС становится реальным механизмом решения проблем, касающихся стран-участников, причем проблем отнюдь не только региональных. Решать эти проблемы организация намерена без оглядки на мировое общественное мнение и советы "старших друзей". Недавно помощник президента по внешней политике Сергей Приходько обмолвился, что "нам не нужны подсказки со стороны".

Как подчеркивалось в статье, посвященной юбилейному саммиту и опубликованной 14 июня в "Российской газете" за подписью президента Путина, ШОС открыта для диалога и привлекательна для мировой общественности. Число желающих присоединиться к ШОС растет, что свидетельствует о ее успешности. Однако ШОС открыта далеко не для всех и далеко не со всеми и не по всем проблемам намерена вступать в диалог.

На данном этапе ШОС не намерена принимать в организацию новых членов и расширять состав наблюдателей. Основные усилия сегодня направлены на консолидацию внутренней структуры и переход к решению конкретных задач. По сути, ШОС создает единую инфраструктуру Евразии, позволяющую минимизировать внешние экономические и политические риски. Например, риски, связанные с прохождением танкеров с китайской нефтью через Малаккский пролив. В рамках организации

создаются независимые финансовые механизмы — банковский союз, взаимное кредитование и т.п.

К сожалению, недостаточно внимания, на наш взгляд, уделено в книге вьетнамскому направлению внешней политики России. Возможно, потому, что оно не совсем вписывается в определенную апологетическую направленность работы. Например, при обилии досье, выделенных курсивом в отдельные блоки, и в целом очень хорошего справочного материала, справка по военной базе Камрань, которую Советский Союз, а потом Россия арендовали во Вьетнаме, отсутствует. Об уходе России с базы упомянуто вскользь. “В.Путин принял решение уйти, что было для многих экспертов лишь отчасти понятным” (С. 405). На наш взгляд, этот сюжет, хотя и лежит за рамками основного рассматриваемого периода (2004—2008 гг.), тем не менее заслуживает отдельного рассмотрения. По крайней мере, некоторые предположения относительно причин, побудивших российское руководство в лице президента Владимира Путина и министра обороны Сергея Иванова принять решение об уходе с базы Камрань (которое, как ясно сегодня, было большой стратегической ошибкой), хотелось бы услышать. Да и рассказать об истории базы в соответствующем досье было бы неплохо.

Автором, несомненно, проделана огромная работа по привлечению большого массива источников, касающихся самых различных аспектов отношений РФ с теми или иными странами “большого Востока”. Библиография книги составляет 172 наименования плюс 25 ссылок на Интернет-ресурсы и является одним из существенных достоинств данного издания. Вместе с тем наличие в тексте научной книги ссылок на интернет-ресурсы типа wikipedia.org (Интернет-энциклопедия, позиционирующая себя как свободная, то есть дающая право любому пользователю редактировать и изменять содержащиеся в ней статьи) представляется вряд ли уместным. Хотелось бы

указать также на то, что в книге, называющейся “Восточная политика Владимира Путина”, практически полностью отсутствуют ссылки на материалы, которые непосредственно выражают позицию самого президента (при всем уважении к работе спичрайтеров и привлеченных экспертов) — послания Федеральному собранию, интервью (особенно те, которые даются в преддверии визитов в страны, анализу отношений с которыми посвящена книга), соответствующие статьи в СМИ за подписью президента и пресс-конференции. При этом те, которые приведены в тексте (выступление в МИДе в 2004 г.), цитируются не по сайту президента (<http://www.kremlin.ru>), а по другим интернет-ресурсам.

Присутствуют в тексте и досадные неточности, которые можно объяснить отчасти спешкой автора, отчасти деградацией в большинстве российских издательств редактуры, проверки и корректуры. Например, на стр. 180 министр иностранных дел РФ Сергей Лавров назван министром обороны, на стр. 277 черноморская военноморская группа БЛЭКСИФОР названа “Блэкфор”, на стр. 322 премьер Госсовета Вэнь Цзябао фигурирует как Председатель КНР, а столица Казахстана — по-прежнему Алма-Ата, хотя Россия в свое время, вроде бы, согласилась с новым написанием, предложенным соседями (Алматы). Впрочем, в последнем случае я скорее склонен солидаризироваться с автором — уступка бывшим коллегам по СССР, относящаяся ко временам Б.Н. Ельцина, приведшая к тому, что привычные с детства названия стали писаться не по-русски, была более чем странной с точки зрения языка и вызвала в свое время оживленную дискуссию в прессе.

В целом, несмотря на все указанные недостатки, книга профессора С.Г. Лузянина является важным вкладом в развитие российского востоковедения и может служить серьезным подспорьем любому, кто занимается исследованием международных отношений.

**Вопросы безопасности в Азии: обзор за 2006 год / Под ред.
Джасджит Сингха. Нью Дели: Центр военно-воздушных
исследований, 2006. 279 с. Jasjit Singh. Asian Defense Review: 2006.
New Delhi: Centre for Air Power Studies, 2006. 279 p.**

Многие современные исследователи высказывают мнение, что XXI в. будет "Веком Азии". Разные факты свидетельствуют в пользу данного утверждения: во-первых, этот регион уже стал лидером по своему демографическому потенциалу; во-вторых — это место скопления наибольших разведанных запасов стратегически необходимых энергоресурсов. Азия стала "мастерской мира", благодаря стабильно высокому экономическому росту Китая, усилению его совокупной мощи, а также благодаря прорыву в области информационных технологий, освоению высокотехнологичных производств в Индии, Японии, Южной Корее. Однако именно здесь особенно остро стоят вопросы мира, стабильности, безопасности.

"Вопросы безопасности в Азии: обзор за 2006 год" — это сборник аналитических статей, изданный коллективом авторов военных специалистов, научных сотрудников Центра военно-воздушных исследований в Нью-Дели. Центр является независимым негосударственным исследовательским учреждением, основанным в 2002 г. Несмотря на узкопрофильное название, круг научных интересов сотрудников Центра весьма широк: это и вопросы национальной безопасности Индии, ее оборонная политика, анализ общерегиональных тенденций в военной сфере, эволюция стратегической ситуации и вероятностная смена геополитических императивов в мире. В результате подобных исследований в 2004–2006 гг. были изданы работы "Военно-воздушные силы и совместные военные операции", "Военно-стратегическое измерение войны в Ираке", "Ядерное устрашение и дипломатия" и др.

"Вопросы безопасности в Азии: обзор за 2006 год" можно рассматривать как итог совместных исследований и усилий во всех вышеперечисленных областях. Книга состоит из восьми глав-статей, связанных

стремлением дать аналитический срез наиболее показательных процессов, которые имеют место в Азии в течение последних нескольких лет. Авторы знакомят нас с явлением "полуконвенциональной войны" на примере войны в Ливане (2006 г.), с тенденциями в сфере военных расходов крупнейших стран региона, со взглядами индийских специалистов на "геополитическую игру" вокруг энергоресурсов. В большинстве статей рассматриваются различные аспекты военной политики Индии и крупнейших стран региона: Китая, России, Пакистана.

Авторы сборника последовательно применяют сравнительный метод к различным ситуациям в области безопасности в Азии. В их интерпретации "Азия" — это 43 независимых государства. Интересно, что в это число входят Австралия, Новая Зеландия, Египет и не входят закавказские постсоветские республики, а также Катар, Бутан, Кипр и Мальдивы. Сильной стороной книги является обширный свежий (вплоть до 2006 г.) статистический материал по изучаемой проблеме. Привлечены данные ведущих международных исследовательских центров (RAND Corporation, SIPRI), а также данные официальной статистики, сведения из открытой части национальных военных бюджетов и из независимых СМИ. Это позволяет создать достаточно полное впечатление об исследуемом объекте. Авторы обозначают некоторые общие тенденции и, "оставаясь за кадром", позволяют читателю самостоятельно делать выводы на основании приведенных цифр.

Открывает сборник вступительное слово директора Центра Джасджита Сингха. По основной идее автора, многие страны Азии, оказываясь все более вовлеченными в процессы глобализации, неизбежно сталкиваются с новыми вызовами и новыми угрозами. Они буквально вынуждены "идти по острию ножа", своевременно реа-

гируя на растущие социальные диспропорции, радикализацию населения, поддерживать должный уровень обороноспособности своей страны, сравнимый по военному потенциалу с ближайшими соседями. По мнению Сингха, именно на боевых полях Азии разворачивались самые долгие и изматывающие конфликты XX в., но и в XXI в. этот регион вошел как “эпицентр мирового терроризма”. Шесть из девяти ядерных держав находятся в Азии, и возможность эскалации новых конфликтов сохраняется. В этих условиях восходящим мировым державам Китаю и Индии необходим длительный период мирного развития, чтобы консолидировать энергию своего успешного развития и направить ее на улучшение условий жизни многомиллионного населения.

Открывает экскурс с современную Азию статья Джасджита Сингха о ливанской войне. Возможно, отечественному читателю некоторые подробности предложенного автором обстоятельного анализа покажутся избыточными, а тема — чересчур узкой, но здесь интересен не столько материал, сколько метод. К войне в Ливане предлагается подойти как к частному случаю “полуконвенциональной войны”, которую автор определяет как “организованную военную компанию, которая не является законным инструментом какого-либо государства, но, возможно, косвенно поддержана какой-либо страной (посредством операций спецслужб, или государственных вспомогательных подразделений)¹, которая ведется специфическими средствами вооружения с элементами партизанской войны” (С. 24). Этот конкретный недавний исторический пример позволяет сделать вывод, что угрозы национальной безопасности принимают все более сложные, гибридные формы. Подобные конфликты не ограничиваются искрометными акциями, а принимают затяжной характер. Они подтачивают, разлагают основы государства и могут привести к вынужденному решению о прекращении огня или даже признанию своего поражения.

От краткого исторического обзора ав-

тор переходит на более высокий уровень обобщения, предлагая читателю обстоятельный анализ — “Расходы на оборону: состояние и тенденции”. Дж. Сингх методом дедукции последовательно отталкиваясь от общемировых тенденций, проецирует их на азиатский регион в целом и ключевые страны в отдельности и анализирует военные расходы по ряду выделенных им критериев. Он исходит из того, что официальные отчеты большинства стран, особенно с выраженными авторитарными режимами, отличаются недостатком транспарентности в военных делах. Ошибочный расчет закупочных цен, неучет колебаний валютных курсов, незнание особенностей формирования бюджета и распределения средств в отдельных странах приводят к существенной погрешности и неадекватным оценкам и выводам о совокупной военной мощи и уровне боеспособности той или иной страны. Поэтому вся система его аргументаций зиждется на следующих посылах: во-первых, данные о расходах на оборону должны рассматриваться в относительном ключе, как индикатор состояния, а не как конкретная точная цифра; во-вторых, надо использовать открытые данные из доступных источников, чтобы наметить общую динамику процессов в военной сфере; и, наконец, чтобы не вводить исследователя в заблуждение, цифры должны сопровождаться подробным комментарием.

Сингх выделяет ряд критериев, совокупность которых способна дать наиболее общее, объективное представление о реальных военных расходах страны: средства, выделенные на оборону в процентах от ВВП, состав и состояние армии, количество и качество основных единиц вооружения, уровень индустриально-технологического развития страны, объем экспортно-импортных операций с военной техникой, расходы на модернизацию, пенсионное обеспечение отставников.

В главе “Международные тенденции” автор отмечает общий рост расходов на безопасность в начале XXI в. Но он не равномерен в различных регионах и странах, и далеко не все события можно объяснить

1. Как, например, IRGC — Iran's Islamic Revolutionary Guards Corps (Исламские революционные охранные подразделения в Р. Иран), ISI — Pakistan's Inter-Services Intelligence (Объединенное разведывательное управление Пакистана).

войной с международным терроризмом. Интересно замечание, что “наибольший рост произошел в тех нескольких странах, в которых деятельность США послужила основным толчком к эскалации военных расходов”.

В следующей главе, посвященной Азии, для иллюстрации борьбы мирового сообщества за транспарентность в военной сфере дается исторический анализ международной инициативы, носящей название “Регистр вооружений ООН” (UN Arms Register). Согласно резолюции 46/36L Генеральной ассамблеи ООН за 1991 г., все страны-члены Организации должны ежегодно направлять данные всех импортно-экспортных операциях, связанных с торговлей обычными видами вооружения (по спискам и категориям, выделенным в Регистре). По данным за 2004 г., хотя 115 из 191 государств-членов ООН направили свои отчеты, около половины государств Азии регулярно игнорируют предписания ООН, и лишь 13 выполняют распоряжение на постоянной основе. Подчеркивается, что Индия — одна из немногих наиболее открытых, “дисциплинированных” стран.

В “Заключении” делается вывод, что войны современного типа выигрываются не численным перевесом, а технологически более совершенным оружием, высокопрофессиональным составом армии, способностью отражать атаки на информационном поле. Поэтому критерии оценки обороноспособности страны постоянно изменяются.

От региональной и национальной безопасности, составители сборника переходят к наиболее животрепещущей теме — к вопросу о борьбе за контроль над энергоресурсами. Этой теме посвящена статья Шебонти Рэя Дэдвола (Shebonti Ray Dadwal) “Геополитика энергетической безопасности”. В ней отмечается, что география сосредоточения энергоресурсов на планете почти полностью коррелируется с географией вооруженных конфликтов и крайне военизированных и нестабильных регионов. Даже там, где эта зависимость не прослеживается, тем не менее, существуют другие проблемы, осложняющие и удорожающие разработку нефтяных и газовых месторождений. Поэтому многие страны-импортеры вынуждены из двух зол выбирать меньшее. “Меньшее зло”, по мнению

автора, это месторождения Африки, Латинской Америки и Центральной Азии. Но в Африке это в основном месторождения, находящиеся в зоне морского шельфа, требующие значительных инвестиций в инфраструктуру и технологии. В Венесуэле — это огромные запасы сверхтяжелой сырой нефти, также чрезвычайно капиталоемкие. Резервы Каспийского бассейна залегают во внутреннем море. Регион не располагает пока разветвленной системой трубопроводов. Существующие мощности замкнуты на Россию, стремящуюся диктовать свои условия постсоветским республикам. Руководствуясь в основном англоязычными американскими источниками, автор осторожно критикует стратегию Москвы по “выдавливанию потенциальных соперников из Центральной Азии” (С. 117—118). Шебонти Рэй Дэдвол полемизирует с председателем Ассоциации изучения пиков добычи нефти и газа инвестиционного банка Simmons & Co International Мэтью Симмонсом, объявившим в 2005 г. о скором нефтяном кризисе ввиду постепенного исчерпания этого невозобновляемого ресурса (С. 108—110). Он приходит к выводу, что нефть будет только дорожать, и призывает вкладывать средства в научные проекты, занимающиеся разработкой альтернативных источников топлива и энергии, которые в среднесрочной перспективе станут вполне конкурентоспособными.

При этом автор особенно предостерегает нефтедобывающие страны от впадения в зависимость от столь “капризного” ресурса, от “голландской болезни”, от чрезмерной эксплуатации энергоресурсов в качестве геополитического инструмента. Следуя в русле индийских политических традиций, Шебонти подчеркивает, что общая проблема дефицита нефти требует коллективных мер, многостороннего сотрудничества и согласования позиций и политических приоритетов в сфере энергетической безопасности. “Энергоресурсы могут быть не только “яблоком раздора”, но и эффективным средством интеграции, побуждающим осознание общих совпадающих интересов” (С. 126).

Наиболее интересная, по нашему мнению, статья Т. Дж. Джозефа “Военная модернизация Китая и посредничество России”. Автор анализирует усилия китай-

ского руководства за последнее десятилетие (1996—2006) по созданию современной боеготовой армии. Материал структурирован по отдельным родам и видам войск. Особенно подчеркивается необходимость освоения приемов и методов ведения “информационной войны”, развития и использования информационных технологий. Но в одиночку, особенно в условиях сохраняющегося эмбарго западных стран, Китай с подобной задачей не справился. Поэтому как в области поставок боевой техники, выдаче лицензий на производство, так и в области проведения учений личного состава отчетливо прослеживается “российский след”.

Рост милитаризации Китая изменяет баланс сил в регионе. Несмотря на многочисленные уверения китайских лидеров в приверженности принципам мирного разрешения конфликтов, регулярная демонстрация Китаем силы приводит его ближайших соседей в “состояние дискомфорта” (С. 156). Мысль Т. Дж. Джозефа развивается в двух направлениях: во-первых, он признает, что каждая нация вправе развивать свои возможности для защиты собственных интересов, использовать их для влияния на международной арене. С другой стороны, он отмечает, что своеобразная “гонка вооружений” расползается дальше по региону. Ближайшие соседи Китая вынуждены аккумулировать дополнительные средства для наращивания собственных военных возможностей, чтобы поддерживать стратегический баланс в регионе. Выигрывает от этого только Россия, получая дополнительные заказы от Индии, Вьетнама, Малайзии. Автор задается вопросом: куда, помимо исторической миссии воссоединения Тайваня, может повернуть китайская боевая машина.

Конечно, для индийских исследовате-

лей особенно актуальны процессы, происходящие в прилегающих к Индии государствах. Их особую озабоченность вызывает сползание Пакистана в кризис и в иностранную долговую зависимость. В статье “Экономика Пакистана: тенденции и перспективы” Шалини Чаулу подчеркивает, что отсутствие экономической стратегии на долгосрочную перспективу, политическая нестабильность играют не последнюю роль в радикализации Пакистана. Рекомендации автора, пожалуй, не отличаются особой оригинальностью (индустриализация, переход на самокупаемость, налоговая реформа, инвестиции в социальный сектор), но от этого предлагаемые варианты решения непростых проблем не утрачивают своей актуальности.

Необычный аспект политики в области безопасности затрагивается в статье “Технологические требования для ведения “сетевой войны” (сетевая война — network-centric warfare (NCW)). Работа посвящена обзору всех доступных современных средств коммуникаций, которые позволяют быстрее реагировать, обмениваться информацией, координировать совместные действия на поле “сетевой войны”. Подобные технологии дают преимущество в скорости перед противником, позволяют заставить его врасплох.

Последние два раздела посвящены эволюции индийско-американского диалога по вопросу о ядерном арсенале Индии, организации и финансированию ее системы безопасности.

Книга “Вопросы безопасности в Азии: обзор за 2006 год” — это важный вклад в формирование целостного видения военно-стратегической ситуации в Азии. Она помогает лучше понять взгляды на проблемы обороны и безопасности с позиций специалистов дружественной Индии.

Юбилей ученого

Рустаму Мамедовичу Асланову — 70 лет

Асланов Рустам Мамедович родился 15 июля 1937 г. в г. Чарджоу Туркменской ССР.

Рустам Мамедович рано начал трудовую деятельность. Его отец погиб на фронте во время Великой Отечественной войны, в семье было тяжелое материальное положение. Работая днем, окончил вечернюю школу рабочей молодежи и в 1957 г. поступил на китайское отделение восточного факультета Ташкентского университета, где после окончания учебы (1962 г.) работал преподавателем, заместителем декана востфака.

В 1967 г. Р.М. Асланов был принят на работу в качестве главного редактора, директора программы иновещания Гостелерадио Узбекистана.

После обучения в аспирантуре Академии общественных наук при ЦК КПСС (1969—1972 гг.) и успешной защиты кандидатской диссертации Р.М. Асланов возвратился на прежнюю должность в Гостелерадио Узбекистана.

В 1976 г. Р.М. Асланов по конкурсу был принят в Институт Дальнего Востока РАН. Работал старшим научным сотрудником, заведующим сектором, в настоящее время занимает должность заместителя директора ИДВ по науке.

Работая в ИДВ РАН, Р.М. Асланов занимался изучением маоистских "марксистско-ленинских" партий в различных странах мира. Им подготовлено значительное число аналитических материалов, публикации в специальных изданиях ИДВ, научно-политических журналах страны. Наиболее значительной работой является монография "Под фальшивым флагом", написанная в соавторстве с зарубежными исследователями (М., 1983 г.).

В настоящее время он изучает современные проблемы КПК (идейно-политические аспекты), опубликовал по данной теме ряд научных статей и материалов в сборниках и коллективных монографиях ИДВ РАН и других изданиях.

Р.М. Асланов является бессменным организатором международных научных конференций “Китай, китайская цивилизация и мир”, проводящихся ежегодно с 1990 г. по настоящее время. Всего на сегодняшний день состоялось 16 научных форумов, в которых приняли участие значительное число представителей мировой синологии.

Рустам Мамедович работает в ИДВ более 30 лет. Он — член Ученого совета ИДВ, член редколлегии журнала “Проблемы Дальнего Востока”, заместитель председателя Общества российско-китайской дружбы, член правления Российской организации солидарности и сотрудничества стран Азии и Африки.

Коллеги по Институту Дальнего Востока РАН, члены редколлегии и сотрудники редакции журнала “Проблемы Дальнего Востока” сердечно поздравляют Рустама Мамедовича Асланова с юбилеем и желают ему хорошего здоровья, новых творческих достижений.

Кулик Борис Трофимович
23.07.1928 — 24.06.2007

24 июня 2007 г. ушел из жизни крупный отечественный китаевед, доктор исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посол Борис Трофимович Кулик.

Уроженец Алтайского края, Борис Трофимович после окончания в 1951 г. Московского государственного института международных отношений связал свою судьбу с Китаем, посвятил всю свою жизнь изучению этой страны и налаживанию добрососедских, дружественных отношений нашей страны с Китаем. На разных этапах своей биографии, будь то дипломатическое поприще, где он прошел путь от атташе до Чрезвычайного и Полномочного Посла, или партийно-государственная служба, когда он многие годы возглавлял китайское направление, или Институт Дальнего Востока, в период работы в котором в 1989—2005 гг. со всей полнотой раскрылся его талант ученого — везде и всегда Б.Т. Кулик отдавал все силы тщательному исследованию и глубокому анализу сложных процессов общественно-политического развития, происходивших в Китае и в родном Отечестве, влиянию этих процессов на характер российско-китайских межгосударственных отношений. Везде и всегда он принципиально и последовательно отстаивал интересы и достоинство нашей Родины.

Борис Трофимович останется в памяти коллег по работе как талантливый, вдумчивый и трудолюбивый человек, ученый и политик, немало сделавший для налаживания и упрочения наших отношений с Китаем в самые напряженные периоды истории. Своими фундаментальными трудами он внес весомый вклад в разработку наиболее сложных проблем и решение спорных вопросов советско-китайских отношений. Его капитальная монография “Советско-китайский раскол: причины и последствия” явилась оригинальным словом в исследовании одной из сложнейших проблем международной жизни XX в. Его многочисленные труды характеризуются творческим научным подходом, глубиной знаний, взвешенностью оценок и выводов, ярким литературным языком. Он по праву завоевал высокий авторитет ученого-международника, крупного специалиста по проблемам Дальнего Востока, Азиатско-Тихоокеанского региона и, конечно, Китая. Разносторонние заслуги Б.Т. Кулика перед Отечеством отмечены высокими правительственными наградами.

Его блестящие способности, пылкий ум, неиссякаемое трудолюбие, творческий подход и доброжелательность в отношении коллег снискали глубокое уважение у всех, кто соприкасался с Борисом Трофимовичем лично или знакомился с его трудами.

Друзья и коллеги Бориса Трофимовича Кулика скорбят по поводу его кончины и приносят глубокие соболезнования его семье.

Светлая память о Борисе Трофимовиче Кулике навсегда останется в наших сердцах.

*Дирекция, общественные организации и сотрудники ИДВ РАН.
Редакция и редколлегия журнала “Проблемы, Дальнего Востока”*

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).

2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).

3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на дискете 3,5" с указанием имени файла в формате MS Word 6.0 для Windows или в формате RTF с распечатками текстов в 2 интервала.

4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF с разрешением не менее 300 dpi.

5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

а) *На русск. яз.* Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С...

б) *На кит. яз.* Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С...

в) *На англ. яз.* Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. P. ...

Статьи.

а) *Из печатных изданий*

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) N... С...

б) *Из интернета*

Автор статьи. Название статьи // Полный электронный адрес.

*Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале
можно получить по тел.: (095) 124-09-02.*

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений
несут авторы.

Уважаемые авторы журнала "Проблемы Дальнего Востока"!

Доводим до Вашего сведения, что в соответствии с требованиями Академиздатцентра "Наука" РАН с января 2006 г. Вы должны присылать в редакцию вместе с текстом статьи заполненный бланк договора. Бланк договора Вы можете найти на сайте нашего журнала www.ifes-ras.ru или на сайте Академиздатцентра "Наука" www.paukaran.ru.

Обращаем Ваше внимание на то, что договор вступает в силу только после принятия редколлегией журнала решения о публикации статьи.

Для оформления авторского гонорара необходимо представить в редакцию следующие сведения:

- дата рождения (число, месяц, год);
- домашний адрес с индексом;
- паспортные данные;
- номер страхового свидетельства Пенсионного фонда РФ;
- номер лицевого счета и реквизиты банка.

Интересующие вас вопросы вы можете задать зав. редакцией журнала Елене Александровне Лапшиной по телефону 124-02-15.

Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.

При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.

Сдано в набор 15.06.2007 г. Подписано к печати 11.07.2007 г. Формат бумаги 70x100 1/8
Офсетная печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 13,8 тыс. Уч.-изд. л. 14,6 Бум. л. 6,0
Тираж 872 экз. Зак. 340

Издатель: Академиздатцентр «Наука»,
117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. 124-09-02; e-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2007 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6